Р. Дасаев
А. Львов

КОМАНДА НАЧИНАЕТСЯ С ВРАТАРЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ОТ АВТОРОВ

Мы не ставили цели писать книгу. Она родилась сама собой из разговоров, споров, встреч, которых за годы нашего знакомства набралось немало. И начать ее не могли долго - тому были свои причины. А когда приступили к ней, то решили, что, закончив рукопись, вернемся назад и расскажем читателю, что все-таки побудило каждого из нас взяться за перо.

Пусть сказанное нами чуть ниже не будет воспринято как дежурное откровение авторов. Просто давайте считать это короткое вступление словами приветствия при встрече будущих друзей.

-
- ОТ АВТОРОВ
- НА ТРАМВАЕ В ФУТБОЛЬНОЕ ДЕТСТВО
- ОТ «ВОЛГАРЯ» ДО «СПАРТАКА»
- ИЗ НОВИЧКОВ В ЧЕМПИОНЫ
- КТО НАС ВЫВОДИТ В МАСТЕРА
- ГЛАВНАЯ КОМАНДА СТРАНЫ
- КОМАНДА НАЧИНАЕТСЯ С ВРАТАРЯ
- НАШИ САМЫЕ СТРОГИЕ СУДЬИ
- ПРОВЕРЯЕТ ИГРА
- ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА,

ОТ АВТОРОВ

Мы не ставили цели писать книгу. Она родилась сама собой из разговоров, споров, встреч, которых за годы нашего знакомства набралось немало. И начать ее не могли долго - тому были свои причины. А когда приступили к ней, то решили, что, закончив рукопись, вернемся назад и расскажем читателю, что все-таки побудило каждого из нас взяться за перо.

Пусть сказанное нами чуть ниже не будет воспринято как дежурное откровение авторов. Просто давайте считать это короткое вступление словами приветствия при встрече будущих друзей.

Р. Дасаев: Признаюсь, я долго колебался, прежде чем согласился работать над этой книгой. И решился лишь тогда, когда почувствовал, что все, о чем собираемся рассказать, будет интересно тем, кто предан футболу, кто по-настоящему любит эту удивительную игру. Именно благодаря ей мне выпало счастье познакомиться со многими замечательными людьми. Каждому из них я обязан всем, чего удалось сегодня достичь.

Это тренеры, научившие меня играть, не бояться трудностей, умению терпеть.

Мои партнеры по родному «Спартаку» и сборной, с кем выходил и выхожу на поле.

Это, наконец, болельщики, наши самые строгие судьи, - чуткие, требовательные, справедливые.

Все они - герои этой книги, через которую я хочу отблагодарить их за доверие, заботу и доброжелательность, без чего вратарю в футболе себя не обрести.

А. Львов: Не скрою, уговорить моего соавтора взяться за перо было делом нелегким. Будучи человеком скромным, Ринат напрочь отвергал на сей счет любые предложения, считая, что писать подобные книги удел «звезд», к коим он не принадлежит.

Лед тронулся лишь тогда, когда удалось убедить его, что отдельные эпизоды из жизни Дасаева - только фон для рассказа о людях футбола, посвятивших ему всю свою жизнь. О тех, кто помогал ему с первых шагов в спорте и по сей день рядом с ним, кто дорожит своим добрым именем тренера и игрока, кто любит сам футбол, а не себя в футболе.

Вот почему все главы в ней не просто рассказывают о каких-то отдельных событиях из жизни вратаря, а служат еще и темой разговора о сегодняшних проблемах футбольной игры, для обсуждения которых по окончании каждой из них мы избрали

форму диалога.

И если он будет продолжен между читателями после того, как они перевернут последнюю страницу книги, авторы будут считать свою задачу выполненной.

НА ТРАМВАЕ В ФУТБОЛЬНОЕ ДЕТСТВО

От Москвы до Астрахани всего пара часов лету.

Не успеешь толком просмотреть газеты и журналы, купленные перед рейсом во Внукове, как предупредительная стюардесса уже объявляет: «Наш самолет произвел посадку в аэропорту одного из старейших русских городов...»

Астрахань... Я снова дома.

Уже не первый год живу я в Сокольниках - одном из самых уютных и зеленых районов Москвы, но и астраханский дом, где остались отец Файзарахман Салимович, мать Шафика Хусаиновна, старший брат Рафик, да и все, с кем я рос, ходил в школу, гонял мяч и бегал на Волгу купаться, остается моим.

Так уж, видимо, устроен человек, что, покинув город своего детства, он время от времени возвращается в него хотя бы воспоминаниями. И черпает именно в них силу, необходимую ему, чтобы выстоять, не потеряться, не сбиться с намеченного пути...

Когда в напряженном календаре сезона или сверхплотном тренировочном графике удается выкроить несколько свободных дней, я, наскоро набив дорожную сумку подарками, мчусь во Внуково, чтобы через пару часов полета еще раз воочию заглянуть в собственное детство.

К вечеру, когда я доберусь до знакомого двухэтажного дома на улице Маркина, в не слишком просторной, но очень уютной родительской квартире соберутся все близкие. Мама накроет на стол, посредине торжественно поставит мой любимый яблочный пирог. Начнется долгий неспешный разговор о житье-бытье.

Мама же, дав возможность мужчинам вдоволь наговориться, задаст лишь один вопрос, которым, наверное встречают сыновей после разлуки все матери: «Ну, как ты там, сынок?..»

Я, как обычно, отвечу, что настроение и здоровье в порядке и повода для волнений нет. И при этом улыбнусь, чтобы она поверила. Зачем ей знать, что недавние неприятности в чемпионате и колено, которое не проходит вот уже вторую неделю, заставляют постоянно нервничать.

Утром, наскоро перекусив, я сяду в трамвай номер три, выберу свободное место у окна и отправлюсь на берег Волги к стадиону - в свое футбольное детство...

Плавать я тогда еще не умел. Из-за чего необычайно переживал.

У нашей соседки по дому, тети Шуры, был внук Саша, которого его родители - моряки, уходя в рейс, отправляли к бабушке в Астрахань. Мы довольно быстро сдружились. И я вскоре узнал, что Сашу волнует та же проблема, что и меня, - как научиться плавать.

И вот, уступив нашим долгим и настойчивым уговорам, тетя Шура повела меня и Сашу в спартаковский бассейн.

Неожиданно я оказался способным учеником и вскоре совсем неплохо овладел брассом, который и по сей день предпочитаю всем остальным видам плавания. Довольно быстро из «приготовишек» меня перевели в группу, где уже шло обучение технике и регулярно проводились контрольные заплывы на время. Результаты у меня оказались неплохими, тренеры предсказывали, что в плавании меня ждет хорошее будущее.

Возможно, их прогнозы и оправдались бы, если бы не один неприятный случай: летом, в пионерском лагере, я порезал руку. В рану попала инфекция, и врачи вынуждены были прибегнуть к операции.

Тренировки пришлось на время оставить. А когда было получено добро на их продолжение, я неожиданно почувствовал, что в бассейн меня больше не тянет. Трудно сказать почему. Может быть, из-за того, что, лишившись возможности после операции некоторое время ходить в бассейн, я все чаще и чаще появлялся с мячом на пустыре?

Тренеры довольно долго уговаривали меня вернуться в секцию, просили родителей поддержать их. Но я всякий раз находил новый предлог для отказа. Да и родителям не под силу было заставить сына заняться тем, что ему не по душе. Они давно поняли, что это бесполезно. У нас уже была в доме подобная ситуация: по настоянию матери купили сверкающее черным лаком пианино, за которым она мечтала увидеть нас с братом. Но усадить за инструмент меня никак не могли.

Родители не собирались преждевременно сдаваться. Меня повели во Дворец пионеров в музыкальный кружок. И лишь после того, как авторитетный педагог подтвердил мое предположение, что у меня вовсе нет слуха, отступились.

Футболом же я буквально заболел. И даже во сне видел себя лихо обыгрывающим свирепых защитников соперника и забивающим неотразимые голы трепетавшим от страха вратарям... Наяву все выходило, увы, по-другому. Роста я среди всех игравших на пустыре был самого маленького, да и физически был слабее других. Поэтому все и считали, что как полевой игрок я никуда не гожусь. Вот и приходилось занимать место в воротах.

Я, однако, не спорил - вратарем так вратарем, лишь бы играть. Обидно, конечно, было сознавать, что тебе забивать голы не суждено. А с другой стороны: разве не дать забить гол самым грозным форвардам - значит быть хуже других? Нет, наверное. Но сначала надо же доказать, что можешь не дать забить...

Огромное желание стать «не хуже других» и было моей первой большой целью в футболе. Потом, начав заниматься им по-настоящему, набирая силу, взрослея, я каждый раз на каком-то определенном этапе ставил перед собой все новые и новые задачи - стать основным вратарем юношеской команды, попасть в команду мастеров «Волгаря», заиграть в ней, оправдать свое приглашение в «Спартак», в сборную.

С годами я окончательно убедился - те, кто живет в футболе сегодняшним днем, наносят этим вред не только себе. Не ставя перед собой новые, более высокие цели, не стремясь к преодолению новых вершин, они постепенно превращаются в балласт для команды, мешают идти вперед тем, кто только-только начал подавать надежды.

Почему и считаю: держать безразличных игроков нельзя. Расставаться с ними следует решительно, без всякого сожаления, хотя кого-то из несостоявшихся талантов, как бы там ни было, жалко...

Мальчишкой, в Астрахани, я еще, конечно, так категорично своих мыслей не формулировал. Знал одно: коли доверили тебе выйти на поле - разбейся в лепешку, но доверие оправдай!

Мой отец - давний болельщик и горячий поклонник астраханского «Волгаря». После работы он частенько заглядывал на пустырь, где разворачивались наши баталии. И конечно же, приметил, что в игре я пока отстаю от других. Однажды вечером в присутствии матери отец объявил торжественно, что завтра поведет меня записывать в футбольную школу «Волгаря».

Сообщение это обрадовало и напугало меня. С одной стороны, появилась надежда приобщиться к футболу всерьез. С другой - одолевало сомнение: примут ли? Знал я, что набирали ребят годом старше меня, да и брали не всех. Вся надежда была на отца, на его могучий, как мне казалось, футбольный авторитет...

...Геральд Иванович Бледных - тренер, который набирал группу, - не стал искать повода для того, чтобы отказать мальцу ростом, как говорится, «от горшка два вершка», не умевшему не только мало-мальски обращаться с мячом, но и неспособному с линии штрафной добить его до ворот.

«Ну что ж, пусть приходит, - там посмотрим... »

Почему Бледных не предложил отцу привести меня на

будущий год? Не посоветовал, как обычно бывает, когда хотят деликатно отказать, заняться другим видом спорта, полегче и попроще? То ли отец как-то сумел его убедить, то ли сработала тренерская интуиция... До сих пор не знаю.

Наверное, повезло мне прежде всего потому, что мой первый тренер очень любил мальчишек, умел чувствовать и понимать их душу.

В институтских дипломах не оценивают особо такие качества, как доброта, человечность, терпение будущего тренера. Но человек, лишенный их, даже имеющий одни отличные оценки по всем дисциплинам, никогда настоящим тренером не станет. Да и не подпускал бы я их близко к ребятам. Ничему путному они все равно не научат.

Зато стоит послушать, с каким восторгом рассказывает тот же Федя Черенков о своих первых учителях -Михаиле Ивановиче Мухортове, Анатолии Евстигнеевиче Масленкине и Владимире Игнатовиче Чернышеве!

Мухортов, у которого Черенков начинал играть, узнав, что паренек спит и видит себя на поле в красной майке с белой полосой на груди, привез его в спартаковский манеж в Сокольниках и уговорил Масленкина посмотреть щуплого мальчишку.

Наверное, Масленкин без большой радости взял Федора - охотнее принимают ребят физически крепких. Но бывшему защитнику спартаковцев и сборной ребячьи пристрастия были не безразличны.

Чернышев - в прошлом известный вратарь «Спартака» - в свою очередь помог Черенкову дойти до спартаковского дубля, открыл ему многие секреты единоборства атакующего игрока с голкипером. Кому, как не ему, столько раз оставшемуся с глазу на глаз с нападающими, было не знать их!

Да, от первого тренера, и только от него, зависит, каким будет в будущем отношение к футболу его подопечных.

Думаю, не случайно, когда столичную футбольную школу молодежи в Лужниках возглавляли такие знающие свое дело люди, беспредельно преданные футболу, как Виктор Александрович Маслов, Виктор Тимофеевич Лахонин, Константин Иванович Бесков, Николай Тимофеевич Дементьев, в ней выросли великолепные мастера: Валерий Воронин, Николай Маношин, Геннадий Гусаков, Виктор Аничкин, Валерий Короленков, Геннадий Логофет, Владимир Федотов и множество других.

...Идет к концу очередная тренировка. А у меня ничего не клеится: что ни удар, то мяч за спиной в сетке. Злюсь, ругаю себя, пытаюсь что-то предпринять. Но все напрасно.

Ребята, словно нарочно, бьют в самые углы, да еще подтрунивают: «Эй, вратарь, не спи, проснись!»

- Стойте! - командует Бледных. - Вы разве не видите, что ему просто неинтересно? - обращается к ним тренер. - А ну-ка, давайте устроим соревнование - все против вратаря. Забьете Дасаеву в серии из десяти ударов больше половины голов - победили вы. Меньше - он. Выигравших угощаю мороженым!

И, на секунду подойдя ко мне, тихо бросает: «А ну-ка Ринат, покажи им, что действительно не спишь. Иначе разорюсь на мороженом». И хитро улыбается.

- Ну что ж, начинайте, - завожу я себя, - посмотрим кто кого.

Пулями свистят мячи - справа, слева. Только успевай поворачиваться. На ребятах майки потемнели от пота. Да и я взмок, бросаясь из угла в угол. Геральд Иванович нас подзадоривает:

- Давайте, давайте, братцы, веселее, а то мороженое растает.

Как-то в ту же первую зиму занятий в секции мы пришли в зал минут за двадцать до начала тренировки. И ребята по привычке уговорили меня встать в ворота. И с удовольствием принялись обстреливать меня мячами. Безумно хотелось показать им, что и я в футболе кое-что умею. Зал небольшой, пол деревянный, падать на него жестко. Но я на это внимания не обращал и старался вовсю. И неожиданно услышал голос Геральда Ивановича:

- Молодец, Ринат. Ты же, оказывается, заправский голкипер. А не попробовать ли нам вратарскому делу поучиться всерьез? Мне кажется, что у тебя должно получиться.

Поначалу, признаюсь, от предложения тренера я в восторг не пришел, по-прежнему считая, что в ворота ставят тех, кто меньше всех полезен на поле. Но как было спорить с Геральдом Ивановичем? Я уже доверял ему безгранично...

В то время в росте, как я уже говорил, я заметно уступал даже своим сверстникам. И теперь, узнав, какой это минус для вратаря, от переживаний потерял покой и сон.

Но Бледных подбадривал: «Ничего, Ринат, не вешай носа. Рост - дело времени. Ты давай-ка пока силенок набирайся. К мячу привыкай».

Самой моей большой мечтой стало подрасти; я выискивал способы для этого в газетах, журналах, в рекомендациях знающих, бывалых людей. И сам придумывал различные упражнения. Но заметных сдвигов не было. Однажды мне посоветовали как можно дольше висеть на перекладине перед сном, заверив, что это самый верный способ помочь моей беде. И когда начинало темнеть, я стал тайком ото всех регулярно бегать

во двор к самодельному турнику. Утром, вскакивал с постели, в надежде на чудо пулей летел к дверному косяку производить очередные замеры.

А «чудо» произошло, как это очень часто бывает, совершенно неожиданно. К пятнадцати годам я вымахал сразу на целых двенадцать сантиметров. Видимо, так угодно было природе. Я же упорно считал, что решающими здесь оказались мои настойчивые занятия на турнике и прочие самим же придуманные хитрости.

Геральд Иванович твердил: «Учись анализировать свою игру. Ты должен твердо знать, в какой момент сыграл верно, а в какой ошибся. Тогда легче будет избегать промахов в будущем».

До мелочей он разбирал со мной каждый матч, объясняя, почему, скажем, в одном эпизоде следовало выйти на верховую передачу, а в другом оставаться на месте. Кроме того, учил после пропущенного гола сохранять спокойствие и самообладание.

«Тут важно постараться как можно быстрее забыть о нем, - говорил он. - Почему мяч оказался в сетке, разберешься потом - игра-то продолжается. Поддался переживаниям - не избежать новых неприятностей».

Вдоволь набив на поле синяков и шишек, побывав в самых разных передрягах, начал я постепенно понимать, в чем был резон советов первого тренера.

Однако даже с годами, когда, казалось бы, опыта, умения и даже мастерства уже набрался, без просчетов не обходится. Нередко причины их - психологическое состояние.

...В восьмидесятом году, в полуфинале олимпийского турнира, мы встречались в Москве со сборной ГДР. Соперник был изучен до мелочей. Казалось бы, оставалось только навязать немецким футболистам свою игру. О чем долго и обстоятельно говорили на предматчевой установке Константин Иванович Бесков и Николай Петрович Старостин, еще и еще раз напоминая, что особое внимание нужно уделить подвижному полузащитнику Терлецки и двум пробивным форвардам - Кюну и Нетцу.

Мы понимающе кивали, слушая их, а сами мысленно уже были там, на поле. Игра захватила нас задолго до ее начала. Мысли о ней волновали, не оставляли в покое ни на минуту, нервировали, мешали сосредоточиться.

Все, конечно же, дома ждали от нас только победы. И ощущение огромной ответственности, вдруг охватившее нас перед встречей, изменило нашу игру.

Начали мы суетливо, поспешно, словно боялись, что времени для осуществления задуманного может не хватить. Соперник, уловив наше состояние, стал настойчиво, с подчеркнутым спокойствием навязывать свою игру.

Тон в ней, как и ожидалось, задавали Терлецки, Кюн, Нетц. Усилиями этой троицы и был забит гол, перечеркнувший все наши надежды на выход в финал.

На шестнадцатой минуте Терлецки с углового неожиданно послал мяч не на ближнюю штангу, как обычно, а на дальнюю. Это повергло меня, Чивадзе и Хидиятуллина в замешательство. Мы не успели перестроиться, поверив отвлекающему маневру Кюна, и прозевали рывок Нетца, успевшего выиграть доли секунды и послать мяч в сетку.

Так ли уж сложна и опасна была та ситуация, завершившаяся голом в наши ворота? Вполне было по силам в ней разобраться, чтобы помешать соперникам. Однако слишком уж велико оказалось волнение, слишком уж взвинчены и возбуждены мы были. Отсюда и допущенный промах.

А чем иным можно объяснить осечки Шавло, Черенкова, Гаврилова, Газзаева, «мазавших» из положений, которые принято считать стопроцентными?

Нам просто недоставало опыта выступления за сборную, который, как правило, и определяет степень психологической готовности.

От первого юношеского турнира в Грозном до олимпийского в Москве меня отделяло ровно десять лет -время, за которое предстояло научиться не только понимать суть вратарской игры, но и привыкнуть к утомительному каждодневному труду. Геральд Иванович помогал мне и в этом.

Нередко по окончании тренировки, когда большинство ребят отправлялись в раздевалку, Бледных подходил ко мне и говорил: «Не спеши уходить, Ринат. Давай-ка еще с полчасика попотеем». И, отобрав несколько мячей, начинал обстреливать ворота, меняя направления, дистанцию и силу ударов, при этом успевая корректировать мои действия.

С огромным интересом следил я за тренировками моего тогдашнего кумира и любимца всех астраханских болельщиков вратаря «Волгаря» Юрия Макова. Высокий и мощный, он не давал себе ни минуты передышки в работе.

Маков умел тренироваться вдохновенно, с настроением, так, как тренируются лишь вратари, влюбленные в свое дело. И, учась у него, я даже не предполагал, что наступит момент, когда мы окажемся вместе в одной команде, а затем мне придется сменить его в воротах «Волгаря».

Отца, не пропускавшего ни одной нашей встречи в первенстве города, это, конечно, радовало. Теперь мы вместе ходили на все матчи «Волгаря». Он брал билет и располагался на трибуне среди болельщиков. А я вместе с ребятами спешил занять место за

воротами, откуда подавал летевшие мимо мячи.

Как-то в Астрахань на товарищескую встречу с «Волгарем» приехали футболисты московского «Спартака». По местному телевидению тогда еще не транслировались матчи большого футбола из других городов. И народ хлынул посмотреть на столичных мастеров.

Спартаковцы играли весело, с огоньком, разыгрывая свои любимые узорчатые комбинации, заставляя волноваться и футболистов «Волгаря», и зрителей. Наши, правда, старались как могли. В ударе был Маков. Но чемпион страны, естественно, оказался сильнее. Что и подтвердил хотя скромной, преимуществом в один мяч, но победой.

В двух шагах от меня на поле умело, по-хозяйски распоряжались мячом Папаев, Калинов, Киселев, рвались вперед, запутывая опекунов, Хусаинов, Осянин, Силагадзе, четко и спокойно оборонялись Ловчев и Логофет - те, о ком мне прежде доводилось только слышать и с кем волею судьбы предстояло спустя несколько лет встретиться на поле.

Но больше всего меня поразил Анзор Кавазашвили. Мяч словно сам прилипал к перчаткам этого черноволосого улыбчивого вратаря.

После матча мне очень хотелось подойти и поговорить с ним, наверняка, как я считал, знавшим какие-то особые вратарские секреты. Но мальчишеская робость и застенчивость помешали.

После отъезда «Спартака» вопрос о том, как же научиться такой красивой и безошибочной игре, какую показал Кавазашвили, мучил меня постоянно. Наконец, я отважился задать его Геральду Ивановичу.

- Все очень просто, Ринат, - ответил Бледных. - Надо тренироваться и верить в себя.

...Эти такие простые, но очень верные слова я запомнил, они стали моим девизом. Я их взял в жизнь из незабываемого футбольного детства.

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ, в котором авторы, вспоминая начало спортивного пути Дасаева, с тревогой отмечают, что и нынешние условия для занятий у начинающих футболистов нередко оказываются не лучше, чем у астраханских ребят пятнадцать лет назад.

А. Львов: Ринат, твои воспоминания о первых матчах в футболе очень напоминают рассказы таких великолепных в прошлом игроков, как Игорь Нетто, Валентин Иванов, Эдуард Стрельцов, Виктор Понедельник. И они пришли в футбол с пустырей и дворовых площадок. Создается впечатление, что в их годы, да еще и в то время, когда начинал ты сам, среди

мальчишек футбол был гораздо популярней и любимей, чем сегодня.

В чем же причина подобных грустных перемен?

Р. Дасаев: Одна из них, пожалуй самая главная та, что футбольный мяч почти совсем исчез из дворов. Все вокруг застраивается. Даже тот самый пустырь в Астрахани, неподалеку от моего дома на улице Маркина, где я начинал играть, исчез. Кто спорит: очень хорошо, что растут новые дома, что люди получают благоустроенные квартиры. У моего дома в Сокольниках и двора-то, как такового нет. Место, где ставят машины, есть. А для самой примитивной спортивной площадки его не нашлось.

А. Львов: Один из наших старейших тренеров кстати, посвятивших не один десяток лет работе с ребятами, недавно с грустью заметил, что они сейчас гораздо охотней идут записываться в хоккейные школы, чем в футбольные...

Р. Дасаев: А что здесь удивительного? В большинстве нынешних хоккейных школ условия для занятий гораздо лучше - искусственный лед, мальчишке выдают красивую форму... А в футболе? Сколько лет уже ведутся разговоры, что детский футбольный инвентарь низкого качества и выпускается его очень мало. А о мячах я и вовсе не говорю. У команд мастеров их и то бывает в обрез.

А. Львов: В рассказе о своем футбольном детстве ты несколько раз подчеркивал, что в воспитании будущего мастера очень важны условия, в которых он растет.

Р. Дасаев: Похоже, что у нас и сейчас в этом плане ничего не изменилось...

А. Львов: Ты имеешь в виду материал, опубликованный в «Советском спорте» в 1984 году, рассказывающий, как в Астраханской области запущена работа с детьми?

Р. Дасаев: И его, и то, что время от времени вижу, приезжая домой. По-прежнему, что и подтвердил автор корреспонденции, основное поле стадиона - единственное в городе, находящееся в хорошем состоянии, - закрыто для ребят. До сих пор в футбольной школе при команде мастеров «Волгаря» нет своего собственного помещения, мальчишкам негде переодеться, принять душ.

А. Львов: Но ведь ни тебя, ни твоих товарищей не останавливали ни плохие поля, ни тесные залы...

Р. Дасаев: Верно, однако же это было почти два десятка лет назад. С тех пор в сознании 13-14 - летних ребят многое изменилось. Мы и не подозревали, что где-то наши сверстники тренируются совершенно в иных условиях. Мы радовались тому,

что имели. Сейчас же приходящие на прием в футбольные секции отлично знают, что есть города, где в распоряжении таких же, как они, мальчишек и великолепные зимние манежи, и летние тренировочные лагеря. Как им объяснишь, почему всего этого нет у них?

А. Львов: Не в том ли причина традиционно слабого выступления в чемпионате второй лиги «Волгаря»?

Р. Дасаев: Во всяком случае одна из причин. Времена, когда клубы второго эшелона комплектовались в основном за счет приезжих, прошли. Теперь сразу ясно, где и как налажена работа с резервами. Правда, сейчас в «Волгаре» выступают в основном астраханцы. Но уровень их подготовки мало отвечает требованиям команды мастеров, поскольку их обучение проходило в условиях, уже описанных.

А. Львов: Тренеры клубов - неудачников постоянно думают о том, как бы усилить состав команды. Эти мысли одолевают и поклонников этих клубов. Как-то мне довелось прочитать в «Советском спорте», что в Челябинске интересно, хорошо работает детско-юношеская школа олимпийского резерва № 3, воспитанники которой постоянно приглашаются чуть ли не во все сборные республики. Однако тренеры местного «Локомотива», выступающего во второй лиге, интереса к школе почти не проявляют.

Р. Дасаев: Видимо, руководству «Локомотива», занятому поисками подкрепления в других городах, не до тех, кто растет и подает надежды рядом. Увы, и такое еще не редкость.

А вот совсем противоположный пример. Как известно, способного, острого, результативного форварда Панцулая, ныне приглашенного в один из популярнейших клубов - тбилисское «Динамо», тренер Отари Гегечкори отыскал в танцевальном ансамбле тбилисского Дворца пионеров.

А. Львов: Да, грустная картина вырисовывается из нашей беседы.

Р. Дасаев: Согласен, невеселая, если разговор о проблемах нашего детско-юношеского футбола вести откровенно. Достаточно взять на выбор любую из подшивок «Советского спорта» или еженедельника «Футбол-хоккей», чтобы в этом убедиться. Конечно, это не означает, что все здесь из рук вон плохо. Наши молодые футболисты время от времени удачно выступают на самых престижных турнирах, показывают там достойную уважения игру. Но, будь решена хотя бы часть проблем, которых мы коснулись, по-настоящему ярких удач у нашей футбольной команды было бы гораздо больше.

А. Львов: Есть ведь города, в которых отношение к тем, кто

учится футболу - серьезное, деловое. Скажем, в Днепропетровске, Ленинграде, в столичных школах «Динамо», «Спартака», ЦСКА, в Тбилиси, Душанбе, Запорожье, Киеве.

Р. Дасаев: Значит, есть на кого равняться, с кого брать пример. Поэтому есть надежда на то, что наступит время, когда и в других местах поймут, что футбол начинается с мальчишек.

ОТ «ВОЛГАРЯ» ДО «СПАРТАКА»

...От резкой неожиданной боли буквально потемнело в глазах.

Она росла, заполняла колено и, казалось, через мгновение совсем разорвет его изнутри.

- Ну как, Ринат, дотянешь до конца? - услышал я взволнованный голос тренера Федора Сергеевича Новикова. - Минут десять осталось...

Надо мной склонились ребята, подошел судья, раскрыл чемоданчик врач. Не было только «восьмерки» ставропольцев - мощного, метра два ростом. Это он на полном ходу и врезался в меня, видимо, надеясь, что выпущу из рук мяч, овладеть которым я успел-таки мгновеньем раньше его. Волею случая в этой поездке по Северному Кавказу я оказался в составе «Волгаря» единственным вратарем. По семейным обстоятельствам вынужден был остаться дома Маков. А его дублер Логинов, повздорив с тренерами, наскоро собравшись, укатил в Москву к родителям. И стало быть, заменить меня сейчас было некем. Вот почему на вопрос Новикова - сумею ли дотянуть до конца, - не раздумывая, согласно кивнул.

Однако стоило сделать мне всего один шаг, как боль раскаленной иглой вновь пронзила колено, и я понял, что для меня игра уже закончена. К такому же решению, видимо, пришли и тренеры, направившиеся было на скамейку запасных. И через несколько минут, наскоро облачившись во вратарскую форму, к бровке с поднятой рукой выбежал один из наших полевых игроков. Я же с помощью врача заковылял в раздевалку.

Вот с такой неприятности началось мое выступление в «Волгаре», играть за который я мечтал давно. И досадный случай в матче со ставропольским «Динамо» разом поставил под сомнение реальность моих футбольных надежд.

До прихода в «Волгарь» все складывалось отлично. На зональном турнире юношеского чемпионата страны в Новороссийске я получил приз лучшего вратаря. Хвалили меня за удачную игру и в матчах городского первенства. Вот почему я не удивился, когда узнал, что включен в состав сборной области, которая в середине лета должна была провести контрольную встречу с «Волгарем».

Устроили ее тренеры мастеров для того, чтобы посмотреть в деле молодых астраханских футболистов и отобрать в команду приглянувшихся.

Готовился я к этим «смотринам» не щадя сил, понимая, что

другого шанса показать себя может не представиться еще долго. Доходило до того, что Бледных порой советовал мне на тренировках поумерить пыл, опасаясь, как бы я не перегорел раньше времени.

...Есть матчи, в которых необходимо так сыграть, чтобы заставить поверить в себя всех - партнеров, тренеров, зрителей.

Никогда не делил игры на важные и второстепенные - вратарь на это просто не имеет права. Но всегда четко определял, в каких обязан сыграть выше своих возможностей. Ибо знал: в них решается мое будущее.

Сейчас, когда позади великое множество разных матчей, начиная от тренировочных и кончая мировым первенством, я все же могу выделить, вспомнив до мельчайших подробностей, свои главные матчи:

1977 год, Тарасовка, где я впервые защищал ворота спартаковского дубля в тренировочной встрече с основным составом;

1978 год, чемпионат страны, Ворошиловград, - дебют в основном составе «Спартака» в матче с «Зарей»;

1979 год, Москва, Лужники - первая игра в составе первой сборной страны с командой ГДР;

1979 год, Афины, стадион «Панатинаикос», - отборочная встреча чемпионата Европы со сборной Греции;

1982 год, Севилья, стадион «Рамон Санчес Писхуан», - первый матч мирового чемпионата с командой Бразилии.

Отсчет в этой веренице невероятно трудных, каждый раз полных напряжения испытаний я начинаю с той давней встречи с «Волгарем», проходившей жарким июльским днем семьдесят пятого года в Астрахани.

Волнение и тревога перед ней усугублялись тем, что мог я сыграть за сборную области лишь первый тайм, поскольку в тот же день в педагогическом техникуме, где только что сдал выпускные экзамены, вечером должны были нам вручать дипломы.

Весь тайм я трудился без отдыха: выходил на перехваты, бросался в ноги довольно свободно проникавших в штрафную противников, отбивал и ловил мячи. Но один из них, несмотря на все старания, все-таки оказался в сетке моих ворот.

Наскоро приняв душ, я помчался в техникум, захваченный одной мыслью: пропущенный гол может разом перечеркнуть мои надежды понравиться тренерам «Волгаря». И в праздничной суете выпускного вечера ни на минуту не переставал думать об этом.

Как выяснилось, переживал я зря. Понравился я Новикову. И спустя пару дней еще с несколькими ребятами, как и я,

приглашенными из областной сборной, начал тренироваться с мастерами. Правда, ничего определенного нам не обещали, сразу же дав понять, что проверка продолжается и вопрос зачисления в «Волгарь» остается открытым.

Но это меня не смущало. Я был счастлив уже оттого, что меня заметили, что теперь могу заниматься на «настоящем» поле и распрощаться с ухабами запасного - пыльного и жесткого. Но самое главное, тренироваться на нем вместе со своим кумиром - вратарем «Волгаря» Юрием Маковым.

Юрий оказался единственным, кто два года спустя, в отличие от остальных, рассеял мои сомнения по поводу перехода в «Спартак», сказал решительно: «Иди, Ринат. Не раздумывай. А то, как и я когда-то, упустишь свой момент».

Было время, когда Маковым интересовались многие клубы. Он получил приглашение из Днепропетровска от В. Лобановского, возглавлявшего в ту пору «Днепр». Но после долгих раздумий и колебаний решил все-таки остаться в «Волгаре».

Отношения между вратарями в команде не всегда просты. И если оба они по классу претендуют на место в основном составе, то такая ситуация может послужить поводом для неприятной размолвки между ними, породить взаимные обиды. Что непременно скажется на игре каждого, а следовательно, и результатах клуба.

Однажды мне довелось слышать совершенно, на мой взгляд, абсурдное заявление, что, дескать, «подобные отношения голкиперов только помогают им постоянно находиться в необходимом игровом тонусе». Причем называлось все это почему-то «здоровой конкуренцией».

Безусловно, место в составе не должно доставаться просто так. И борьба за него действительно заставляет все время держать себя в оптимальной форме. Но борьба честная, открытая, в которой ты доказываешь право первого игрой и только игрой. И здесь взаимная доброжелательность, уважение друг к другу коллег по вратарскому делу оказываются неоценимыми. В такой обстановке легко сохранять спокойное рабочее настроение, есть возможность поддерживать на уровне игровую форму.

Но ни Маков, ни я, конечно же, не могли предполагать, что ровно через месяц после прихода в команду тренеры доверят мне место в воротах «Волгаря». Об обстоятельствах, заставивших их это сделать, я уже рассказывал чуть раньше. И теперь, возвращаясь памятью к своему «взрослому» дебюту, вспоминаю, сколько огорчений и неприятностей он принес.

...В Грозном мы проиграли. Местный «Терек» всегда славился умением не терять дома очки. И еще раз доказал это во встрече с

нами. Дважды после ударов грозненских нападающих мне приходилось доставать из сетки мяч. Убежден, что и сам Маков вряд ли сумел бы отразить их мощные удары. Об этом, кстати, сказал, успокаивая меня после встречи, и Новиков. Но от его слов легче не душе не стало. И мысли о том, что уберечь ворота и помочь товарищам я не смог, терзали меня вплоть до следующей игры в Ставрополе.

Однако, несмотря на неприятности первого боевого крещения, я все же почувствовал, что не так уж и страшен черт, как его малюют. И играть в мастерах можно вполне. Словом, некоторая уверенность появилась, и на следующий матч со ставропольским «Динамо» я уже выходил без дрожи в ногах и прежней робости.

Не вывел меня из равновесия и пропущенный на первых минутах гол. И до того момента, когда восьмой номер ставропольцев так бесцеремонно обошелся со мной, играл вполне прилично - смело выходил на перехваты, своевременно реагировал на неожиданные удары. Словом, делал свое дело, как положено.

Думаю, что в следующей встрече в Пятигорске с «Машуком» мне удалось бы сыграть еще уверенней и спокойней. Но после того как наложили гипс, я был отправлен в Астрахань. А из дома в срочном порядке был вызван на подмогу Маков.

«Вот тебе и на, - прислушивался я в самолете к неунимавшейся боли в колене, - неужели вот так, толком-то и не начав играть, придется расстаться с футболом. А может, ничего страшного и не произошло?..»

С такими, прямо скажем, мрачными мыслями летел я в Астрахань, не представляя, что скажу о случившемся матери. К счастью, первым, кого я встретил дома, оказался Рафик. Тут же мы начали придумывать, как успокоить родителей. И хотя старались преподнести происшедшее, как не заслуживающий внимания пустяковый случай, мама, слушая нас, не переставала повторять, что ничего другого от футбола и не ожидала и теперь-то уж оставить его надо обязательно.

Надежды на то, что после снятия гипса все обойдется, - не сбылись. Последовала грустно-популярная среди спортсменов операция мениска. Насколько удачно она прошла, должно было ответить время. И, торопя его, я уже вскоре начал разрабатывать колено, бегая по аллеям соседнего сквера. Но взялся за дело чересчур уж горячо -через неделю сустав вновь начал опухать, а боль усилилась.

О чем я только не думал в то время. И хотя врачи, как могли, успокаивали, обещали уже в ближайшее время перемены к

лучшему, сомнения и тревоги не рассеивались. Да и расстроенная случившимся мама настойчиво продолжала уговаривать бросить футбол, который считала причиной всех бед.

...Говорят, не бывает худа без добра. Так вот, во всей этой истории добром можно считать то, что она по-своему научила терпению, выдержке, во многом помогла укрепить веру в себя. Если хотите, то для меня это был шаг вперед в воспитании собственного характера. Конечно, тогда, восемнадцатилетним парнем, подобной философией я не занимался. Просто приятно было осознавать, что, несмотря ни на какие препятствия, добился своего. И вернуться после операции в ворота удалось.

Особенно это радовало Федора Сергеевича Новикова. «Молодец, Ринат, - говорил он после каждой удачно проведенной тренировки. - Если и дальше так же по-мужски будешь переживать неприятности - быть тебе хорошим вратарем».

Новиков верил в меня. И это тоже помогало быстрее взрослеть, с настроением тренироваться и играть.

Постепенно все входило в свою колею. В команде ко мне уже относились как к равному. Я все чаще сменял в воротах Макова, а астраханские болельщики, привыкнув к этому, перестали насмешливо спрашивать друг друга: «А этот-то долговязый откуда выискался?»

...Но судьбе почему-то оказалось недостаточно одной проверки. И вскоре она решила устроить мне вторую.

Поздней осенью, когда сезон уже был позади, а до отпуска оставался всего денек-другой, во время одной из последних тренировок наш полузащитник Леша Терентьев упал мне на ногу...

Врачи, встретившие меня в больнице как старого знакомого, довольно быстро установили повреждение мениска, теперь уже правого колена. Опять сделана операция.

Колено не заживало. Бесчисленные процедуры, различные восстановительные упражнения не помогали. А когда врачи все чаще и чаще стали деликатно намекать на то, что неплохо было бы года на два-три позабыть о футболе, я понял - дела мои действительно плохи.

И вот здесь судьба подарила мне встречу с человеком, который помог преодолеть растерянность, поддержал в момент, когда, признаюсь, был готов уже сдаться.

В конце семьдесят шестого года в «Волгаре» произошла очередная смена руководства. Вместо Новикова старшим тренером стал молодой и довольно энергичный Леонид Юрьевич Шляк. Он сразу же развил кипучую деятельность - изменил характер тренировок, сделал их более современными,

скоростными, занялся комплектованием состава.

Одновременно с ним в команде появилось с десяток новых футболистов из других городов. Но, несмотря на решение Макова перейти на тренерскую работу и то, что мое возвращение в строй все еще оставалось под вопросом, новых вратарей Шляк не пригласил. Судя по всему, он продолжал верить в меня.

- Думаешь начать тренироваться? - спросил Леонид Юрьевич, когда я, прихрамывая, после одного из занятий зашел в тренерскую.

В ответ я лишь пожал плечами - мол, кто его знает, болезнь есть болезнь.

- Нет, дорогой, так дело не пойдет, - отреагировал на мою неопределенность Шляк. - Команда на тебя рассчитывает, ждет, а ты к этому, смотрю, абсолютно равнодушен. Давай договоримся так - пока под мою ответственность начнешь понемножку бегать. А в Адлере, куда мы с тобой вылетим на пару дней раньше команды, я покажу тебя хорошему специалисту...

И я начал бегать - через силу, превозмогая боль, бинтуя и растирая мое бедное, упорно не желавшее возвращаться в прежнее состояние колено. Бегать и с нетерпением ждать встречи с незнакомым «специалистом -волшебником», от которого, по моему разумению, теперь зависело все.

«Волшебником» оказался врач киевского «Динамо» Владимир Малюта, к которому Шляк привел меня в конце февраля в Леселидзе.

- Выход один - регулярный часовой бег и ежедневные процедуры, - тщательно осмотрев и прощупав сустав со всех сторон, категорически заявил он. - Первое время будет тяжело. Возможно ухудшение. Но надо перетерпеть. Обязательно перетерпеть.

И я терпел: кроссы сменялись процедурами, процедуры - кроссами.

Время шло. Команда тренировалась сама по себе.

Мы жили в доме рыбака под Кудепстой. А тренироваться по два раза в день ездили на так называемое «совхозное» поле в поселок «Веселое», где и по сей день месит по весне грязь не один десяток команд самых разных лиг.

Впервые после приезда в Астрахань московского «Спартака» представилась возможность увидеть вблизи футболистов, о которых прежде доводилось только читать и слышать. И естественно, что особенно внимательно присматривался к вратарям. Изящному киевлянину Юрковскому, прыгучему тбилисцу Гогия, мощному московскому армейцу Астаповскому, сосредоточенному днепропетровцу Колтуну. У каждого из них

своя игровая манера, свои привычки. Но в одном все они походили друг на друга - никто из них в тренировках не щадил себя. И покидали ворота они, казалось, растратив за полтора часа напряженнейшего труда все силы.

После трех недель регулярных пробежек, время и расстояние которых постоянно возрастали, процедур и консультаций я наконец вновь стал в воротах.

«Волгарь» под руководством Шляка заметно переменился - стал быстрее и задиристей в атаке, строже и сосредоточенней в обороне. В контрольных встречах на юге мы почти не проигрывали. Да и раньше, в зимнем турнире российских спартаковских команд в столичном манеже Сокольников, астраханцев отметили за смелую игру.

Из-за травмы я не участвовал в турнире, не побывал в Москве. Но, вернувшись оттуда, ребята рассказали, что новый тренер московского «Спартака» Бесков интересовался, почему «Волгарь» прибыл на турнир без Дасаева. И справлялся о том, как идут у меня дела.

Откуда он знал про меня, до сих пор загадка.

...Первый круг «Волгарь», к огромному удовольствию астраханских болельщиков, завершил в группе лидеров. И во время небольшого перерыва в чемпионате пришла телеграмма, в которой тренер Борис Евгеньевич Яковлев сообщал, что приглашает меня принять участие во встрече двух сборных, составленных из лучших футболистов второй и первой лиги.

Встреча получилась боевая. Среди тех, кто атаковал наши ворота, заметней остальных выглядел очень толковый полузащитник из Симферополя Аджем и обладающий хорошим ударом форвард из Душанбе Гесс. У нас же неплохой техникой и находчивостью выделялся Колядко из Грозного.

Мы проиграли 1:3. Я вышел во втором тайме вместо заметно нервничавшего рослого, но чуть медлительного Гнилова из Магнитогорска. И хотя, как позднее отметили тренеры, действовал намного удачней, от одного гола уберечь ворота так и не сумел.

Матч этот имел для меня определенное значение.

Встреча в Сочи стала очередной проверкой, которую, по общему мнению, выдержал как минимум на «четверку».

Все это придавало уверенность, поднимало настроение, которое нашему брату вратарю, ох, как нужно.

Возвратившись в Астрахань, я сразу же отправился с командой в ту самую поездку, которой суждено было стать началом моего маршрута на пути в «Спартак».

Первый матч в Белгороде мы проиграли. Потому готовились в

следующем - в Курске - дать местному «Авангарду» серьезный бой. За день до игры в номере гостиницы, где мы жили вместе с Валерием Кондратенковым, неожиданно раздался телефонный звонок. Узнав, что трубку поднял я, незнакомый абонент представился тренером «Спартака» Игорем Борисовичем Фроловым и предложил через полчаса встретиться с ним в соседнем, через площадь, сквере.

...После двадцати минут бесплодного ожидания я возвратился в гостиницу, решив, что это был просто один из очередных розыгрышей, которые ребята время от времени устраивали друг другу.

Однако встреча все-таки состоялась. После игры на стадионе ко мне подошел высокий, спортивного вида человек, который звонил накануне в номер. Принеся извинения за вчерашнее опоздание, Игорь Борисович объяснил, что приехал в Курск специально посмотреть меня в игре и она ему, как бывшему вратарю, понравилась.

- Правда, - заметил он, - еще много лишнего делаешь в воротах, да и позицию не всегда верную занимаешь. Но со временем, думаю, мы с тобой от этих недостатков избавимся.

Затем Фролов достал два аккуратно сложенных чистых листа бумаги, ручку и протянул их мне.

- А теперь давай пиши заявление - одно на имя начальника команды «Спартак» Николая Петровича Старостина, а второе - в Управление футбола Спорткомитета СССР...

Признаюсь, у меня от всего услышанного буквально голова пошла кругом: «Какой «Спартак»? Какие заявления? Какое Управление футбола?.. »

Почувствовав это, Игорь Борисович ободряюще улыбнулся.

- Ты что растерялся, Ринат? Через пару дней вы проездом будете в Москве. Тогда сразу же позвони старшему тренеру «Спартака» Константину Ивановичу Бескову. Встретитесь, поговорите. После этого решим окончательно, как поступить.

И протянул листок с незнакомым номером телефона, крепко пожав на прощание руку.

...В Москву я попал впервые. И, оказавшись в бурлящем круговороте Курского вокзала, в первый момент буквально ошалел. Такого неимоверного количества людей я никогда в жизни не видел.

Потоком неслись автомобили. Покрикивая, туда-сюда метались с перегруженными тележками носильщики. С чемоданами и сумками спешили в разных направлениях сотни людей. Создавалось впечатление, что все, кто оказался в это раннее время на привокзальной площади, куда-то опаздывают,

но, несмотря ни на что, упорно мчатся, не теряя надежды успеть.

Самолет на Астрахань улетал только вечером. И с ребятами постарше, уже не раз бывавшими в столице и которых вся эта толчея и суматоха не приводила уже в растерянность, я отправился в Сандуновские бани, куда, как я слышал, частенько заглядывают попариться футбольные знаменитости.

«Неужели в этом громадном городе мне предстоит жить и играть? - думал я по дороге, рассматривая свое отражение в темном вагонном стекле поезда метро. - А как же команда, ребята, дом? Ведь, расставшись с ними, надо все начинать заново. И еще неизвестно, как оно может получиться. А тогда стоит ли вообще что-либо затевать?.. »

Я задавал себе вопрос за вопросом, но ответа ни на один из них не находил. Бумажка с телефоном старшего тренера «Спартака» жгла руку. И, когда времени до отъезда в аэропорт оставалось уже в обрез, я решил все-таки позвонить.

Самого Бескова дома не оказалось. Но его супругу - Валерию Николаевну - мой звонок нисколько не удивил. Она тут же сообщила, что на Павелецком вокзале, откуда мы собирались отправляться в домодедовский аэропорт, меня ровно через час будет ждать Фролов, который и объяснит, что делать дальше.

Игорь Борисович был краток.

- Быстро в камеру хранения. Забирай сумку и едем в Тарасовку - вечером тренировка.

Я вновь заколебался. И, заметив это, подошедший Шляк твердо сказал Фролову: «Никуда он не поедет!»

Прервали свой разговор стоявшие неподалеку ребята, выжидающе смотрели на меня тренеры, чуть отошел в сторону Фролов. Молчал, почувствовав всю важность происходящего, и я. Но это продолжалось секунду -другую. После чего, невнятно пробормотав слова прощания, я повернулся и вслед за Игорем Борисовичем направился к входу в метро.

Предвижу: читатели могут с осуждением отнестись и к моему поступку, и к такой форме «вербовки». Признаюсь, и мне в тот момент было не очень-то по себе. С одной стороны, жег стыд: бросил коллектив, ушел от тренера, столько возившегося со мной... С другой - захлестывал восторг: иду в «Спартак»! В тот самый «Спартак», который поразил мое мальчишеское воображение еще в Астрахани, когда я, замирая от счастья, подавал за его воротами мячи.

А спустя каких-нибудь полчаса электричка мчала нас от столицы к станции с еще ничего пока не говорящим мне названием «Тарасовка».

Если бы существовала на свете футбольная карта, Тарасовка

занимала бы на ней особое, почетное, место.

В Тарасовке готовились к матчам те, кто сразу завоевал авторитет только что родившемуся клубу. Легендарные братья Старостины, братья Соколовы, Станислав Леута, Владимир Степанов, Георгий Глазков, Виктор Семенов.

Из Тарасовки на игры отправлялось следующее великолепное поколение спартаковцев - Константин Рязанцев, Олег Тимаков, Серафим Холодков, Василий Соколов... А чуть позднее - Никита Симонян, Сергей Сальников, Игорь Нетто, Алексей Парамонов, Анатолий Ильин, Борис Татушин, Анатолий Исаев, Анатолий Масленкин, Анатолий Крутиков...

И те, кто в дальнейшем приносил «Спартаку» славу и уважение красивой, честной, открытой игрой, -Валентин Ивакин, Юрий Севидов, Валерий Рейнгольд, Геннадий Логофет, Галимзян Хусаинов, Алексей Корнеев, Анзор Кавазашвили...

Еще до сих пор среди тарасовских старожилов, которые и сейчас частенько заглядывают на наши тренировки, есть те, что на этом же самом поле видели почти всех перечисленных спартаковских асов. И нередко, предаваясь воспоминаниям, они с восторгом рассказывают об их пушечных ударах, неповторимых финтах, фантастической технике и невероятной смекалке.

Порой в этих воспоминаниях проскальзывает грусть - ведь кое-кого уже нет из бывших кумиров. Но надежды еще увидеть здесь, в Тарасовке, новых Старостиных, Степановых, Нетто, Сальниковых ни один из них не теряет. Почему они так внимательно и присматриваются к каждому молодому игроку, так придирчиво следят за любым новичком, стараясь, невзирая на капризы погоды и не считаясь с самочувствием, не пропускать ни одного матча дублеров.

Для всех, кто приходил в «Спартак», команда начиналась именно с Тарасовки. И не случайно здесь, в нашем втором доме, я, как и в разное время многие ребята, отпраздновал через восемь лет свадьбу с Неллей...

«...Что-то ты уж больно худоват, парень»-такими словами встретил меня Бесков, когда мы с Фроловым переступили порог его небольшой комнаты, расположенной на втором этаже деревянного домика, именуемого «Учебно-тренировочной базой футболистов «Спартака».

Константин Иванович еще раз внимательно, прищурившись, посмотрел на меня. Казалось, он сразу же хотел определить, что же за игрок пожаловал на сей раз в команду и чем этот высокий сухопарый новичок ей сможет оказаться полезен. А затем, обращаясь уже скорее к самому себе, задумчиво произнес: «Хотя, впрочем, и Толя Акимов не выглядел в воротах атлетом... - И,

повернувшись в Фролову, продолжил: - Ладно, сейчас пусть идет отдыхать. А вечером встретимся на поле». И очень тепло, по-доброму улыбнулся.

Для меня Бесков и сегодня остается таким, каким показался в момент знакомства, - спокойным, сильным, уверенным в себе, старающимся отыскать подобные же качества в тех, с кем собирается заключить творческий союз.

...Часов с четырех пустые коридоры базы наполнились шумом незнакомых голосов. Команда собиралась на очередную тренировку. А я продолжал сидеть в пустой комнате, куда меня временно определили, все еще продолжая терзаться сомнениями.

Состояние мое нетрудно было понять. Где-то далеко был дом, обеспокоенные родители, наверняка обидевшиеся ребята. Когда теперь придется увидеть их? Что ждет меня в этой совершенно незнакомой, с таким громким именем команде? Чем могу помочь ей я, только-только начавший играть за рядовой клуб второй лиги?..

Наверное, как и несколько часов назад в метро, я мог задавать себе такие вопросы до бесконечности.

Но дверь неожиданно приоткрылась, и коротким взмахом руки Игорь Борисович позвал на тренировку. Мою первую тренировку в «Спартаке».

На поле я увидел тех, чьи фамилии чуть раньше прочитал на стене коридора в графике дежурств, - Гладилина, Булгакова, Хидиятуллина, Глушакова, Букиевского, Сорокина...

Мое появление никакого впечатления на ребят не произвело. И, судя по всему, осталось незамеченным, поскольку каждый из них продолжал заниматься своим делом. А мы с Фроловым, взяв несколько мячей, выбрали место в углу поля и приступили к обычной вратарской разминке.

Поначалу ощущение неловкости и волнение не покидали меня. И время от времени, улучив момент, я старался глазами найти Бескова, наивно полагая, что сумею понять, нравлюсь ему или нет. Но постепенно тренировка захватила, заставила позабыть обо всем.

Все решилось на третий день моего пребывания в Тарасовке, когда от неопределенности и постоянного напряжения я был настроен уже все бросить и ближайшей электричкой умчаться в Москву, а оттуда в Астрахань. Об этом я и собирался сразу же после завтрака сказать Бескову.

Но утром, на зарядке, Игорь Борисович неожиданно предупредил:

- Вечером двусторонняя. (Так обычно именуются тренировочные встречи основного и резервного составов.)

Готовься.

И я понял: сегодня все для меня и решится.

Предстоял матч, не случайно оказавшийся в списке моих «главных» - тех, что я перечислял раньше.

...Сыграл я, как мне показалось, средне. Я впервые почувствовал, как непросто отстаивать ворота тем, кто должен сдерживать атаки с участием Ярцева, Гаврилова, Хидиятуллина, Гладилина, Шавло. Словом, мы проиграли. А потому сразу же после игры принялся собираться в путь, укладывая в сумку свои нехитрые пожитки.

За этим занятием и застали меня Бесков, Фролов, Николай Петрович Старостин.

- Значит, так, Ринат, - обратился ко мне Константин Иванович. - Решено: ты остаешься. И завтра летишь с нами в Ташкент.

- А как же «Волгарь»? Да и родителей бы повидать надо...

Возникла небольшая пауза, которую прервал Николай Петрович:

- Считаю, что надо Ринату съездить домой обязательно. Дела в команде уладить, родным все объяснить.

- Ну, хорошо, - согласился Константин Иванович. - Даем тебе на все, как в армии, десять дней, не считая дороги. Езжай в Астрахань, разберись с делами и назад.

А затем, чуть помедлив, добавил:

- И не забывай, ты теперь - спартаковец...

ДИАЛОГ ВТОРОЙ, в котором авторы, обсуждая проблемы второй лиги, приходят к выводу, что при более внимательном, заботливом и по-настоящему заинтересованном отношении к ней она по-прежнему могла бы давать пополнение нашему футболу. Поскольку известно: плоды приносит то дерево, у которого крепкие и здоровые корни.

А. Львов: Твой путь в большой футбол начинался именно с «Волгаря». И, не окажись ты в свое время в этом клубе второй лиги, неизвестно, состоялось бы рождение нынешнего Дасаева - вратаря сборной и столичного «Спартака».

Р. Дасаев: Безусловно. Урокам, полученным в «Волгаре», я обязан тем, что позднее был замечен и приглашен в «Спартак»...

А. Львов: А ведь который год ведутся дебаты: нужна вторая лига или нет? Приходится слышать, что она превратилась чуть ли не в балласт для нашего футбола.

Людям, считающим так, это дает право утверждать, что вторую лигу следует ликвидировать либо, в крайнем случае, сократить число участвующих в турнире клубов.

Р. Дасаев: Разрушать гораздо легче, чем строить, во-первых. А

во-вторых, не забывают ли некоторые, что сегодня каждый клуб высшей лиги, а о первой и говорить не буду, почти наполовину укомплектован теми, кто в разное время прошел школу второго эшелона?

В «Зените» - это Ларионов, Желудков, Клементьев, в «Днепре» - Пучков, Башкиров, Вишневский, в минском «Динамо» - Сокол, Гоцманов, Кондратьев, в «Торпедо» - Кобзев, в киевском «Динамо» - Михайлов, Евтушенко, в «Черноморце» - Ищак, Третьяк, Сахно, Щербаков, Финк, в «Шахтере» - Елинскас, Пархоменко, Соколовский, в «Кайрате» - Пехлеваниди, в московском «Динамо» - Бородюк... Список этот можно продолжить дальше.

Добавлю, что ныне заставивший уважать себя вильнюсский «Жальгирис» в полном составе прошел путь от второй лиги до высшей, где сейчас на виду. Да и «Спартак», если ты помнишь, возрождался усилиями никому тогда не известных Романцева из Красноярска, Шавло из Риги, Сорокина из Волжского, Ярцева из Костромы.

А. Львов: Но ведь есть целый ряд городов, чьи клубы из года в год не играют, а лишь влачат жалкое существование, не играют, а лишь участвуют в первенстве, проводя матчи в тиши пустых трибун.

Р. Дасаев: Мне рассказывали, что в свое время в командах, защищавших цвета одного из старейших русских городов - Горького, выросло немало классных футболистов, выступавших затем в известных клубах и сборной, - Метревели, Михайлов, Масляев, Зыков. Но постепенно местная команда «Волга» обмелела футбольными талантами, если можно так выразиться. И ныне об ее былых успехах почти никто не вспоминает. Сдали на неопределенный срок позиции клубы, знававшие в прошлом гораздо лучшие, чем сейчас, времена, -свердловский «Уралмаш», саратовский «Сокол», грозненский «Терек», ивановский «Текстильщик», кировское «Динамо». А вот другой пример: ставропольское «Динамо» после удач довольно долго переживало нелегкие времена. Но в городе и крае не отмахнулись от команды, а, напротив, стали уделять ей больше внимания, наладили работу с резервами. И постепенно команда окрепла, встала на ноги, нашла силы сделать шаг из второй лиги в первую.

А. Львов: Существуют всевозможные положения, запрещающие приход в команды второй лиги футболистов, чьи услуги уже перестали требоваться клубам более высокого ранга. И преследуют они одну цель -опустить шлагбаум на футбольном пути «гастролеров», любителей так называемой легкой футбольной жизни.

Р. Дасаев: С ними, конечно, следует вести самую

непримиримую борьбу. Но почему при этом должны страдать те, кто верой и правдой не один год прослужил футболу, а теперь вынужден гораздо раньше срока расстаться с ним лишь из-за того, что кое-кто считает их «стариками»? Есть ведь среди них такие, чей уровень мастерства действительно уже не отвечает требованиям высшей лиги. Но зато опыт, любовь к футболу таких игроков могут оказать неоценимую услугу молодежи.

Достаточно вспомнить, как в свое время обсуждалась просьба Виктора Папаева о переходе из московского «Спартака» в клуб второй лиги - воронежский «Факел». Сколько нашлось вдруг у него противников, считавших, что Виктору по возрасту (?) пора заканчивать. А при чем здесь паспортные данные? Папаев хотел играть.

Переходы нужны. Но переходы разумные, лишенные корысти и выгоды, осуществляемые с целью помочь развитию футбола.

А. Львов: Без переходов не обойтись. Но не вызваны ли иные приглашения футболистов просто тренерским желанием без особых трудностей заполнить вакуум в составе или стремлением создать в команде искусственную конкуренцию в борьбе за место в ней.

Р. Дасаев: Приход нового футболиста в коллектив - процесс сложный и, увы, не всегда завершающийся так, как хотелось бы и тем, кто его приглашал, и ему самому.

Непривычная обстановка, незнакомые партнеры, новый игровой стиль - все это создает определенные трудности, преодолеть которые в состоянии не каждый. Вот почему случается, что порой надежды не оправдываются. И обе стороны понимают - расставание неизбежно. Причем происходить оно должно без взаимных упреков. Ведь в роли судьи здесь выступает футбол.

Конечно, ситуации бывают разные. Вот, например, у нападающего Дубинина, приглашенного в 1983 году, ничего путного в «Спартаке» не получилось. И прежде всего из-за его легковесного отношения к футболу, игровой и тренировочной беспечности. А вот приход год спустя из «Кайрата» нашего бывшего полузащитника Валерия Гладилина оказался кстати и помог команде в трудном сезоне-83.

А. Львов: Бывает, когда вслед за приходом игрока из его бывшей команды сразу же поступает сообщение о том, какой он якобы недисциплинированный, беспечный, не признающий требований спортивного режима. И, как правило, тут же прилагается просьба о его дисквалификации.

Р. Дасаев: В таких случаях следует наказывать прежде всего руководителей. Ведь пока футболист был им нужен, его чуть ли

не ставили в пример.

Сколько в свое время было поднято ненужного шума вокруг перехода из казанского «Рубина» в киевское «Динамо» Виктора Колотова. А в итоге, попав в классную команду, Колотов вырос в большого мастера - игрока сборной, проведя с достоинством и честью не один сезон в большом футболе.

А. Львов: Кстати, и он пришел из второй лиги. И о чем, думаю, под занавес нашего разговора стоит напомнить ее противникам - любителям всевозможных реформ.

ИЗ НОВИЧКОВ В ЧЕМПИОНЫ

Всякий раз, беря в руки эту фотографию, сделанную 25 ноября 1979 года, я чувствую такое же волнение, как и тогда, когда с ребятами выходили на промерзшее поле ростовского стадиона СКА. Исторический для нас момент и зафиксировал смекалистый репортер, словно зная, что в этот вечер суждено случиться тому, о чем полгода назад никто из нас не мечтал даже втайне.

Одно мгновение. Один кадр.

На первый взгляд обычный, ничем не примечательный.

Память возвращает меня назад.

...Мы бежим к центру поля. Через минуту-другую начнется матч с ростовскими армейцами, который должен решить, быть «Спартаку» чемпионом страны или нет.

Впереди, как и положено капитану, не торопясь отмеривает шаги Олег Романцев. За его широкой спиной мне всегда, с первой игры в основном составе, было легче справляться с волнением и чувствовать себя уверенней.

Чуть сзади изящный Вагиз Хидиятуллин. На лице ни тени сомнения. Неужели и впрямь был так спокоен?

За ним, расправив квадратные плечи, сосредоточенный Виктор Самохин - еще один из моей бригады, обороняющей ворота.

А вот на лице Юрия Гаврилова застыла хитроватая улыбка. Этот всегда, даже в самой сложной обстановке, готов шутить, балагурить.

Серьезнее обычного Сергей Шавло. Он, как и Александр Мирзоян, мысленно уже там - в игре, в нетерпеливом ожидании ее начала.

Оглянулся назад Володя Букиевский, что-то на ходу пытаясь объяснить Эдгару Гессу. О чем-то, наверное, договариваются в последний момент. О чем? Может, уже тогда Володя чувствовал, что сумеет забить мяч (на двадцать шестой минуте он таки забил ростовчанам второй гол), и просил поддержать его подключения в атаку.

И замыкают цепочку наши «малыши» - Жора Ярцев и Женя Сидоров. Похоже, их легкая дрожь колотила.

Ну, а как же выгляжу я сам?

Состояние мое было сродни тому, которое испытывает человек, заболевающий гриппом: с одной стороны, вроде бы жарко, а с другой - озноб бьет.

Может быть, это просто от сырой, промозглой погоды?

Именно так я и сказал Николаю Петровичу Старостину, с тревогой смотревшему на меня перед выходом из раздевалки. На самом деле погода тут была ни при чем. Познабливало от напряжения, оттого, что уровень предстартового волнения на сей раз подскочил выше обычного.

Ведь матч-то какой - за золотые медали!

Я откладываю в сторону эту фотографию и беру в руки другую, сделанную ровно сто минут спустя. На ней мы, счастливые, забывшие об усталости и недавних переживаниях, качаем Константина Ивановича.

На лицах восторг, ликование - победа!

Мы - ЧЕМПИОНЫ! Мы - вчерашние дублеры, недавние игроки безвестных клубов, считавшиеся всего год назад зелеными приготовишками.

Мы - чей курс обучения большому футболу исчисляется лишь двумя турнирными сессиями, последняя из которых оказалась сданной на «отлично».

Красивый снимок, яркий...

Но мне почему-то дороже тот, первый, где лица ребят совсем другие - сосредоточенные, мужественные, напряженные. Такими я знал всех их - тех, с кем выходил на поле прежде, с кем выхожу сегодня. И хотя футбольная судьба развела с некоторыми в разные стороны, все равно мы и по сей день остаемся единомышленниками.

... О таком я не мог даже мечтать, когда за два с половиной года до этого незабываемого события возвратился из Астрахани в Москву. Не имел я тогда и представления о команде, в которой оказался, где, кроме тренеров, практически ни с кем не был знаком.

Конечно, о прошлых заслугах этого знаменитого, носящего такое гордое и красивое имя клуба я знал. Но каков же на самом деле «Спартак», за что он так любим своими и уважаем остальными болельщиками, лишь смутно догадывался.

Увиденное превзошло самые смелые ожидания.

В день приезда в столицу вместе с дядей Олегом Михайловичем, давним спартаковским поклонником, и его сыном Игорем, у которых на первое время по настоянию матери остановился, я отправился на стадион «Локомотив», где вечером «Спартак» принимал кишиневскую «Нистру».

Из вестибюля станции метро «Преображенская» волна болельщиков выплеснулась и слилась в единый поток, устремившийся по Большой Черкизовской улице к воротам стадиона, за которыми растекался на множество ручейков.

Голов в этот вечер было забито много - семь. И к великой

радости спартаковских болельщиков, их любимцы провели на один мяч больше и в труднейшей борьбе сумели вырвать очень важную победу.

«Спартак» играл вдохновенно, с подъемом, как хороший артист, знающий, что он нравится зрителю. Контакт футболистов со зрителями был полным: влетал мяч в ворота Прохорова и его партнеры тут же, без лишней суеты, торопились начать с центра, давая понять болельщикам: «Ничего страшного не произошло - сейчас постараемся все исправить... »

И исправляли.

Футбол существует для зрителя. Истина эта стара так же, как и сама игра, возраст которой весьма почтенен.

... В сентябре восемьдесят второго года в Кубке УЕФА мы встречались с английским «Арсеналом» - клубом именитым, уже владевшим этим почетным трофеем. Было известно, что наш авторитетный соперник достаточно силен в обороне и крайне опасен стремительными ответными вылазками.

Но в Лужниках англичане неожиданно изменили привычному стилю, грозно и результативно атаковали, дважды заставив нас начать с центра. Стоило огромных усилий повернуть ход событий матча в свою пользу и завершить матч победой.

Однако неудачный исход не смутил гостей, результат не слишком расстроил, поскольку два гола, забитых на поле соперников, в подобных турнирах совсем не плохое подспорье для выхода в следующий круг.

Наши же шансы заметно ухудшились.

Думаю, в этой ситуации вряд ли кого-нибудь удивило бы стремление «Спартака» прежде всего позаботиться о безопасности собственных ворот с применением варианта «глухой защиты». Поддаться соблазну было чрезвычайно легко. Но тогда это означало бы полностью изменить своей игре. А самое главное, футболу -тому, в который поверили.

- Как будем играть? - словно желая проверить, одолевают ли нас на сей счет какие-нибудь сомнения, спросил в самом начале предматчевой установки Бесков. И, не дожидаясь ответа, отчеканил: - Так же, как и всегда, - по-спартаковски.

Действительно, - продолжал он, - пропустив дома два мяча, мы заметно облегчили противнику задачу, так давайте усложним ее для него здесь. Во-первых, футболисты «Арсенала» убеждены, что вы будете отсиживаться в обороне. Значит, есть возможность застать их врасплох. Во-вторых, мы просто обязаны показать англичанам настоящий футбол. Если это удастся, вы победите.

И мы атаковали.

Вперед шли все, включая защитников, среди которых

особенно в ударе были в тот вечер Олег Романцев и Володя Сочнов. Голов, правда, они не забили. Но оборону англичанам потерзали здорово. И в начале второго тайма та буквально затрещала по швам. За каких-нибудь пятнадцать минут Родионов, Черенков и Шавло трижды заставляли вынимать мяч из сетки к концу совсем уже растерявшегося, обычно такого уверенного и невозмутимого голкипера «Арсенала» Вуда.

Но и при счете 4:0 мы не успокаивались. Игра захватила нас. Она доставляла удовольствие, радовала и несла вперед к чужим воротам.

Это была двойная победа: наша - над соперниками и атакующего, смелого футбола - над осторожным и расчетливым, от которого мы без колебаний отказались.

На пресс-конференции, приняв вежливые поздравления от заметно расстроенного тренера «Арсенала» Терри Нейла, Константин Иванович сказал: «...Дело не только в том, что «Спартак» выиграл с таким преимуществом. Игроки выступили достойными представителями футбола, который взят нами за основу, продемонстрировав великолепную технику, сыгранность, настоящий спортивный дух и волю к победе».

Это были не просто слова, а формула того нашего успеха.

И не только его одного.

В той давней игре с «Нистру», ставшей для меня знакомством со «Спартаком», будущая победная формула лишь просчитывалась, выводилась. Еще, возможно, не было «великолепной техники», не хватало «сыгранности». Но уже явно ощущались «настоящий спортивный дух и воля к победе» - все то, о чем Бесков сказал на пресс-конференции в Лондоне.

«Спартак» победил «Нистру», сделав еще один шаг на пути к возвращению в высшую лигу, что вызвало бурю ликования болельщиков.

Я с трудом пробрался к служебному входу под трибуны, где на вопросы ставшего грудью на пути контролера «куда?», «зачем?» неожиданно смело, с гордостью ответил:

- Я из «Спартака»...

И сопровождаемый недоумевающими взглядами обступивших проход болельщиков направился в раздевалку теперь уже моей команды.

С ребятами я сдружился быстро, особенно с приезжими - теми, что жили на базе, - чуть ироничным, уверенным в себе Вагизом Хидиятуллиным, его закадычным другом, никогда не унывающим Валерием Глушаковым, сдержанным Сергеем Шавло, молчаливым Александром Сорокиным. И вскоре, несмотря на уговоры родственников, перебрался к ним, в Тарасовку.

Дни летели быстро. Тренировки - матчи, матчи - тренировки.

На территории базы два корта, несколько площадок, где мы проводили почти все свободные часы. На них время от времени устраивали необычные соревнования, состязаясь друг с другом то в точности попадания в баскетбольное кольцо, куда посылали мяч по-футбольному - ударом ноги, то в ловкости обращения с ним, играя в волейбол... головой.

Заводилой во всех подобных играх был Вагиз - неистощимый на всякого рода выдумки. Создавалось впечатление, что Хидиятуллина вообще никогда не посещали никакие игровые сомнения. Когда он получал задание в очередной встрече опекать форварда, который, как объясняли тренеры, среди бомбардиров лиги наиболее опасен мощным ударом, неожиданными рывками, хитрой обводкой, то с обескураживающей простотой заявлял, что опасаться того не следует, и он не только гарантирует безопасность наших ворот, но и обязательно еще постарается забить гол. И сдерживал обещание.

Конечно, многое ему удавалось не только из-за одной его колоссальной уверенности в себе. Хидиятуллин выделялся своим невероятно ярким талантом. Мягкий, но одновременно и резкий, взрывной, по-спортивному злой и отчаянно смелый, он горел на поле, зажигая остальных.

«Хидя», как ласково называли его в команде, любил побеждать в любом игровом споре, независимо от того, где он происходил - на футбольном ли поле, волейбольной, баскетбольной площадке, теннисном корте или бильярдном столе.

Вагиз прибавлял в мастерстве с невероятной быстротой, схватывая футбольную науку буквально на лету. Он раньше нас всех, спартаковских новичков, попал в сборную, раньше уловил и почувствовал суть игры. Ему можно было давать какие угодно игровые задания, ставить на любые места, даже в атаку, и везде «Хидя» оказывался на месте.

Убежден, останься Вагиз в «Спартаке», его судьба сложилась бы иначе. Но в конце сезона восьмидесятого года он неожиданно для всех вдруг подал заявление с просьбой отпустить его в ЦСКА.

Не в привычках Бескова, да и не в традициях «Спартака», удерживать тех, кто хочет уйти. И Хидиятуллин был отпущен.

Что произошло потом, хорошо известно. Оказавшись в армейском клубе, Вагиз сначала постепенно, а потом все быстрее и быстрее начал терять игру - ту страстную, огневую, за которую был всеми так любим и уважаем.

Не берусь судить о причинах подобных перемен. Могу лишь догадываться. Думаю, что приглашенный на роль лидера, уже

заранее отданную ему, Хидиятуллин слегка успокоился, самостоятельно переведя себя в иной игровой и тренировочный режим. В «Спартаке» же ему постоянно приходилось доказывать право быть ведущим. И, будучи человеком невероятно самолюбивым, гордым, не умеющим отступать, он не щадил себя ради этого. Что и давало возможность всегда быть в форме.

Он потерял в ЦСКА цель. А вместе с ней и себя самого.

И еще: «Спартак» был для Вагиза родным домом, обстановка которого тоже помогала ему. А на новом месте, как мне кажется, той прежней атмосферы, того тепла, любви, нашего рядом плеча «Хиде» особенно не хватало.

Спустя два года мы вновь оказались с ним в одной команде - теперь уже сборной, готовившейся к чемпионату мира. Но сыграть там вместе нам так и не удалось.

В последнем перед отъездом тренировочном матче в Лужниках за несколько минут до конца в столкновении с Черенковым Хидиятуллин получил серьезнейшую травму. Правда, надеялись, что он выздоровеет и будет играть. Но уже в Испании, после многочисленных консилиумов врачи заявили, что выйти на поле ему все-таки не удастся.

Я провожал его домой. Вышли из прохладного холла гостиницы на раскаленный асфальт душной улицы Малаги. Постояли несколько минут у автобуса, который должен был отвезти его в аэропорт. Помолчали. И уже после того как пожелали друг другу удачи на прощание, «Хидя», опустив голову, грустно улыбнувшись, сказал:

- Не повезло мне, Ринат...

Что он имел тогда в виду? О чем сожалел в момент расставания? Об этой нелепой травме, лишившей его, может быть навсегда, самой заветной мечты? Или о чем другом? О поспешном, необъяснимом шаге, сделанном в конце восьмидесятого?

Вполне понятно, что в то памятное лето семьдесят седьмого года ни я, ни Вагиз, естественно, не знали, как будут развиваться события дальше. Двери в большой футбол только открывались перед нами. И мы всеми силами рвались в него.

...После годичной переэкзаменовки «Спартак» возвратился в высшую лигу. Событие это было встречено болельщиками с огромной радостью.

На торжественном вечере в киноконцертном зале «Варшава» Николай Петрович Старостин отозвал меня в сторону:

- А ты чего засмущался, Ринат? - улыбаясь, спросил он. - Праздник-то общий, нечего стесняться. - И затем серьезно добавил: - Ничего, придет и твое время.

Признаюсь, я мечтал об этом «моем времени». Но, откровенно говоря, не очень-то верил в то, что оно скоро наступит.

Судите сами, у Александра Прохорова, дублером которого я стал, был колоссальный авторитет - дважды он признавался лучшим голкипером страны, неоднократно выступал за сборную и, кроме всего, отлично провел «сезон возвращения», внеся заметный вклад в успех «Спартака».

К моему появлению он отнесся без неприятного скептицизма и надменности и, скорее даже, как мне показалось, был рад этому.

Оказалось, что и его судьба не баловала.

Начинал Прохоров в небольшом белорусском городе Гродно, в местной команде класса «Б». Там его приметили тренеры минского «Динамо». Затем вышло так, что ему пришлось переехать на Украину, где он вскоре оказался в клубе «с именем» - киевском «Динамо». В нем тогда сверкала «звезда» Евгения Рудакова. Но Александра это отнюдь не смутило, и в тех матчах, когда ему доверяли, он играл свободно, уверенно, смело. Во всяком случае руководству «Спартака» он приглянулся и вскоре с охотой откликнулся на предложение москвичей перейти в их команду.

Сомнений, что здесь-то уж ему уготована роль «первого номера», ни у кого не возникало. Тем более что появившийся почти одновременно с ним в «Спартаке» худощавый, высокий, а потому выглядевший каким-то нескладным Юрий Дарвин из Майкопа особого впечатления поначалу не производил.

На первых порах Прохоров, уже, казалось бы, проверенный и испытанный в серьезных делах, проявил гораздо меньше решительности и выдержки, чем его неопытный напарник из второй лиги. И тренеры, почувствовав это, решили доверить место в основном составе Дарвину.

Будучи настоящим вратарем - с характером, волей, самолюбием, Александр не сдавался. Именно эти качества и помогли ему вновь стать «первым номером». Но этого Прохорову оказалось мало. Он горел желанием доказать, что может быть первым не только в «Спартаке». И своего добился - дважды завоевывал приз журнала «Огонек», присуждаемый лучшему голкиперу сезона.

Точно так же, как в «Волгаре» Маков, Прохоров в «Спартаке» не дал растеряться, не позволил впасть в меланхолию.

Мы вместе тренировались, следили за успехами друг друга. Александр искренне радовался, когда по окончании зимнего спартаковского турнира в Сокольниках мне, выступающему за дубль, вручили приз лучшего вратаря...

Вот с такого приятного события начался год, в котором, как сказал Николай Петрович Старостин, и должно было прийти «мое время». Теперь уже в большом футболе.

Футбольные дебюты... Разными они бывают, по-разному влияют на судьбы тех, кто делает первые серьезные шаги.

Ветераны часто вспоминали, что в начале шестидесятых годов в воротах московского «Динамо» вместо заболевших признанных асов - голкиперов сборной Льва Яшина и Владимира Беляева появился молодой, необстрелянный 18-летний Лева Белкин. Говорили, что талантлив он был очень. Уже в юношеской команде его прочили в наследники Яшина.

Возможно, дебют молодого вратаря и его будущее были бы иными, не попади он в основной состав в тот момент, когда команда переживала спад - временную и весьма тяжелую турнирную болезнь, чьи рецидивы обычно выражаются потерей крепости обороны, огорчительными игровыми перепадами, утратой результативности и, самое главное, уверенности в себе.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы дебютант растерялся (общее настроение, конечно, передалось и ему) и дрогнул.

Прошло время. Возвратились в строй Яшин и Беляев. Обрела прежнее равновесие и стабильность игра клуба. Но Белкин уже больше в основном составе не появлялся. Он теперь был зачислен в разряд бесперспективных, не оправдавших надежд. И, не выдержав, бросился на поиски своей «синей птицы» - стал переходить из одной команды в другую. Но так и не сумел поймать ее...

Начало моих выступлений за «Спартак» также пришлось на период, который иначе, как турнирным кризисом, не назовешь. Но прежде чем вспомнить подробности своего дебюта, несколько вернусь назад, чтобы вкратце, рассказав о событиях предшествующих, попытаться объяснить, почему же в первый сезон возвращения в высшую лигу уже на старте мы оказались в числе аутсайдеров.

Начать, наверное, следует с чемпионата 1977 года, на финише которого у «Спартака» дела шли отлично. Победив в Ташкенте «Пахтакор» - одного из главных конкурентов в первой лиге, мы доказали не только серьезность намерений вновь появиться в высшем футбольном обществе, но как бы намекали еще и на то, что, вернувшись в него, отнюдь не собираемся находиться там в роли пусть даже прилежных, но все-таки учеников.

Уже довольно четко определился костяк команды: Прохоров - в воротах; в обороне - Ловчев, Хидиятуллин, Романцев,

Букиевский, Самохин, Кокорев; в полузащите - Гладилин, Булгаков, Шавло, Сорокин; в нападении -Ярцев, Гаврилов, Павленко, Сидоров. Кроме того, что особенно важно, в каждой линии были свои лидеры. В защитной - Прохоров, Романцев, Хидиятуллин, Ловчев. В средней - Гладилин и Шавло. В атакующей - Ярцев и Гаврилов.

Помню, как по окончании последней встречи первенства в Грозном Бесков, уже более сдержанно, еще раз поздравил нас с возвращением в высшую лигу (официально право на это было завоевано уже двумя турами раньше), сказав:

«Думаю, что пора перестать хвалить друг друга. И самое время начать готовиться к следующему сезону. Именно там и ждет всех нас самая главная проверка...»

Убежден, Константин Иванович был одним из немногих, кто предвидел будущие трудности и испытания. Уже готовился к ним, не переставая думать над тем, как помочь избежать их нам, еще не нюхавшим пороха большого футбола.

После семи туров чемпионата-78 «Спартак», забив лишь два мяча и пропустив восемь, имел только три очка, занимая предпоследнюю строчку турнирной таблицы. Команда напоминала молодого, самолюбивого, неопытного боксера, смело идущего на противника, но пропускающего один серьезный удар за другим. Мы оказались в состоянии довольно тяжелого турнирного нокдауна.

Спокойствие и выдержку сохраняли, пожалуй, только тренеры.

По-прежнему тверд и последователен был Константин Иванович. Деятелен и, как всегда, оптимистичен Николай Петрович. Но чувствовалось: волнение не обходит стороной и их. Необходимо было предпринимать какие-то решительные шаги, что-то менять.

Я играл за дубль, но переживал неудачи основного состава, как и все. Как и все, ломал голову над тем, куда и почему подевалась недавняя такая легкая результативная игра. Откуда вдруг появились робость и неверие в себя?

Наша любимая «спартаковская стенка» (короткий розыгрыш мяча в одно касание в момент, предшествующий взятию ворот) с участием Гаврилова, Ярцева и кого-то из полузащитников перестала быть неожиданной для соперников и мгновенно потеряла остроту и результативность. Те, кто еще совсем недавно так мастерски использовал ее - Гаврилов и Ярцев, - явно не ожидали от своих новых опекунов, что те так быстро постигнут их атакующие секреты.

Помню, во встрече с ЦСКА, которую мы поначалу

проигрывали, усилиями Гаврилова и Ярцева (именно он и забил гол) удалось сравнять счет. Игра выровнялась, и теперь уже один за другим опасные моменты возникали у ворот Астаповского. Но наши «мазали» и «мазали». И, словно в наказание за это, армейцы провели второй гол, который принес им победу, а нам новые сомнения и разочарования.

Через четыре дня предстоял очередной матч в Ворошиловграде с «Зарей», чьи дела в первенстве складывались намного удачней наших.

Накануне я сыграл один тайм за дубль и, как положено запасному, явился на установку основного состава, не рассчитывая попасть в него. И вдруг услышал свою фамилию в числе тех, кому вечером предстояло выйти на поле. Самое интересное, что утром, когда дежурный после завтрака по традиции собирал листки с предлагаемым нами вариантом состава, я без колебаний под первым номером назвал в нем Прохорова, уверенный, что то же самое сделали и остальные. Трудно было даже предположить, что в подобной исключительно трудной и сложной для команды обстановке тренеры решатся доверить мне, ни разу не сыгравшему в основном составе, даже в первой лиге, ворота. Но, видимо, у них были на сей счет свои соображения. И шли они на этот риск сознательно, преследуя определенные цели.

Не помню, о чем говорилось в те полчаса в номере Старостина. Не помню потому, что ничего, признаюсь, не слышал, кроме стука собственного сердца, начавшего вдруг колотиться так сильно и громко, как бывает при стремительном погружении в ледяную воду.

Из оцепенения вывел Бесков.

- ...А ты, Ринат, если уж доверила команда, постарайся не подвести - ни себя, ни ее, - завершил установку Константин Иванович. И «по-бесковски» пронзительно взглянул на меня.

Когда, поприветствовав болельщиков, мы перешли на выпавшую согласно жребию половину поля, ко мне, бледному и взъерошенному, подбежали Романцев и Хидиятуллин. Олег, обняв за плечи, чуть наклонившись вперед, заглянул в глаза и заверил: «Не тушуйся, Ринат. Если что случится - выручим. Обязательно выручим!»

А «Хидя», будто подтверждая сказанное Олегом, ободряюще улыбнулся и слегка ткнул меня кулаком в грудь.

Как помогли мне тогда ребята, как вовремя поддержали, какие важные слова сказали! Несмотря на собственное волнение, не забыли обо мне, не дали поддаться захлестнувшим еще по дороге на стадион волнению и робости.

Да и потом, по ходу встречи, они оберегали меня от неприятностей, словно несли ответственность перед командой не только за результат матча, но за готового потерять голову новичка.

...Сколько матчей было потом сыграно нами вместе, сколько пережито, включая и горькие, неожиданно нагрянувшие минуты расставания. Но тот - первый - матч всегда в моей памяти. И как порой не хватает мне теперь их поддержки, дружбы, тепла в самые трудные вратарские мгновения, которых уже столько набралось за эти годы...

Если бы меня спросили, какой футболист всегда и во всем соответствовал высокому званию капитана команды, лучше всех справлялся с этой сложнейшей ролью, я не раздумывая назвал бы Романцева. Максимально собранный, предельно честно относящийся ко всему, что связало с футболом, прямой и открытый в суждениях. От Олега всегда веяло стопроцентной надежностью и спокойствием - и в жизни, и на поле. В отношениях со всеми он был одинаково ровен, что, однако, не мешало ему в случае необходимости говорить кому-то не слишком приятные слова. Видимо, здесь проявился его природный сибирский характер, родом-то он из Красноярска. За прямоту и искренность Романцева уважали все без исключения. И хотя вел Олег себя с момента прихода в «Спартак» и до последнего дня в команде очень скромно, стараясь не выделяться, ребята сразу же признали в нем вожака, лидера.

Готовность Олега поддержать, прийти на помощь проявлялась по отношению ко мне, да и не только ко мне, всегда. Помню, осенью восьмидесятого мы принимали дома минских динамовцев. После удара защитника Янушевского я пропустил мяч, который обязан был взять. Не успел, ошеломленный случившимся, достать его из сетки, как подбежавший Романцев выпалил:

- Чего надулся, сейчас все поправим...

И действительно, поправил - улучил момент, подкрался к углу вратарской площадки соперника и головой переправил мяч, поданный с углового, в ворота минчан, уже было поверивших в такую желанную для них ничью...

Володя Гуцаев - один из самых непредсказуемых нападающих тбилисского «Динамо»-Как-то в разговоре заметил: «Крепкий защитник Романцев, неудобный для нас, форвардов. Даже в лучшей своей форме я редко когда мог выиграть у него единоборство на поле. Очень уж здорово Олег умел позицию выбирать».

Романцев закончил играть летом восемьдесят третьего года в

возрасте двадцати девяти лет, в том возрасте, когда многие уходят, отыграв свое. Но он ушел не из-за возраста - замучили травмы, из сезона в сезон преследовавшие его.

Сколько раз наш капитан в интересах команды выходил на поле не совсем здоровый. Однако играл так, что никто об этом, кроме нас, тренеров, врача да массажиста, не догадывался. Олег знал, что когда-нибудь за это неуважение к своему здоровью придется платить. Но иначе поступать просто не мог. Думать о том, как бы поберечь себя, продлить жизнь в футболе, - не в его характере. Любое проявление практицизма, расчетливости и по сей день чуждо нашему капитану.

Закончив играть, Романцев поначалу собирался поступить в аспирантуру института физкультуры. Начал разрабатывать тему, связанную с восстановлением спортивной формы после травмы (кому, как не ему, столько пережившему, над ней работать), но неожиданно получил приглашение возглавить «Красную Пресню» - клуб второй лиги. И возможность вновь окунуться в футбол заставила на время переменить планы.

Олег прекрасно понимал, что дело, за которое он взялся, отнюдь не простое, и что сулит оно ему больше беспокойных и трудных дней, чем радужных и безоблачных. Но по характеру и духу он спартаковец, а потому -честолюбив, упрям и отступать не привык.

Таким он был на поле. Таким остался и сейчас, уйдя с него.

...У «Зари» мы не выиграли. Но, что было в тот момент очень важно, и не проиграли. На следующий день по дороге домой, купив в аэропорту местную газету, я узнал, что: «...молодой вратарь «Спартака» Дасаев показал себя совсем неплохо, напрочь перечеркнув надежды футболистов «Зари» на то, что под их напором дрогнет и станет ошибаться. Новичок, неожиданно для всех сменивший в воротах опытного Прохорова, проявил, однако, завидную выдержку и смелость».

Приятно и неожиданно прочитать о своей игре похвалу. Но меня больше волновало мнение Бескова, его оценка. К моему разочарованию, она оказалась довольно скромной.

- Что касается Дасаева, - сказал Константин Иванович на разборе, - то для первого раза, будем считать, сыграл он удовлетворительно.

«Вот тебе и на, - думал я, слушая старшего тренера, - не пропустил, парировал несколько опасных ударов -и только «сыграл удовлетворительно»...»

День спустя, видимо, догадавшись о моем настроении, Бесков пригласил меня к себе в комнату и прямо спросил:

- А как ты сам оцениваешь свою игру с «Зарей»?

- По-моему, она получилась, - пожимая плечами, ответил я.

- Получилась, - неожиданно кивнул Константин Иванович. - Но вспомни, сколько было разных промахов, неточностей. Вот почему я сознательно и не стал разбирать твою игру в деталях. Самое главное, что ты сумел взять себя в руки, не растерялся. Вот теперь давай послезавтра, в матче с «Локомотивом», доказывай московской публике, что место в основном составе тебе доверили не случайно.

И встал, давая понять, что разговор окончен.

Уже в дверях я вновь услышал голос старшего тренера.

- И вот еще что: если уж доверили тебе место в воротах, то, будь любезен, держись за него и постарайся никому не уступать.

На матче с «Локомотивом» трибуны стадиона в Черкизове, где чуть меньше года назад произошло мое первое свидание со «Спартаком», были битком забиты болельщиками. Я знал, что среди них находится Олег Михайлович с Игорем. А в Астрахани, у телевизионного экрана, за меня наверняка будут переживать отец, мать, брат, Геральд Иванович, ребята.

Чем больше я думал об этом, тем сильнее нарастало во мне волнение, тем больше охватывала тревога. Даже в Ворошиловграде, казалось, я чувствовал большую уверенность, чем перед этой, уже второй по счету, игрой в основном составе. Однако старался не показывать своего состояния и, как мог, успокаивал себя.

Перед самым выходом на разминку ко мне подошел Прохоров. И, сделав вид, что не замечает моего бледного лица, посоветовал:

- Повнимательней следи за Петраковым и Газзаевым. В «Локомотиве» это самые опасные футболисты. Особенно за Газзаевым, когда тот с мячом вблизи штрафной. Хитрющий он, дьявол. Обвести любого может, пробить неожиданно. Так что будь начеку.

Не зря Александр меня предупреждал. И то, насколько он прав оказался, я понял уже в первом тайме, когда, на мгновение опередив меня и Самохина, Газзаев головой подрезал мяч в пустые ворота. Быть бы тому в сетке, не окажись на его пути Букиевского. Да и во второй половине матча настырный одиннадцатый номер «Локомотива» изрядно потрепал нервы нашей обороне. А опекавший его Хидиятуллин с трудом находил моменты, чтобы перевести дух.

Досталось и мне: дважды я накрывал мяч в ногах успевавшего все-таки проскочить Газзаева. И столько же раз отражал его резкие удары. А один раз на помощь пришла штанга.

Нетрудно догадаться, каким нелегким был этот матч, время

которого быстро пролетело для не затихавших ни на минуту болельщиков и так медленно тянулось для меня. Лишь немного придя в себя под струей холодного душа, я неожиданно вспомнил обо всем, что несколько часов назад волновало меня, - о родных, болевших за меня в далекой Астрахани, о Геральде Ивановиче, наверняка до мелочей разбиравшем мою игру, о ребятах, с которыми еще в прошлом году выступал в «Волгаре»...

Я не подвел их. Теперь я знал это точно. И почувствовал сразу же, едва переступил порог раздевалки, где первым поздравил меня Саша Прохоров. Дружески хлопали по плечу, говорили всякие приятные слова какие-то люди, которых я никогда прежде не видел, обнимали ребята. Затем подошел Константин Иванович.

- Ну, что ж, - крепко сжав мою руку, улыбнулся он, - будем считать, что и сегодня проверку ты выдержал. А сыграл-то ведь по-другому, чем с «Зарей», - четче, уверенней.

И, уже обращаясь ко всем, не скрывая удовольствия, громко произнес:

- Хорошая победа, друзья. Хорошая и важная. Поздравляю!

Но самой большой радостью для меня, конечно же, была наша победа над соперником, достаточно решительным и грозным. На сей раз в ударе был дуэт Ярцев - Гаврилов. Первый заставил защитника «Локомотива» Камзулина нарушить правила в собственной штрафной, а второй, четко реализовав пенальти, наказал соперника за несдержанность.

Да, тот победный гол забил Юра Гаврилов, как бы заново продолжая открывать для себя большой футбол. В отличие от нас, он начинал в нем вторую жизнь, которую надеялся прожить более счастливо, чем первую. Дело в том, что до прихода в «Спартак» Юрий провел несколько сезонов в московском «Динамо», куда был приглашен из команды «Искра», выступавшей в первенстве Москвы. В ней он играл в свое время с уже прошедшими школу высшей лиги Николаем Шаровым, Анатолием Хорлиным, Виктором Коноваловым.

Наверное, поэтому в динамовском дубле он был заметным игроком - достаточно забивал, да и пасом своим, тогда уже приметным, выделялся. Однако тренеры почему-то особых надежд с Гавриловым не связывали и ставили его в основной состав лишь от случая к случаю. И хотя Юрий был даже награжден бронзовой медалью, когда динамовцы завоевали третье место, положением своим в команде он по-прежнему оставался недоволен. Ему хотелось играть чаще, больше, с тем чтобы заставить изменить к себе отношение и доказать, что в футболе он способен на большее.

Вот почему в этой довольно сложной и неопределенной для

него ситуации (в сезоне-77 Юрий был серьезно травмирован) Гаврилов без колебаний принял предложение Константина Ивановича перейти в «Спартак». И решил начать все сначала.

В «Спартаке» он завоевал разного, включая золотые, достоинства награды чемпионатов СССР. В «Спартаке» забил свой сотый гол, войдя в столь желанный для многих Клуб Григория Федотова. В «Спартаке» был назван лучшим бомбардиром сорок шестого первенства страны. В «Спартаке» добился права быть приглашенным в сборную...

И всего этого Юрий достиг за несколько сезонов, один из которых был проведен им и командой в первой лиге, чья школа, как выяснилось, оказалась чрезвычайно полезной.

Почему же, пребывая в «Динамо» на вторых ролях, Гаврилов стал лидером в «Спартаке»?

На мой взгляд, произошло это потому, что Юрий нашел свою команду, чей игровой стиль, партнеры оказались близкими ему. В «Спартаке» он обрел то, чего ему так недоставало в «Динамо», - внимание, дружеское расположение, тренерское доверие. Ощутив все это, Юрий заиграл. И еще как!

...1979 год. Лето. Спартакиада народов СССР. Труднейший и принципиальный полуфинальный матч со сборной Украины. Мы (команда Москвы) уже ведем в счете. Но преимущество минимальное, и противник готов вот-вот забрать инициативу в свои руки.

Нужен гол. Нужен, как воздух!

Соперники идут на очередной штурм: Буряк отдает пас Блохину. Тот, падая, теряет мяч, который тут же подхватывает Маховиков. Несколько передач - и теперь уже мяч у Гаврилова, мгновенно оказавшегося в плотном кольце защитников. Казалось, выхода нет. И здесь неожиданно для всех Юрий резко разворачивается спиной к воротам соперников и, уловив рывок Черенкова в штрафную, идеально точно делает ему красивейшую передачу. Ну, а Федор не оплошал - поставил точку в этой короткой и блестящей по исполнению комбинации.

В этом же сезоне мы в Москве встречались с одним из главных конкурентов в борьбе за «золото», донецким «Шахтером». Труднейший был матч. Стоял холодный, с сильными, пронизывающими ветрами и мокрым снегом сентябрь.

Гаврилов же, казалось, ничего этого не замечал. Действовал в привычной манере - широко, размашисто, смело идя вперед, толково организовывал атаки. А к середине первого тайма сам завершил одну из них, открыв наконец счет: Шавло хитро подал угловой, и Юрий оказался тут как тут. Два следующих мяча он уже помог забить Сидорову.

Можно долго вспоминать и рассказывать о восхитительных пасах и голах Гаврилова. Но не хотел бы, чтобы в моем рассказе Гаврилов выглядел идеальным героем. К числу таковых Юрий не принадлежит. Недостатки в его игре были и есть. Что, однако, характерно для него: неуверен в себе он бывает тогда, когда недостаточно физически готов. В такие моменты пропадает плавность движений, он становится медлительным, а обычно выверенные передачи и неожиданные удары легко перехватываются строгими опекунами и бдительными вратарями.

Пример тому - матчи испанского чемпионата мира, встречи «Спартака» с «Реалом» в Мадриде, в Кубке чемпионов или не столь давняя игра с «Андерлехтом» на Кубок УЕФА. В них он промахивался из самых выгодных положений и даже с одиннадцатиметровой отметки.

Спады эти Юрий переносил мужественно, стараясь сохранять самообладание. И стоило Гаврилову в этой ситуации провести один-единственный матч в свойственном ему стиле, как, словно по мановению волшебной палочки, к нему возвращались привычная легкость, уверенность - все то, что совсем недавно казалось безнадежно потерянным...

Победа над «Локомотивом» не стала, как казалось на первых порах, поворотом в судьбе «Спартака». Кривая наших выступлений, словно на графике температуры больного, то подскакивала вверх, то резко падала вниз. Так, ведя в счете и владея инициативой, мы крупно проиграли в Баку. Потом, в отличном стиле победив «Арарат», тут же в Ленинграде обидно уступили «Зениту»...

Однако чувствовалось: наша игра приобретает четкие очертания, становится все более уверенной. И вот двадцать третьего сентября в Москве, на «Локомотиве», состоялся матч, который считают главной заявкой на будущее восхождение «Спартака».

До сих пор храню уже начавший желтеть номер еженедельника «Футбол-хоккей» с обзором текущих событий первенства, сделанным Львом Ивановичем Филатовым. Начинался он несколько необычно - с выдержек из репортажей о встрече, взятых из других газет:

«Известия»: «Великолепный футбольный спектакль... »

«Труд»: «Был аншлаг, и зрители увидели настоящий футбол...»

«Советский спорт»: «Давно мы уже не видели столь яркой игры».

«Вечерняя Москва»: «Москвичи стали свидетелями азартного футбола. Участники встречи презрели осторожный,

выжидательный вариант игры...»

Мы переиграли не просто лидера, а, как выяснилось позднее, будущего чемпиона, переиграли команду, располагавшую такими футбольными талантами, как Давид Гогия, Тенгиз Сулаквелидзе, Манучар Мачаидзе, Виталий Дараселия, Реваз Челебадзе, Давид Кипиани, Владимир Гуцаев, Рамаз Шенгелия. Команду, ставшую впоследствии обладательницей одного из самых престижных трофеев европейского футбола - Кубка обладателей кубков.

Вновь беру в руки номер «Футбола-хоккея» с обзором Л. Филатова и нахожу в нем место, которое подтверждает то, о чем я думаю сейчас, возвращаясь памятью к самым главным событиям в жизни команды сезона семьдесят восьмого года.

«...«Спартак» нашел такую игру недавно, но побеждал соперников, которые не были способны ответить ему тем же, а на этот раз держал генеральную проверку. И выдержал».

- Вы сыграли сегодня по-чемпионски, - широко улыбаясь, сказал в раздевалке Константин Иванович Бесков. И, заметив смущенное удивление на наших лицах, добавил: - Да-да, именно по-чемпионски. И говорю это вам потому, что настало время думать о будущей победе в первенстве.

...Сезон возвращения в высшую лигу «Спартак» завершил пятым. Мы подошли к подножию вершины, полные сил, готовые к ее штурму. Это подтверждали показатели сезона-78: только в восьми из тридцати матчей мы покинули поле, не сумев забить гола, а всего провели в ворота соперников сорок два мяча (второй показатель первенства). Причем девятнадцать из них пришлось на долю Жоры Ярцева, признанного в тот год лучшим снайпером чемпионата.

Кроме того, «Спартак» вновь получил представительство в сборной, куда были приглашены Гаврилов, Хидиятуллин и Ярцев. Ярцеву тогда исполнилось тридцать лет - возраст, который почему-то в нашем футболе принято считать критическим. Придя в «Спартак», Жора Ярцев словно задался целью заставить всех относиться к футболисту не по паспорту, а по его игре. И, к чести своей, блестяще добился ее.

Тренеры, прослышавшие о решении Бескова взять в команду двадцатидевятилетнего невысокого, с маловпечатляющими со стороны физическими данными форварда костромичей, не скрывали на сей счет удивления. Они достаточно знали Ярцева по выступлениям в дубле ЦСКА, смоленской «Искре», «Гомсельмаше», где, по их мнению, тот был мало приметен.

У Константина Ивановича существовали свои соображения. Наблюдая за ним на первом зимнем турнире спартаковских клубов, он уловил способность юркого, подвижного нападающего

костромского «Спартака», невзирая на жесткую опеку защитников, продираться сквозь их плотный строй и находить мгновения для решающего удара. Способности Ярцева, скрытые для остальных, совершенно очевидными оказались для Константина Ивановича. Теперь нужно было подобрать в напарники к острому форварду партнера, способного с полуслова понимать его многочисленные маневры. Им стал Гаврилов.

Все это происходило до моего прихода в «Спартак». И о том, как создавался тандем Гаврилов - Ярцев, я узнал позднее. Но, играя с ними вместе не один месяц, не переставал удивляться его сыгранности, умению предвидеть на поле каждый следующий ход друг друга.

«Стенка» в исполнении этого дуэта часто оказывалась настоящим откровением для самой бдительной и искушенной обороны. Начинал обычно комбинацию Юрий. Он принимал мяч где-то в центре или ближе к своим воротам, а затем, внешне неторопливо, продвигался с ним вперед. Ярцев же в это время челноком уже курсировал вблизи штрафной соперников, выбирая момент для своего коронного рывка. Наконец, сблизившись с Гавриловым, он получал от него мяч, в касание возвращал его партнеру и, освобождаясь от внимательно следивших за всем этим защитников, выскакивал за их спины, куда тут же следовала выверенная до сантиметра передача Гаврилова. И наносил короткий кинжальный удар...

Как тут не вспомнить семь голов Ярцева, забитых им в августе семьдесят восьмого в двух матчах с «Пахтакором» (три) и «Кайратом» (четыре), с восторгом занесенных дотошным футбольным статистиком Константином Сергеевичем Есениным в книгу подвигов бомбардиров.

Ярцев жил на поле голом и шел к нему в игре сквозь любые трудности, не останавливаясь ни перед чем, не щадя себя. Может быть, поэтому и сошел с большой футбольной сцены, на которой так поздно появился, не доиграв еще минимум два-три сезона.

Да, голов Жора назабивал немало: эффектных и рядовых. Но один бы я все-таки выделил как самый важный, без которого, убежден, не видать бы нам в семьдесят девятом году «золота». Я имею в виду забитый им гол в матче в Киеве, во втором круге, когда к финишу первенства мы шли с местными динамовцами, что называется, голова в голову.

Стоял конец сентября - время, когда в чемпионате уже четко вырисовываются профили вероятных призеров, когда на смену весенне-летнему азарту и напору на первый план выходит мастерство, когда все уже решает игра.

В Москве начинало холодать. Осень все чаще и чаще

напоминала и футболистам, и болельщикам о себе холодными дождями и ветрами, заставляющими ежиться на поле и на трибунах. А Киев встретил нас приветливым «бабьим летом», с мягким теплым солнцем и нежным убаюкивающим вечером.

Однако на красоты природы внимания мы не обращали - не до того было. Каждый понимал ответственность момента - проигрыш наш ли, соперника резко снижает шансы на победу в первенстве, на которую и те и другие уже всерьез нацелились. А рвались мы к ней с тем же настроением, как и два года назад, когда спешили возвратиться в высшую лигу.

Уступили нам киевляне в той встрече в семьдесят девятом прежде всего психологически. Сначала недооценили нас и вышли на игру чуть расслабленными. А потом, поняв, что дело может принять нежелательный оборот, стали проявлять ненужную раздражительность, спешку, за что и поплатились.

На десятой минуте Витя Самохин не в первый уже раз отправился в рейд к воротам киевлян. Завершил комбинацию точным ударом Гаврилов. Гол этот мгновенно вывел динамовцев из состояния благодушия. Широко развернутым строем пошли вперед Хапсалис, Колотов, Буряк, Бережной. Последний за минуту до перерыва проскочил-таки в нашу штрафную. Но я уже был готов к встрече с ним и успел парировать его хлесткий удар.

- Не вздумайте успокаиваться, - убеждали в перерыве внешне спокойные, но, судя по голосу, взволнованные не меньше нас Бесков и Старостин. - Продолжать атаковать и атаковать. Только этим можно заставить их сбавить напор, начать ошибаться. И запомните: нужен еще гол. Очень нужен...

Мы и сами понимали, что преимущество наше весьма зыбкое, и, как могли, гнали из головы мысль о победе с минимальным счетом. Оборона киевлян стала более крепкой, даже на выпады наших защитников, прежде заставявших ее врасплох, обороняющиеся откликались мгновенно и четко. Пути к воротам хозяев были перекрыты. К нашим же они рвались отчаянно и решительно.

И вот за девять минут до конца, когда, казалось, через мгновение-другое усилия динамовцев принесут им желанный гол, сказал свое слово Ярцев. За мгновение до этого Таран упустил стопроцентную возможность сравнять счет. И пока в сердцах киевляне в центре поля поучали промахнувшегося мимо цели молодого нападающего, наши разыграли двухходовку: Жора, в своем стиле влетев с мячом в штрафную, нанес удар, не оставивший ни Роменскому, ни, следовательно, и его команде надежд на победу в чемпионате страны.

- Сегодня вечером, - сказал, поздравляя нас с успехом,

сияющий Николай Петрович, - вы открыли себе дорогу к золотым медалям...

Должен добавить к сказанному нашим начальником команды, что в том успехе большая заслуга принадлежала Ярцеву.

Вот такой замечательный форвард был у «Спартака» в период его становления и восхождения на вершину. Форвард, про которого Константин Иванович как-то с сожалением сказал: «Такие в футболе появляются, увы, не часто».

Мог ли Ярцев поиграть в «Спартаке» подольше?

Вопрос этот мне задают до сих пор. Особенно после матчей, в которых наши нападающие теряют прицел и после которых болельщиков, сразу же впадающих в меланхолию, охватывают ностальгические воспоминания.

Ответить на него трудно. В следующем сезоне, принесшем нам «серебро», Жора уже забил гораздо меньше, чем в двух предыдущих. Тому были объяснения - травмы заставляли выходить его на поле гораздо реже.

Защитники не любят форвардов, умеющих забивать. И с ними не церемонятся. Ярцева били в игре нещадно. Я не переставал удивляться, как после очередного безжалостного сноса ему, не обладающему особой силой, удавалось не только подниматься и продолжать игру, но и забивать. Не понимал еще тогда психологии человека, за спиной которого невидимые ходики отсчитывают безжалостно уходящее для него в большом футболе время. Мысль о жестокости времени нервировала его, мешала, требовала дополнительных сил. Да и «опекуны» делали все, чтобы лишить его привычной выдержки, которая, как известно, для снайпера чрезвычайно важна. В состоянии взвинченности, постоянного напряжения (к тому же досаждала боль недолеченных травм) Ярцев промахивался в ситуациях, в которых обычно был безупречен. А поскольку репутация бомбардира обязывает ко многому, спрос с него был особый. Это обижало Георгия, считавшего, что люди, критикующие его, чересчур категоричны. И по окончании сезона-80, мучась сомнениями и переживая, он подал заявление с просьбой отпустить его из команды.

После победного матча в Киеве мы вышли в лидеры. И оставались ими вплоть до последней, решающей встречи в Ростове, с воспоминания о которой я и начал эту главу.

Последний финишный рывок, отделявший от становившейся все реальней и реальней мечты, стал проверкой крепости и надежности нашей обороны. В решающий момент наш защитный рубеж стал труднопреодолимым для соперника. Причем тренеры ставили теперь перед игроками обороны задачу не только

разрушения чужих атак, но и организации и завершения собственных.

И партнеры по обороне успешно справлялись с ней, что подтверждают цифры - 18 из 66 голов (почти одну треть) провели они в ворота противников. Согласитесь, что вклад в общее дело атаки достаточно заметный.

Пять мячей в «золотом» сезоне пришлись на долю Александра Мирзояна, для которого «Спартак», как и для всех остальных, стал не только родным домом, но и командой, давшей возможность по-новому раскрыть себя в футболе.

До прихода к нам Саша успел поиграть и в родном Баку, и в Ереване, где отнюдь не пребывал на вторых ролях.

Потом футбольные пути-дороги привели Александра в московское «Торпедо», где почему-то с непонятной поспешностью отказались от его услуг. И вот тут-то «добро» на приход Мирзояна в «Спартак» дал Константин Иванович. И вновь, в который раз уже, недоумевали те, кто оценивал футболиста сквозь призму его паспортных данных. Но наш тренер опять не ошибся.

В напарники по обороне мы получили на редкость спокойного и рассудительного человека, что всем сразу понравилось. Со временем, когда все эти качества были проверены игрой, Мирзояну стали без колебаний доверять бить пенальти. И он обычно «щелкал» одиннадцатиметровые, как орехи.

Но однажды дрогнул и не забил - очень нужный, важный гол в финале Кубка страны.

Мы видели, что соперник по финалу - ростовские армейцы - уступает нам и в мастерстве, и в классе. Но отнюдь этим не обольщались. Играли зло, старательно, в своем ключе. Уже в первом тайме было достаточно моментов для того, чтобы заставить ростовчан начать с центра, но ни одного мы не реализовали. И наконец, получили явную возможность открыть счет - на 35-й минуте за снос Гаврилова в ворота армейцев был назначен одиннадцатиметровый.

То, что бить его должен «штатный» пенальтист Мирзоян, сомнений ни у кого не вызвало. Но по тому, как Саша непривычно медленно направился к мячу, как необычно долго устанавливал его, как затянул перед ударом паузу, было видно: с ним происходит что-то неладное. Я отвернулся в ожидании того, что произойдет. Когда же мгновение спустя трибуны охнули, я понял: предчувствия оказались не напрасными. Отчаянно бросившемуся за мячом вратарю Радаеву помогла штанга, отразившая мощнейший, но не точный удар Александра.

...Кубок мы упустили. Самый опасный форвард СКА Андреев,

получив мяч от шустрого Заварова, найдя брешь в частоколе ног игроков, оказавшихся в моей штрафной, точно пробил.

Конечно, виноваты в потере Кубка были мы все, но кое у кого сложилось мнение, что больше остальных повинен в этом Мирзоян. Забей он пенальти - и круг почета с призом по дорожке Лужников совершал бы «Спартак», а не ростовчане.

Я уже давно заметил, что существует категория футбольных «знатоков», всегда упорно обвиняющих в поражениях отдельных футболистов, считая только их ошибки главными, единственно повлиявшими на неудачу команды.

В книге Валентина Козьмича Иванова «Центральный круг» я прочитал о том, как он не забил в чемпионате 1964 года пенальти в ворота киевского вратаря Банникова. В последовавшей после этого переигровке «Торпедо» уступило золотые медали тбилисскому «Динамо». И нашлись люди, которые поспешили назвать главным виновником случившегося капитана москвичей. При этом никто из них не пожелал вспомнить, сколько мячей забил Иванов в том сезоне и сколько раз помогал это делать товарищам, выводя их к чужим воротам точными передачами. Не задумался о том, почему не сумела команда исправить ошибку своего капитана.

В финале недавнего первенства Европы вратарь испанской сборной Арконада, неудачно приняв мяч, пробитый французом Платини, пропустил со штрафного нелепый гол, во многом предопределивший весь ход последующих событий матча. Но когда прозвучал финальный свисток и буквально обезумевшие от счастья хозяева бросились поздравлять друг друга, испанцы, все как один, направились к своему голкиперу и по-дружески, успокаивая, обняли и поблагодарили его.

Да, именно поблагодарили - за мужество и стойкость в предыдущей встрече, где Арконада в серии послематчевых пенальти своей уверенностью заставил дрогнуть до этого казавшихся невозмутимыми датчан. Николай Николаевич Озеров, комментировавший европейский полуфинал в Лионе, позднее рассказывал, что после его окончания в пресс-центре на экранах мониторов еще долго, пока он шел в раздевалку, показывали крупным планом гордое улыбающееся лицо вратаря испанцев, ставшего подлинным героем того захватывающего вечера. Об этом не забыли два дня спустя на поле «Парк де Пренс» его партнеры. Они нашли в себе силы и мужество не поддаться мгновенным эмоциям, остаться джентльменами по отношению к допустившему, казалось бы, роковую ошибку товарищу.

В футболе ведь не бывает так, чтобы кто-то один принес победу команде или стал единственным виновником ее

поражения. И даже если детально разобрать отдельный успех или неудачу, то все равно, даже при кажущейся явной заслуге или вине кого-то из игроков в отдельности, за игру отвечает весь коллектив. В этом я твердо уверен. Вот почему, видя, как переживает Саша свою оплошность, мы старались вывести его из этого угнетенного состояния. И кто знает, глядишь, все бы и обошлось. Но после случившегося Мирзоян все реже стал появляться в основном составе и все чаще в дублирующем.

В следующем сезоне мы провели вместе всего два матча. Затем, пройдя годичную стажировку в помощниках Константина Ивановича, Александр поступил в Высшую школу тренеров.

По-разному складывается тренерская судьба ее выпускников. Но, я думаю, у Мирзояна она должна быть удачной, поскольку за годы, проведенные в футболе, он сумел приобрести не только уважение и доброе имя, но и терпение, мужественность, рассудительность - качества, крайне необходимые в его будущей профессии. Во всяком случае в чемпионском сезоне «Спартака» он все эти качества проявил.

В тот год в обороне нашей собрались интересные ребята.

Казалось, не знавший усталости Букиевский и в атаку подключался вовремя, и назад не забывал возвращаться. Особенно был ценен Володя исключительной дисциплинированностью, неукоснительным следованием тренерской установке. Хотя и горячился моментами сверх меры, что ему нередко очень мешало.

Высокий, статный Самохин мог в случае надобности прикрыть в обороне любую брешь, сыграть на любом месте.

А Саша Сорокин, про которого Юра Гаврилов иногда шутя говорил, что его можно снимать на обложку журнала «Здоровье», многого в игре добивался за счет великолепной силы и потрясающей выносливости.

Каждый из них был разным и по игровой манере, и по характеру, непохожим на других. Как, впрочем, и их футбольные судьбы.

Букиевский держался в команде, что называется, до последнего патрона - пока в ней не появился более молодой и перспективный конкурент. И ушел с достоинством, отдав клубу, воспитавшему его, все.

Самохин же с Сорокиным в разное время оказались в ЦСКА. Выглядели они там не хуже других. Но не более. И, на мой взгляд, менее интересно, чем в «Спартаке». Не та у них была уже игра, не тот настрой. А может быть, настроение и определило игру. Или наоборот? Судить не берусь.

Сорокин, правда, делал попытки что-то изменить,

предпринять, заиграть по-прежнему. После демобилизации его пригласило столичное «Торпедо». Но там он, увы, ничего не показал. И перешел в клуб второй лиги - «Красную Пресню», где время от времени появлялись по разным причинам освобожденные из «Спартака» ребята.

У Виктора судьба сложилась вроде бы удачней. Он остался в ЦСКА, занял стабильное место в составе клуба. Но все годы вместе с командой, терявшей себя буквально на глазах, не играл, а лишь участвовал в первенстве.

А вот оказавшиеся волею обстоятельств в смоленской «Искре» и ростовском СКА Сергей Шавло и Евгений Сидоров сумели все-таки найти в себе силы для возвращения в «Спартак». Здесь стоит заметить, что двери в команду для тех, кто покидает ее на время не по своей воле, открыты всегда. Но далеко не всем удается в другом клубе сохранить игру на прежнем - спартаковском - уровне.

Так, к примеру, было с Сашей Сорокиным, Сашей Калашниковым, уже упомянутыми Самохиным, Глушковым, Хидиятуллиным...

Если сказать, что Сергей Шавло футболист с характером, то, значит, по-моему, не сказать ничего. Нет, конечно же, не только за счет самолюбия и стойкости завоевал он право называться классным мастером. Его и игровым талантом природа не обделила. Но именно самолюбие и стойкость помогают ему беречь этот самый талант. Не растрачивать его по пустякам.

В «Спартак» Сергей шел, как и я, трудными дорогами второй лиги. Начинал дома - в небольшом украинском городке Никополе. Потом в Риге, учась в институте физкультуры. И вскоре оказался в местной «Даугаве». А там уже, согласно неписаному футбольному закону «будешь играть - заметят», был найден спартаковскими тренерами.

Наиболее ценное качество Шавло - умение дорожить мячом, не расставаться с ним, все не обдумав и взвесив. На что уходят у него считанные секунды. Не отдаст он его за бесценок на поле никогда.

Осенью восемьдесят третьего смоленская «Искра», за которую выступали Шавло и Саша Калашников, встречалась в Москве с «Локомотивом». Посмотреть матч, а заодно и то, как выглядят оба они, пришел и Константин Иванович.

Я той встречи не видел. Но рассказывали, что Серега бился в ней отчаянно, так, словно это была последняя в его жизни игра. И под занавес, когда, казалось, «Искре» уже ничего «не светит», каким-то невероятной силы ударом, в который, видимо, вложил всю страсть и желание показать себя прежним Шавло, забил

немыслимый гол, спасший команду от поражения.

Сергей вновь появился в «Спартаке», а спустя два сезона, почти в тридцатилетнем возрасте, когда многие уже заканчивают играть, был приглашен в сборную.

Женя Сидоров - человек и футболист совсем иного склада. По характеру он гораздо мягче. Да и по игровой манере Серегу мало напоминает. Это душа-парень, добряк, которого просто нельзя не любить. Определение «спартаковский футболист» подходит к нему почти идеально. На поле он весь в движении, поиске неожиданного хода, момента для удара. Думаю, что и в ростовском СКА - коллективе непростом, требовательном - Женька не потерялся потому, что природное футбольное чутье помогло ему и здесь определить четко свои возможности, «найтись» в чужой игре.

Но в отличие от Шавло период реакклиматизации в «Спартаке» проходил у него сложнее. Не во всех по возвращении матчах был он одинаково интересен, не всегда так, как бы хотелось, точен. Например, в восемьдесят четвертом во втором круге во встрече с торпедовцами в Москве такие моменты упустил, что приходится только удивляться. Да еще и пенальти не забил Сарычеву, хотя мы все-таки четыре ноль и выиграли.

А вот «Зениту» в тот же год в Лужниках «положил» настоящий гол-красавец: получил от Гаврилова мяч на линии штрафной, сбросил его себе мягко под удар и «щелкнул» в касание, как в хоккее. Бирюков, а он в тот год лучшим вратарем был назван, и глазом моргнуть не успел.

По натуре своей «Сидор» застенчивый, стеснительный даже. И может, именно поэтому на поле не всегда уверен в себе, моментами не доверяет своему игровому чутью. Ну, а если Женя «в порядке», удовольствие от его игры получают все. И конечно же, он сам.

В тот победный наш сезон-79 Сергей и Женя играли здорово. Шавло в сборную страны впервые попал. А Сидоров на Спартакиаде народов СССР в команде Москвы прямо-таки чудеса творил.

И в «Спартаке» на них никто не обижался. Десяток голов они вдвоем забили. Вроде бы и не так много, но все очень важные. Да и другим помогали то же самое делать. А какие два мяча провел Женя той осенью в ворота «Шахтера», который, как и мы с киевлянами, всерьез примеривался к золотым медалям. Улучил мгновение и головой (это при его-то небольшом росте) нанес неотразимые удары, перехитрив донецких защитников и их вратаря Дегтярева, которого «на мякине не проведешь» !

...Это был третий, оставшийся до финиша чемпионата, матч.

И, выиграв его, упускать первое место мы были теперь не намерены.

В игре уже ясно просматривались хорошая техника, сыгранность, спортивный дух и воля к победе, что Константин Иванович отметит три года спустя в Лондоне, на пресс-конференции после победы над «Арсеналом».

Сейчас все дальнейшее зависело только от нас самих. Оставались две встречи - в Одессе и Ростове. Но обстановка осложнялась тем, что к тому времени лимит ничьих мы уже выбрали. А у киевлян запас их еще был.

И вот, словно в наказание за нулевой результат дома с «Кайратом», ничья в пасмурной, затянутой сероватым туманом Одессе с «Черноморцем». И сразу же наше турнирное будущее заволокло мутной пеленой неопределенности, сквозь которую, правда, еще мог пробиться луч надежды из Тбилиси, где в том же туре местные динамовцы принимали наших теперь уже единственных конкурентов - киевлян.

Опровергнув прогнозы скептиков, тбилисцы еще раз подтвердили репутацию истинных футбольных рыцарей. С высоко поднятой головой сошли с чемпионского трона, красиво победив одного из претендентов на него.

Первым эту новость, стараясь сохранять невозмутимость, нам сообщил Старостин.

- Только не обольщайтесь надеждой, что теперь двери на пути к пьедесталу распахнуты для вас настежь, -предостерегал Николай Петрович по дороге в Ростов-на-Дону. - Пока они лишь слегка приоткрылись. Запомните это...

Но здесь уже никого из нас настраивать не надо было. Мы рвались на матч с ростовчанами. Торопили дни. Считали минуты. До цели, еще совсем недавно казавшейся несбыточной мечтой, оставалось всего-то рукой подать, сделать один шаг - последний, победный.

Уже в Ростове, в гостинице, за час до отъезда на стадион, завершая установку, Бесков сказал:

- У футбола есть свои законы честной, открытой борьбы. И судьба здесь всегда улыбается только тем, кто неукоснительно следует им. До нынешнего дня вы это доказывали. Так подтвердите сегодня еще раз, что тот высокий титул, к которому вы с такими трудностями идете, собираетесь завоевать с помощью не лотерейной удачи, а игры. Настоящей игры. Тогда это будет победа по всем статьям.

...А потом был матч. Тот самый, начало и конец которого запечатлены на двух таких дорогих для меня снимках, хранящихся в альбоме с датой - «сезон-79».

...Мы бежим к центральному кругу.

...Из новичков - в чемпионы!

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ, в котором авторы стараются глубже понять причину столь стремительного взлета «Спартака», разобраться, за что он так любим поклонниками и уважаем соперниками.

А. Львов: Два сезона понадобилось «Спартаку», чтобы вернуться из первой лиги в высшую и подняться на чемпионскую вершину. Обращаясь к тому времени, должен отметить, что мало кто верил, что клубу удастся совершить столь поистине «космический» взлет.

Что по-твоему, Ринат, помогло его осуществить?

Р. Дасаев: Тренер чемпионов Европы-84 француз Мишель Идальго как-то очень точно сказал: «В футболе все открытия уже состоялись. Осталось одно - игра, находить новое в которой будут вечно». Игра. Именно с ее помощью удалось вернуть «Спартаку» былой авторитет. Поиск своей игры, обретение ее - процесс сложный, долгий, который далеко не всякий раз завершается успешно. Но наши тренеры не побоялись пойти по этому пути, их вела глубокая вера в свое дело.

А. Львов: Наверняка твой ответ разочарует читателя. Он-то ждет, что ты раскроешь какие-то неизвестные прежде футбольные секреты спартаковских удач. Ведь своя игра есть у каждого клуба...

Р. Дасаев: Да, но в «Спартаке» с момента прихода в него Константина Ивановича Бескова курс был сразу взят на создание игры остроатакующей, зрелищной. Ведь не случайно, рассказывая о встрече в Лондоне на Кубок УЕФА с «Арсеналом», я обратил внимание на то, что к концу матча английские болельщики начали симпатизировать «Спартаку».

Сейчас мало кто вспоминает, что в первые после возвращения в высшую лигу месяцы первенства стиль игры «Спартака» считали чуть ли не авантюрным, советовали изменить его, сделать игру более расчетливой, осмотрительной, предупреждая, что если этого не произойдет, повторное отступление в первый эшелон неизбежно. Несмотря ни на что, мы, спартаковцы, упорно следовали избранному курсу.

А. Львов: Да, но что же тогда мешает другим командам взять в работе то же направление?

Р. Дасаев: Скорее всего, отсутствие общей идеи. Мы начинали с того, что шли к результату через игру. А большинство клубов, напротив, сначала думают о результате, а потом уже вспоминают об игре.

А. Львов: Но согласись, что не у каждой команды есть возможности создания такой игры. Для этого ведь необходимо

располагать еще и соответствующего уровня исполнителями.

Р. Дасаев: Не спорю, но следует вспомнить, с кем Константин Иванович и Николай Петрович начинали создавать новую команду, с кем отправились в семьдесят седьмом году на поиск новой игры. Кроме Прохорова и Ловчева, все остальные были либо преждевременно списанными из разных клубов высшей лиги, либо приглашались из второй. Да и когда «Спартак» обрел мощь, наши тренеры не изменили своим принципам подбора игроков.

Надо просто внимательней искать способных игроков - они в нашем футболе есть. Искать, растить, вкладывая в это не только знания, опыт, но и душу. Искать надо тех, кто хочет играть, а не существовать за счет футбола.

А. Львов: Из сказанного тобой следует, что есть в нашем футболе нераскрытые таланты, скрытые резервы, о которых многие даже не подозревают?

Р. Дасаев: Конечно. И за примерами далеко ходить не надо. Вспомни Жору Ярцева, который был открыт Бесковым в двадцать девять лет и стал лучшим бомбардиром высшей лиги и игроком сборной в тридцать. А ведь до этого он в трех-четырех командах успел побывать, включая ЦСКА. Или те же Сочнов и Базулев, пришедшие к нам позднее. Да мало ли кого еще можно в этот список включить: Поконина и Финка из «Черноморца», Масудова и Пехлеваниди из «Кайрата», Бородюка и Васильева из московского «Динамо», Кобзева из «Торпедо». Жидкова

из «Нефтчи». Это я назвал тех, кого сразу вспомнил. Правда, в некоторых республиках - Грузии, Армении, Украине - иная картина, почти все способные футболисты на виду и регулярно пополняют команды мастеров. Увы, этого не скажешь о российском футболе, который во многом развивается стихийно. По крайней мере такое впечатление создается, когда сталкиваешься с фактами, прямо скажем, малопонятными.

К примеру, защитника Пархоменко, выступавшего за кировское «Динамо», почему-то ни одна из российских команд не пригласила. А в Донецке быстро сориентировались, и он оказался в «Шахтере», где успешно играл. Примерно то же самое произошло с Покониным, выступавшим за ангарский «Старт», Савельевым из Казани, Жидковым из Волгодонска.

Встает вопрос: почему у себя под боком, где столько команд, нуждающихся в качественном пополнении, эти способные игроки не были замечены, почему на них никто не обратил вовремя внимания? Подчеркиваю - вовремя...

Когда-то ведь проводились матчи-просмотры сборных второй и первой лиг, составленных из наиболее способных футболистов.

Кстати, в одном из таких матчей участвовал в свое время и я. И это было очень нужное дело. Во-первых, такие встречи давали возможность тренерам самим заниматься с игроками и приглашать тех, о ком они прежде знали лишь понаслышке. Во-вторых, у футболистов появлялся стимул оказаться замеченными и сделать шаг в большой футбол.

Словом, в выигрыше были все. И прежде всего футбол. Теперь о подобных матчах не слышно. Вот и получается, что вторая лига живет своей обособленной жизнью.

А. Львов: Но ведь найти и пригласить интересного футболиста еще только полдела. Для того чтобы он принес новому клубу пользу, надо воспитать новичка в духе его традиций, приучить к новым требованиям.

Р. Дасаев: Все правильно. Без этого самый талантливый новичок не оправдает тренерские надежды. В этом отношении всем нам, кто приходил в «Спартак», повезло. Бесков и Старостин сумели сделать так, что мы сразу же начинали жить интересами команды, ее принципами. Без этого не удалось бы создать той игры, которую мы и считаем основной движущей силой «Спартака». С теми же, кто не хотел следовать этим принципам, без сожаления расставались.

Взять хотя бы для примера нападающего Дубинина и защитника Милешкина. Дубинин активно не желал выполнять новые требования. А Милешкин, которому, напротив, не откажешь в старательности и трудолюбии, не сумел найти контакта с коллективом. И оба вынуждены были уйти...

Настоящую, полную игровую отдачу можно ждать лишь от тех, кто живет интересами общего дела. А в «Спартаке» они определены достаточно четко - стремиться играть в футбол, который бы нравился зрителю. И никогда, ни в каких ситуациях, не опускаться до примитивного добывания очков любыми средствами.

А. Львов: Любопытно, какие же средства ты имеешь в виду?

Р. Дасаев: Те, о которых с такой принципиальностью и возмущением говорил как-то на страницах «Комсомольской правды» Гавриил Дмитриевич Качалин - о всякого рода «договорных» матчах и прочих компромиссных вариантах, с помощью которых накапливаются очки, но которые одновременно убивают футбол.

Могу повторить еще раз - «Спартак» всегда играл для тех, кто приходит на стадион. В этом его сила, секрет его популярности и всеобщего уважения. Думаю, это один из самых простых среди прочих футбольных секретов.

КТО НАС ВЫВОДИТ В МАСТЕРА

Характер команды - характер ее тренера.

Это не я придумал - футбол.

И во все его времена любой заметный успех сборной ли, клуба ли непременно был связан с теми, кто стоял во главе их.

Взять, к примеру, победы шестидесятых годов на чемпионатах мира бразильцев или не слишком давние -аргентинцев, итальянцев, и сразу же память называет имена их тренеров - мешковатого (сужу по фотографиям), круглолицего, в очках Винсенте Феолу; высокого, мужественного, внешне невозмутимого Луиса Менотти; энергичного, словно начиненного порохом, подтянутого Энцо Беарзота.

Вот почему, упоминая замечательные взлеты этих сборных, одновременно отдают дань мастерству тех, под чьим руководством они стали первыми, говоря: «Побеждала команда Феолы, Менотти, Беарзота...»

Да и в нашем футболе были сезоны больших тренеров - Аркадьева, Якушина, Качалина, Маслова. Позднее им на смену пришли сезоны Пономарева, Симоняна, Николаева, Лобановского, Севидова, Иванова, Ахалкаци, Бескова, Малофеева, Емеца, Садырина - более короткие, но по-своему интересные и памятные.

Они создавали команды и игру, которая радовала, приносила красивые, запоминающиеся победы. А потому каждый из них заслужил признание и уважение коллег, журналистов, болельщиков.

Я перечислил имена только старших тренеров. Но я убежден, что просто обязан назвать еще одного человека, никогда не занимавшего эту должность, но который неотделим от успехов «Спартака». Человека, без которого, наверное, ни один из тех, кто хоть каким-то образом причастен к футболу, не представляет себе наш клуб.

Это Николай Петрович Старостин - наш начальник команды, соратник Константина Ивановича во всех делах в «Спартаке», начиная с тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

...Бесков и Старостин - это путь «Спартака» из новичков в чемпионы.

Бесков и Старостин - это шесть комплектов наград чемпионов (включая золотые) за восемь сезонов.

Бесков и Старостин - это два десятка открытых ими в «Спартаке» интереснейших футболистов.

Но самое главное, Бесков и Старостин - это ИГРА «Спартака», уважение и любовь к ней миллионов болельщиков.

Что же касается меня лично, то Бесков и Старостин - это Дасаев в «Спартаке», Дасаев в сборной.

Вот с какими людьми свела неожиданно футбольная судьба.

И если бы не два этих разных, так непохожих, но поразительно дополняющих друг друга замечательных человека, не было бы у меня ничего в футболе.

Да и не у меня одного...

Долго думал над тем, как же рассказать об этих людях. Не предстанут ли они какими-то идеальными, исключительными личностями. А потом решил - прежде всего постараюсь выразить свое отношение к ним. Возможно, оно во многом окажется субъективным. Но всегда ли мы можем быть объективными, говоря о тех, кого любим, кому в жизни обязаны если не всем, то очень многим.

Для меня Бесков образец тренера.

Казалось бы, за столько лет тесного общения хорошо его узнал. И тем не менее не перестаю открывать для себя в нашем старшем тренере что-то, ранее незнакомое. Главное, в чем, считаю, его тренерская сила и что не перестает удивлять, - это умение постоянно искать, открывать новое, сознательно идя на риск.

К сезону восемьдесят пятого года «Спартак», наверное, впервые провел подготовительный период, не выезжая из Москвы, в своем манеже. На юге все уехавшие на сборы футболисты месили грязь, мучились, гоняя мяч по полям, покрытым водой, заваленным снежными сугробами. И Константин Иванович посчитал, что в данной ситуации тренировки под крышей, пусть и на искусственном покрытии, принесут больше пользы.

Сколько тогда нашлось у него противников, какое только мрачное будущее в чемпионате нам не предрекали. «Старший» стоял на своем. И мы верили, что он поступает правильно, были убеждены - Бесков знает, по какому пути идет.

Без этого настоящий тренер немыслим. Подчеркиваю, настоящий, смелый, постоянно стремящийся только к решению сверхзадач. Константин Иванович из таких - это проверено и доказано временем.

Разве не проявлением смелости было приглашение в «Спартак» в год своего прихода абсолютно безвестных футболистов второй лиги? А то, что, не обращая внимания на многочисленные советы «знатоков» и ни на какие турнирные беды, не стал он в начале такого трудного для нас сезона семьдесят восьмого года ничего менять в игре команды, продолжая верить в нее? Разве это не смелость? Или решение атаковать в ответной встрече с «Арсеналом» в гостях? На это тоже

надо было отважиться...

Сейчас, когда все, о чем я вспомнил (да и то, что не вспомнил, а подобных примеров можно было бы привести множество), позади, это воспринимается спокойно, как должное. А ведь в каждом отдельном случае от решения «Старшего», как между собой уважительно называем мы Константина Ивановича, зависело все. И любая осечка, уверяю, обошлась бы ему дорого.

Рассказывали, что большой шутник и острослов Валентин Борисович Бубукин, уже став тренером, постоянно носил в кармане чистый лист бумаги. Как-то его спросили, для чего он ему. Бубукин со свойственным ему юмором ответил: «Да чтоб не искать, когда придется писать заявление об уходе. Ведь это может произойти в любой момент».

У нашего тренера такие моменты в жизни бывали. Об этом я узнал не от Бескова. О себе он особенно рассказывать не любит.

Миша Гершкович в своих заметках, опубликованных года три назад в «Футболе-хоккее» под рубрикой «Оглянись, уходя», о Константине Ивановиче так написал: «Бесков собрал в «Локомотиве» в тот период молодых футболистов и перестраивал игру команды на новый лад. Ему, к сожалению, не дали закончить дело - очков у нас поначалу было мало, и недальновидные руководители освободили его от работы».

Так начал свою деятельность Константин Иванович и в «Спартаке», только тут ему доверяли во всем и проявили терпение. Как знать, окажись выдержка у тогдашних начальников, глядишь, стал бы со временем «Локомотив» нынешним «Спартаком».

Да и в «Торпедо» все примерно так же получилось. Эдуард Анатольевич Стрельцов в своей книге «Вижу поле» написал: «...в пятьдесят шестом году Бесков привлек очень способных молодых, из которых я особенно выделил бы Славу Метревели (он до этого за горьковское «Торпедо» выступал). С его приходом торпедовская игра в нападении и вся, значит, игра - очень оживилась».

В ту пору Константин Иванович уже был заражен страстью к открытиям, поиску игры - острой, атакующей, зрелищной, которую заранее видел, представлял. Но пока ее создавал, терялись неизбежно такие нужные очки. Что тут же заставляло руководителей общества поставить под сомнение все задуманное тренером - им-то ведь сразу результаты подавай.

Известно, наш «Старший» уже тогда был горд и горяч. И в разговорах с начальством свою точку зрения не боялся отстаивать, отвергая любую дипломатию. И как следствие на стол ложилось заявление тренера об уходе, увидевшего, что в него перестают верить.

Не мне, футболисту, по-своему воспринимающему и оценивающему тренерскую работу, судить сейчас, прав он был или нет. Но, видимо, уходом своим, решительным, безоговорочным, он не обиду выражал, а желание доказать убежденность в правоте.

Время рассудило, кто прав. Для команд, где явно поторопились расстаться с молодым честолюбивым тренером, оно, скорее всего, оказалось в футболе потерянным.

А самому Бескову в очередной раз приходилось все начинать заново. Но от принципов своих он не отступал. И, похоже, подобные трудности его только закаляли. Потому что твердо знал он, по какому пути в своем тренерском деле должен идти.

И в пятьдесят лет не побоялся в «Спартаке» вновь начать с нуля. Хотя, говорят, служба, с которой его пригласили, была тихая, спокойная, о которой многие мечтают.

Взлет «Спартака», в конце семидесятых так поразивший многих, вновь породил массу разговоров о неисчерпаемых тренерских возможностях Бескова, вновь выдвинул нашего «Старшего» в число ведущих в своем деле.

Может, существует какой-то особый секрет - «секрет Бескова»?

Однажды мой друг - актер Александр Фатюшин, уступив уговорам, взял меня с собой в Театр Маяковского посмотреть обычную репетицию. Проводил ее молодой режиссер. И по тому, как суетился он, беспрерывно бегал по сцене, прерывал то и дело раздраженных замечаниями актеров, чувствовалось: дело у него не клеится.

Из темноты десятого ряда, чуть откинув назад красивую седую голову, молчаливо наблюдал за всем происходившим человек. В какой-то момент, который шахматисты именуют цейтнотом, он вдруг резко встал и решительно скомандовал: «Стоп!»

Затем стремительно поднялся на сцену, дал несколько коротких указаний актерам, попросил чуть изменить свет, убрать что-то из декораций и быстро покинул ее. Минуты три-четыре прошло, не больше, но все, как по мановению волшебной палочки, на сцене переменилось - актеры ожили, заиграли, стали естественней, непринужденней. В их действиях исчезла скованность, а вместе с ней и все то, что так нервировало молодого режиссера.

Почему же тому, убеленному сединами, как я потом узнал, главному режиссеру театра Андрею Александровичу Гончарову, которого все почтительно величают «Мастером», мгновенно удалось то, чего так упорно и долго, но безрезультатно добивался

его менее опытный коллега?

Да потому, что в отличие от него «Мастер» уже заранее знал, как должна быть сыграна эта сцена. Она уже раньше родилась и жила в его творческом воображении. И еще: он обладал счастливым даром - умением объяснять просто, доходчиво, точно.

Вот в этом-то, наверное, и состоит «секрет Мастера».

Суть «секрета Бескова» точно в том же.

Наш «Старший» великолепно знает, чего хочет добиться в футболе. И самое главное - с помощью каких средств. Он видел игру «Спартака» еще до первой тренировки, проведенной им в новой команде. И, вступив в должность, стал подбирать в команду соответствующих своим замыслам исполнителей.

Приглашая футболистов, Константин Иванович видел их возможности, о которых они и сами порой не подозревали. И делал все, чтобы помочь новичкам проявить их.

Уверен, что в любом другом клубе от Юрия Гаврилова стали бы требовать футбола более скоростного. Ведь по общепринятым меркам и научным рекомендациям он принадлежит к категории «тихоходов». «Сегодняшний футбол - игра больших скоростей, и медлительным в нем не место», - так примерно рассуждают на многочисленных конференциях различные специалисты.

Наш «Старший» не стал делать из двадцатипятилетнего Гаврилова футбольного спринтера, понимая, что, если это даже и удалось бы, Юрий потерял бы более ценные качества - умение организовывать атаку, способность идеально чувствовать позицию партнеров. Бесков просто помог ему стать на поле более экономным, научиться в несколько ходов выбираться из его глубины к штрафной противника, разнообразить дистанцию паса. Все это было у Гаврилова и прежде. Но в «Динамо» почему-то способностей Юрия к игре комбинационной и тонкой не разглядели. А скорее, просто не стремились к этому.

Ответственность за судьбу тех, с кем Константин Иванович вступает в творческое содружество, тоже одна из его характерных черт. И возиться с новичком, если верит, что тот, как и он, предан общему их делу, будет до последнего. Отступится лишь тогда, когда убедится, что ошибся в человеке, в которого неожиданно поверил.

Так, например, было с Мишей Дубининым, пришедшим к нам из ЦСКА с весьма нелестной характеристикой любителя легкой футбольной жизни. Игрок, что и говорить, способный был. И «Старший» это чувствовал. Потому и взял Дубинина, хотя и убеждали его многие, чтоб не связывался с этим шалопаем.

Бесков немало повозился с Дубининым. И беседовал с ним беспрерывно, советуя перемениться, стать серьезней. И в

основной состав ставил. Но потом понял: безответственность и расхлябанность преобладают в характере Михаила над всем остальным. И расстался с ним, думаю, сожалея в душе, что потерял футбол безусловно способного игрока.

И о Валерии Воронине Бесков часто с грустью вспоминает. Не в назидание нам - мол, вот как можно себя растерять. А по-человечески жалея Валерия Ивановича, не сумевшего в какой-то период с собой справиться. «Игрой мог управлять, а судьбой своей - нет», - с какой-то болью говорит иногда Бесков, словно сам виноватым в чем-то здесь себя чувствует...

Но если Константин Иванович видел, что отвергнутый им футболист переменился, нашел силы переломить себя, то вновь готов был поверить в него. Так было и с Валерием Гладилиным, к моменту моего прихода в «Спартак» по праву завоевавшим репутацию одного из его лидеров. Играл он мощно, азартно, весело. Да и в жизни был первым заводилой, выдумщиком всякого рода розыгрышей.

Ошибки на поле, конечно, совершал - с кем не бывает. А потом стал допускать их и за его пределами, позволял порой себе «расслабиться». В подробности я не вдавался - молодой еще был. Но чувствовал - Бескову Валеркино поведение не нравится. О чем «Старший» однажды и заявил на собрании, добавив, что подобные вольности недопустимы. И хотя как игрока Гладилина ценил, без колебаний предложил ему из команды уйти.

Знаю, как остро переживал Валерий случившееся. Он ведь душой был спартаковец.

Уйдя от нас, Гладилин никак не мог в футболе определиться. Помог ему Игорь Семенович Волчок, тренировавший тогда алма-атинский «Кайрат». Валерий быстро заиграл в нем, сразу же выдвинувшись на первые роли: в средней линии «Кайрата» стал ведущим. Когда «Спартак» в Алма-Ату приезжал - он тут же в гостинице появлялся. Приходил в наш с Олегом Романцевым номер, расспрашивал, как идут дела в команде. Радовался, что все у «Спартака», как он любил говорить, «высший класс». Словом, чувствовалось - тоскует по «Спартаку».

Но играл против нас как зверь. За троих отрабатывал, будто доказать хотел, что, уйдя из «Спартака», не растерял все лучшее, чем прежде на поле выделялся. Я его как-то спросил после матча: «Ты чего так рвался, «Глаша»? (Мы его так любя называли.) Гол хотел непременно забить?» А он, хитро улыбнувшись, ответил: «В число «специалистов по Дасаеву» надумал попасть. Ведь если такому вратарю забиваешь, значит, есть шанс в историю футбола войти».

За словом Валерий в карман не полезет. Вот только разок

безответственно к серьезному делу отнесся. И поплатился.

Но, видно, Константин Иванович за Валеркой продолжал следить и в конце восемьдесят второго года предложил ему вернуться в команду. Надо было видеть, как «Глаша» в ту свою первую по возвращении зиму работал. А ведь ему тогда уже за тридцать перевалило. Но он и в занятиях, и в игре любому молодому фору давал.

А какой красавец гол забил в Тбилиси голландской «Спарте» осенью восемьдесят третьего! На грудь мяч принял, опустил вниз и выстрелил в «девятку». Прямо для учебного фильма эпизод!

Мы все за Валерия радовались. Да и Бесков, кажется, был доволен. Правда, не всегда «Глашу» в состав ставил. Но когда на замену выпускал, то в самые трудные моменты, - здорово Гладилин умел на последних минутах, когда большинство уже с трудом дотягивают встречу, выкладываться. И в том, так неудачно сложившемся для «Спартака» матче в Днепропетровске в восемьдесят третьем он сражался отчаянно: пару мячей как по заказу «положил» в сетку Краковскому. Но «Днепр» на два мяча провел больше и лишил нас последней надежды на «золото»...

Из истории ухода и возвращения Гладилина я понял, как трудно расстается наш «Старший» даже с теми, в ком разочаровывается. И как внимателен он к судьбе каждого, в ком ощущает преданность футболу.

Для Бескова не существует в футболе мелочей. И отношения к нему он требует самого уважительного. Во всем, без исключения!

Как-то, в первый мой сезон в «Спартаке», заметив, что я собираюсь идти тренироваться в грязном костюме, Бесков строго спросил:

- Ты что, Ринат, в таком виде работать собираешься?

Небо заволокло тучами, уже начинал накрапывать дождь. Я считал, что все равно костюм будет грязным, так стоит ли заботиться о своем внешнем виде. О чем простодушно и сказал тренеру.

- Говоришь, все равно грязь на поле, - прищуриваясь, что он обычно делает, когда ему что-нибудь не нравится, повторил Константин Иванович. - Запомни раз и навсегда - тренировка должна быть праздником, понял? Иначе это попусту потраченное время. А на праздник одеваться принято соответственно...

Сам Бесков в этом плане всегда безупречен - подтянут, в свежем, словно снятом с витрины, тренировочном костюме. Независимо ни от каких обстоятельств собран, энергичен.

Так выглядят люди, которым неведомы сомнения, жизненные передряги и неприятности, а в тренерской работе, как известно,

их хоть отбавляй.

Сколько раз, бывало, добираемся до Ташкента или Алма-Аты чуть ли не сутки, проведя большую их часть в битком набитом такими же, как и мы, пассажирами - неудачниками аэропорту. Едва разместившись в гостинице, спешим на стадион размяться - времени-то до игры в обрез. Усталость одолевает - в сон клонит, ноги ватные, а Константин Иванович, как всегда, выбрит, свеж, с неизменным идеальным пробором, в привычном деловом настроении, словно и не было позади бессонной ночи в жестких креслах аэровокзала и утомительного четырехчасового перелета.

Наверняка и он устал. Но поддаться слабости - значило бы для Константина Ивановича в чем-то уступить себе. Этого он, всегда отмечает Николай Петрович Старостин, не позволял себе никогда и ни в чем.

Тренер не имеет права даже на мгновение выглядеть слабым в глазах своих подопечных. «Надо всегда стараться побеждать в споре с самим собой. Человек, не приучивший себя к этому, ничего в жизни не добьется», - любит повторять «Старший». Это один из его железных принципов, которому он неукоснительно следует, требуя того же и от всех нас.

...Зимой восемьдесят первого года «Спартак» проводил в манеже тренировочный матч с орехово-зуевским «Знаменем труда». В нападении подмосковной команды всем понравился настырный паренек по фамилии Сочнов. Ему, кстати, удалось тогда забить два гола. Вскоре он появился у нас.

Поскольку во второй лиге за Владимиром утвердилась репутация результативного форварда, то рассчитывали, что и в спартаковской атаке он свое место найдет.

Но неожиданно для всех в первом же матче первенства в Москве с «Араратом», проходившем в манеже, Константин Иванович поставил его на место крайнего защитника.

Мы к тому времени уже привыкли, что «Старший» ничего не делает просто так. И с интересом ждали, чем завершится очередной эксперимент. Эффект превзошел все, даже самые смелые ожидания: новоиспеченный защитник действовал в непривычной роли так, будто прежде только и делал, что играл в обороне.

С тех пор у меня на правом фланге появился новый надежный партнер в обороне. Вначале, правда, думали, что, уходя вперед, он непременно будет заигрываться. Но оказалось, что Владимир обладает достаточным чувством меры, которое позволяет ему не забывать о своих главных обязанностях.

Мало кто знает, что Сочнов долго не мог привыкнуть к новому амплуа, хотя сразу в нем всем понравился, -душа звала

его вперед, забивать. О чем нет-нет, да и говорил он Константину Ивановичу.

Но тот был непреклонен.

- Пойми, - убеждал «Старший» в разговорах на эту тему, - из глубины твои подключения в атаку гораздо опасней и неожиданней. А станешь еще строже играть в обороне, можешь в классного защитника вырасти.

Вскоре сомнения и переживания перестали мучить Владимира. Как только это произошло, игра его стала более солидной, строгой. И через пару сезонов фамилия Сочнова под первым номером появилась в списке тридцати трех лучших игроков сезона и одновременно в числе кандидатов в сборную.

Правда, что касается сборной, то здесь, я убежден, обошли тренеры вниманием нашего защитника. Как вратарь, которому со многими в обороне довелось поиграть в сборной разных лет, могу с полной ответственностью заявить: и в главной команде страны Сочнов сыграл бы так же интересно и старательно, как и в «Спартаке».

Сочнов - защитник - это тоже открытие Константина Ивановича, состоявшееся не сразу, еще раз доказавшее, как важно уметь побеждать в споре с самим собой.

С Сергеем Родионовым было проще, хотя и здесь «Старшему» необходимо было выбрать момент для запуска его на большую футбольную орбиту.

Сергей - прирожденный форвард, настойчивый в добывании гола, упрямый в единоборстве с противником, умеющий крепко стоять в борьбе с ним на ногах, упорно идти к цели. Но когда он пришел к нам из спартаковской школы в семьдесят девятом, многие из лучших его качеств игрока еще только угадывались. Константин Иванович не спешил вводить его в основной состав, наигрывая в дубле. Серега хоть и молодой, но уже с характером. Вслух недовольства не высказывал, однако чувствовалось - обижается.

А зря. Ему и места тогда в составе не было. Справа - Жора Ярцев, уже с именем. Слева - Эдик Гесс, резкий, разворотливый, с хорошо поставленным ударом с обеих ног. Про Родионова не забывали, старались выпускать на замену. Но то, что сразу после прихода в «Спартак» Сергея не ставили играть за основной состав, ему только на пользу.

Сергею надо было окрепнуть, многому еще в футболе научиться. Он и сейчас еще не все постиг. Я имею в виду умение готовить себя к матчам, способность распределять свои силы в тренировках. И частенько случается, что на занятии он выкладывается до конца, тратя чрезмерное количество энергии,

которой подчас через день-другой ему недостает в игре. Отсюда та вялость и моментами так удивляющая всех несобранность, являющиеся не чем иным, как следствием элементарной перегрузки.

Ведь не только тренеры, но и мы сами должны себя к играм готовить, контролируя свое состояние.

Впрочем, все приходит с годами. В целом же игрок Родионов интересный. Настоящий форвард. Сменил в спартаковской атаке не кого-нибудь, а Ярцева, правда, его результативности Сергей не показывает. Очень много удачных моментов, в которых Ярцев наверняка не промахнулся бы, пропускает. В Лейпциге, например, в восемьдесят четвертом, когда на Кубок УЕФА с «Локомотивом» играли, через лежавшего вратаря не смог мяч перебросить.

Но зато, когда он в форме, «раскрутить» может любую оборону. В восемьдесят четвертом году во втором круге в матче с ЦСКА настоящий «концерт» дал. И сам забил, и для других идеальные голевые ситуации создавал.

В жизни Сергей очень спокойный, уравновешенный человек. И тем, кто рядом с ним, всегда спокойно и легко. Когда нас вместе призывают в сборную, я всегда с ним в одной комнате живу в Новогорске. Для вратаря такой сосед - просто клад...

...Я совсем не зря так подробно рассказываю о тех, кто при Бескове в «Спартаке» заиграл, себя нашел. Ведь наверняка найдутся скептики, которые скажут, что ничего, мол, здесь особенного нет. Это тренерская обязанность из футболистов ИГРОКОВ делать.

Так-то оно так. Но ведь и футболисты разные бывают. Есть, которые рвутся играть. А есть, что просто на поле выходят в игре поучаствовать. Вот с последними, для которых футбол забава, а не серьезное дело, требующее предельной отдачи во всем, тренеру работать, ох, как непросто. И не всегда его здесь ждет успех.

Но «Старший» никогда не боялся даже за самых безнадежных браться, доказывая и им самим и окружающим, что при желании они способны заиграть.

Случалось, что приглашал он в «Спартак» футболистов уже известных, но по тем или иным причинам так и не сумевших полностью раскрыть себя в других клубах. А у нас они как бы свою вторую жизнь в футболе начали. Так было с Юрой Резником, Гурамом Аджоевым, Александром Бубновым, Борисом Кузнецовым. Тем же Юрой Гавриловым...

И прежде всего потому, что Бесков, как «Мастер» в театре на той репетиции, о которой я рассказывал, знал и заранее видел, как они у нас должны играть. И объяснял им игровую задачу так,

что не понять было просто невозможно.

Может быть, и впрямь как-то гладко все в моем рассказе о Константине Ивановиче выглядит. Вроде бы и ему легко - увидел, почувствовал, определил. И нам несложно - слушай да делай, что он говорит, ни над чем голову не ломай. Но это немного не так. Скорее всего, даже совсем не так.

Отношения с Константином Ивановичем не всегда легки. Но с ним интересно. И это самое главное. Интересно потому, что, ценя в футболе простоту, ищет он ее, преодолевая массу сложностей, умея увлечь своим замыслом остальных.

И проверять привык каждого в обычной, повседневной работе.

Любая тренировка независимо от ее продолжительности, по мнению «Старшего», должна быть для нас непременно шагом вперед. Иначе проведение ее теряет всякий смысл.

В одном из очерков о Константине Ивановиче я читал, что сам он, будучи игроком, превращал любое занятие в соревнование с самим собой. К примеру, ставил задачу после пятидесяти ударов заставить вратаря сорок раз достать мяч из сетки. И, говорят, расстраивался чрезмерно, если даже совсем не намного себе в этом споре уступал.

Как-то весной семьдесят восьмого, когда дела наши в первенстве шли плохо и позади в таблице была лишь одна бакинская «Нефтчи», в Тарасовке на сборах «Старший» показал нам фотографию из своей футбольной молодости. Объектив выхватил мгновение, когда молодой, увлеченный страстью, порывом Константин Иванович разрывает строй защитников на последнем их рубеже. Потеряв равновесие, упал на траву обманутый хитрым финтом один из них, сзади безнадежно пытается помешать нанести удар другой. Растерянно взирает на происходящее, не в силах ничего предпринять, вратарь. А лихой форвард в футболке с буквой «Д» на груди уже готов поставить в атаке решающую точку.

Красиво, по-футбольному! Ничего не скажешь.

«Вот так голы доставались, ребятки, - сказал тогда, выждав паузу, Константин Иванович. - Хотя, впрочем, легко их забивать никогда не бывает. Но у нас еще с вами все впереди. Так что давайте будем спокойно работать дальше, чтобы не создавать себе в футболе лишних трудностей».

Скорее всего, под «лишними трудностями» он подразумевал те, которые и должны преодолеваться в тренировках. А играть, как считает «Старший», надо легко, свободно. И в пример частенько артистов балета ставит, говоря: «Работу их черновую, утомительную никто не видит. Да это никому и не надо. А вот

тем, какими изящными, вдохновенными бывают они на сцене, когда танцуют, восхищаются все. Так и у нас должно быть - отгорбатился, отпахал в занятии, а на поле, будь любезен, покажи все, что умеешь. Порадуй зрителя!»

Но тренировка в понимании Бескова, как я усвоил довольно быстро, существует только ради самой игры. Она полностью подчинена ей, и только ей одной. И главным действующим лицом каждого занятия является прежде всего мяч. Он и в разминке участвует, и до момента, когда мы уже в душ направляемся, всегда с нами. Может, это и не совсем «по науке», как полагают некоторые «спецы», но это принцип Константина Ивановича.

В футбол-то ведь без мяча не играют - верно?

Вот так и наш «Старший» считает. А потому все упражнения стремится с ним проводить. Но это вовсе не означает, как кое-кто думает, что мяч мешает полноценным нагрузкам. Возьмем, скажем, одно из любимых упражнений Константина Ивановича - «тесный квадрат»: игру на отрезке поля размером двадцать на сорок метров, где пять футболистов сражаются против пяти, не давая возможности соперникам отобрать мяч, передавая его друг другу только в одно касание. Двадцать минут такого «квадрата» стоят иной раз нескольких килограммов веса. Футболист здесь вынужден плотно опекать каждого из играющих. И, чтобы как можно реже избегать потерь мяча, не обойтись без помощи «нейтрального», который, в отличие от всех, имеет право распоряжаться им по своему усмотрению.

Роль эту с присущими ему выдумкой и азартом и с явным удовольствием обычно выполняет Бесков. Да и техника (а она, как говорят в футболе, никогда не пропадает) у него такая, что любой позавидовать может. И становится стыдно тем, кто моложе его лет на сорок, хуже выглядеть, чем тренер. Вот и стараются все. Ну и, конечно, интересно, у кого смекалки и сноровки побольше. В «квадрате» сразу как на ладони видно - кто есть кто.

В этом упражнении обычно Женя Кузнецов особенно заметен. Парень он техничный, мягкий и соображает быстро - мгновенно предвидит опасность потери мяча. И, что далеко не каждому дано, умеет избавляться от мяча вовремя.

Его пригласили к нам из ярославского «Шинника». И я на первой же тренировке почувствовал, что есть в нем спартаковская игровая жилка. Да и «Старшему» он, по-моему, сразу же приглянулся. Любит Константин Иванович тех, кто на поле быстро соображает. Наверное, потому и в основной состав ввел Евгения сразу же, без колебаний. И на этот раз опять не ошибся. Женя довольно быстро в новой компании освоился, показав, что, несмотря на молодость, отсутствие опыта, и в большом футболе

способен разбираться.

О нем заговорили. Вскоре пригласили в олимпийскую сборную. Но авансы, щедро выданные ему на первых порах, он не на все сто процентов оправдывает.

Почему? Да потому, что может и обязан играть еще интереснее, мощнее, стабильнее. Это я точно знаю. Но уж очень Женька парень добрый - и по отношению к окружающим, и к самому себе. Вот это чрезмерно доброе к себе отношение, неумение, а может, порой нежелание заставить себя, когда требуется, сыграть «через не могу» мешает ему пока перейти из разряда способных в категорию классных мастеров.

То, что у Евгения есть и чутье футбольное, и сообразительность, и техника, спору нет. Не забуду гол, забитый им в ворота московского «Торпедо» осенью восемьдесят четвертого, когда после передачи Шавло он, чуть опередив защитника, почти державшего его за руку, как в хоккее клюшку, хитро подставил ногу так, что мяч в сетку влетел по какой-то невероятной дуге.

Константин Иванович, судя по всему, знает, что у Жени есть еще игровой запас, поэтому относится к нему с особой требовательностью. Видит «Старший» игру идеально точно, не пропуская ни одной мелочи. Помнит, вплоть до малейших подробностей, каждое событие на поле. Мне кажется, что ему и видеозапись ни к чему, для того чтобы вспомнить и разобраться, кто в каком моменте как действовал.

К игре Константин Иванович подходит по-своему. И отношение к ней выражает порой самым неожиданным образом. Помню, был у нас трудный выезд в Харьков и в Днепропетровск, где очки набирать, как известно, совсем не просто.

И с «Металлистом», и с «Днепром» первый тайм закончили со счетом 0:0. И нам казалось, что все идет не так уж плохо. А Бесков в перерыве такой разнос устроил, будто мы уже безнадежно проигрываем.

- Вы как играете?! - кипел он, бросая на нас негодующие взгляды. - Мне стыдно на трибуне сидеть. (Смотрит «Старший» матч чаще всего оттуда.) Разве это футбол? Да вы десятки тысяч людей, пришедших посмотреть на «Спартак», вводите в заблуждение. Что угодно делайте, а игру меняйте!

И вторые таймы ребята провели по-спартаковски: голы красивые забивали, на любой вкус.

И лучшей наградой за это была похвала «Старшего».

- Вот это уже и на футбол похоже! - улыбаясь, говорил он после матча в раздевалке, сидя в кресле, что означало возвращение к нему хорошего настроения.

Константин Иванович по натуре максималист.

Он и победу-то признает лишь в случае, если она добыта красивой, интересной игрой - «по-футбольному», как он любит говаривать. Бывает, что она не приносит ему ожидаемой радости, например в Тбилиси, когда в матче розыгрыша Кубка УЕФА мы одолели сильный клуб «Кельн» из ФРГ. Тогда Бесков, поздравляя после матча, не переставал ворчать по поводу пяти-шести неиспользованных нами выигрышных моментов. Вероятно, предвидел, как дорого это обойдется нам две недели спустя в гостях.

Однажды после игры с «Днепром» в Лужниках я со «Старшим» заспорил. Мы вели в счете - 1:0. Но соперник не думал сдаваться, атакуя все настойчивей и настойчивей. Где-то в середине второго тайма, вводя мяч, я отдал его на угол штрафной Борису Позднякову. На того пошел один из соперников. И Борис, вместо того чтобы вновь отдать мяч мне или выбить его в поле, неожиданно, нарушая все законы обороны, дал через середину штрафной пас Шавло. И ошибся - мяч перехватили, передали Протасову, который и послал его в угол ворот.

В случившемся Константин Иванович вместе с остальными обвинил и меня. Я в этом своей вины не увидел. О чем и сказал ему прямо в раздевалке. И лишь день спустя, поостыв, согласился, что поспешил ввести мяч, да и сделал это недостаточно осмотрительно. Правда, при этом все-таки не удержался и заметил: думал, что Поздняков сыграет по-иному - аккуратнее.

- А знаешь, что в таких случаях говорят бразильцы? - все еще хмурясь, спросил Константин Иванович. -Так вот, дорогой мой, бразильцы, а они в футболе кое-что понимают, говорят, что нужно думать до игры, а не после нее. Запомни это на будущее.

... В семьдесят девятом году, подводя итоги сезона, принесшего нам золотые медали, Константин Иванович так долго и подробно говорил о наших игровых недостатках, что человеку, не сведущему в футболе, могло показаться, будто он присутствует на собрании команды, чудом уцелевшей в высшей лиге.

- Можем играть лучше, - в очередной раз произнес тогда свою любимую фразу «Старший». И уже с улыбкой добавил: - Не забывайте об этом, товарищи чемпионы!

Играть завтра лучше, чем сегодня, независимо от достигнутого - это тоже принцип Бескова - тренера, которому он следовал во всех командах, где работал, - и в клубных, и в сборных.

Наверное, именно благодаря этому и удаются Константину Ивановичу столь неожиданные открытия и удивляющие всех победы, а нам, его подопечным, позволяют играть в футбол, за

который уважают и ценят...

На стенах рабочего кабинета Бескова в Тарасовке висит несколько фотографий, с которыми у него связаны определенные воспоминания. Есть среди них и наша с Сергеем Шавло. А рядом - снимок сборной 1980-1982 годов, которая под руководством Константина Ивановича из двадцати семи встреч (включая Олимпиаду) выиграла двадцать одну, победив дома и в гостях национальные команды Бразилии, Франции, Дании, Швеции, Венгрии, Чехословакии, Греции, Уэльса, Бельгии... Снимок последней сборной Бескова.

А может быть, не последней?..

Я не стану размышлять о том, удалось бы Константину Ивановичу осуществить в «Спартаке» задуманное, не будь рядом с ним Николая Петровича Старостина. Но то, что союз их получился творчески удачным (и не только по результатам), сомнений не вызывает. А от себя добавлю: это тот самый случай, когда разные по характеру люди, уважая и ценя принципы друг друга, находят общий язык.

...Не представляю «Спартак» (а заодно и себя в «Спартаке») без Бескова; просто не мыслю его и без Николая Петровича Старостина. Если бы была возможность опросить тех, кто в разные времена играл в команде и общался с Николаем Петровичем, об их отношении к нему, то убежден: все бы они сказали, что более удивительного, доброго, отзывчивого, тактичного и преданного футболу человека в жизни своей больше не встречали. Причем подобное можно услышать и от тех игроков, у кого не все в «Спартаке» удачно сложилось.

Весной семьдесят восьмого я надумал вернуться в «Волгарь». Неожиданно после возвращения из Болгарии, где «Спартак» проводил предсезонный сбор, ощущение неуверенности, бесперспективности сделанного шага обострилось. И меня вновь потянуло домой, в Астрахань.

К счастью, в Москве в этот момент оказалась мама. Услышав о моем решении, она, не раздумывая, отправилась к Николаю Петровичу узнать его мнение на сей счет. А вернувшись от него, категорично заявила: «Никуда ты не поедешь». И чуть мягче добавила: «Надо остаться, сынок, так считает Старостин».

Позднее я узнал, что Николай Петрович, выслушав маму, удивился моему решению и на вопрос, как быть, ответил: «Думаю, торопиться не следует. Лично я в Рината верю. Теперь ему необходимо убедить в том же и остальных. Возможно, сделать это будет нелегко. Но необходимо. От этого ваш сын только выиграет».

О том, каким авторитетом обладает наш начальник команды,

говорить не имеет смысла. И какую роль порой играет этот авторитет - тоже. Вот и в той ситуации, когда сомнения в правильности сделанного шага охватили меня с новой силой, слово Старостина решило все.

А через два с небольшим месяца состоялся мой дебют в воротах «Спартака»...

Вспоминается еще один случай, лишний раз подтверждающий высочайшую степень уважения к Николаю Петровичу.

В том же сезоне, где-то после трех-четырех туров, когда дела у возвратившегося в высшую лигу «Спартака» шли неважно, на базе в Тарасовке появилась довольно большая группа болельщиков в пестрых красно-белых майках и такого же цвета шапочках из числа тех, кого на трибунах называют «фанатами».

Они расположились вокруг клумбы у нашего старого деревянного домика, где мы еще тогда жили перед матчами, и стали требовать встречи с кем-нибудь из тренеров. Вначале кто-то собирался вызвать из соседнего отделения наряд милиции, чтобы выпроводить с территории базы непрошеных гостей. Но вмешался Николай Петрович. Спокойно, с присущей ему уверенностью заявив, что все уладит сам.

- В чем дело? - обратился он к разгоряченным молодым болельщикам.

- Мы хотим, - заявил наиболее смелый из них, - чтобы в состав почаще ставили Булгакова (Миша был любимцем этой аудитории). И тогда все у «Спартака» наладится.

- Ну, что же, - после некоторой паузы сказал Николай Петрович. - Обещаю, мы подумаем и учтем ваше пожелание. Теперь попрошу покинуть территорию базы. Команда готовится к игре, а вы ей мешаете. Спасибо за внимание.

И еще минуту назад бушевавшие «фанаты», которые обычно доставляют много хлопот дружинникам и милиции, покорно повернулись и тихо, стараясь не шуметь, побрели к станции.

Они ни на минуту не усомнились в том, что сказано было человеком, чье имя для всех является олицетворением и «Спартака» и футбола.

Если по фотографиям, общению в тренировках я могу еще представить, как играл Константин Иванович, то в отношении Николая Петровича мне это сделать не удается никак. Но то, что по футбольному своему характеру, по высочайшей требовательности к себе, к самой игре оба они схожи, не сомневаюсь.

Как-то Николай Петрович рассказывал (а рассказчик он великолепный), что в одном из матчей трижды выходил один на

один с вратарем соперников и всякий раз проигрывал дуэль.

- Но я, - войдя в азарт, выразительно жестикулируя, таким образом стараясь передать свое настроение в той встрече, продолжал Николай Петрович, - не сдавался. Духом не падал, а шел и шел вперед...

- Ну и забили? - воспользовавшись паузой, спросил, лукаво улыбаясь, Гладилин, уже слышавший эту историю.

- Забил, - тряхнул головой Николай Петрович. - Только гол не засчитали, мгновением раньше судья свисток дал, - закончил он под общий смех явно не ожидавших столь казусной и слегка забавной концовки ребят.

И уже вполне серьезно добавил:

- Встречу-то мы выиграли. И прежде всего потому, что очень стремились к победе. Запомните, в футболе побеждает тот, кто этого больше хочет...

Наш начальник команды вообще остроумнейший человек и отчаянный шутник.

Помню, как-то парились мы вместе с ним в сауне, в очередной раз поражаясь, как выдерживает он наравне с нами ее стоградусную температуру. И, выйдя после очередного захода из парной, увидели Николая Петровича лежащим на лавке с закрытыми глазами. Перепугались, вызвали доктора. Примчавшись, тот дал ему понюхать нашатыря, померил давление и, ничего не понимая, удивленно объявил: «Сто двадцать на семьдесят, как у космонавта».

А сам «пациент» неожиданно легко встал и, окинув нас гордым взглядом, произнес: «Что, испугались, голубчики? Не верь глазам своим, как говорил Козьма Прутков. Про давление слышали? Надо Старостина знать. Пошли продолжать».

И первым направился к парной.

Весной в Сочи в любую погоду еще шесть-семь лет назад (а ему тогда уже под восемьдесят было) Николай Петрович выбегал вместе с нами в спортивном костюме и кроссовках на зарядку, чем приводил в недоумение и восторг всех отдыхающих. Когда же он спустя два года перестал в ней участвовать, то на шутливые по этому поводу вопросы ребят отвечал: «А я теперь заряд бодрости на целый день получаю, если вижу, что вы утром с душой занимаетесь».

А заряд бодрости у Старостина рассчитан ровно на двадцать четыре часа - ни минутой меньше. Случается, по-моему, что ему суток не хватает. С утра до первой тренировки в своем кабинете в городском совете «Спартака» на Красносельской он уже успевает решить множество вопросов. Затем побывать в Моссовете, Управлении футбола, городском Спорткомитете, навестить кого-

то из получивших травму ребят, выяснить возможность наиболее удачного варианта выезда на матч в другой город. И так далее...

Успевая везде и всюду, справляясь с кучей самых разных дел, Николаю Петровичу удается оставаться при этом неизменно бодрым, общительным, неутомимым. Но при всей занятости Старостин всегда находит время заглянуть еще и в нашу футбольную школу, поинтересоваться ее жизнью, узнать последние новости. Играют ли малыши - первоклашки или те, кому вскоре предстоит ее закончить, - начальника нашей команды всегда можно увидеть на трибуне среди зрителей.

В его знаменитом целлофановом пакетике (с которым он, как утверждают шутники, не расстается даже ночью) вместе с вырезками из газет, записями текущих дел и прочей необходимой информацией хранится листок с именами наиболее интересных, на его взгляд, ребят, подмеченных среди футболистов школы.

Так, в свое время в этот список были внесены фамилии Федора Черенкова, Бориса Позднякова, Геннадия Морозова.

Сейчас Гена Морозов в футболе уже определился. Правда, приходится ему выступать в обороне на разных местах, но независимо от этого играет он ровно, надежно, стараясь доставлять мне и партнерам по защите как можно меньше волнений.

Надо сказать, что поначалу игра у него в дубле не шла. И я даже думал, что ничего у Геннадия так и не получится. Было видно, что парень он отчаянный, смелый, крепкий, но в то же время какой-то неорганизованный. А это для защитника самое страшное.

Переменился Гена после того, как мы всей командой отпраздновали его свадьбу. Сразу стал серьезней, собранней. И в жизни, и на поле более уравновешенным, последовательным, обстоятельным. И на игре это сказалось.

Сейчас тренеры без колебаний дают ему любые игровые задания. И он их не разочаровывает, одинаково удачно справляясь и с опекой самых грозных форвардов, и с четкой, грамотной страховкой партнеров.

Федор Черенков тоже из тех, кого Николай Петрович еще в юношах приметил. Когда он только в дубле появился, многие засомневались - правилен ли на сей раз выбор Старостина. Нет, то, что у Федора, как принято говорить в футболе, «голова светлая», было заметно сразу по тому, как он с мячом ловко работал, как необычно быстро для необстрелянного новичка в сложных ситуациях, где и опытному зубру порой не разобраться, находил решение. Но уж очень невидный паренек был, когда к нам пришел. Не верилось, что «мухач» сможет окрепнуть,

заиграть. Да со временем еще и завоевать титул лучшего игрока сезона. А вот Старостин верил. И радовался как мальчишка, когда Черенков в дубле, случалось, показывал свои фокусы, которыми так нас на тренировках удивлял. Николай Петрович и величал его всегда не иначе, как Федором. Словно хотел дать почувствовать своему любимцу, что относится к нему, как к взрослому.

- Федор еще всех за пояс заткнет, - любил повторять после удачных матчей Николай Петрович. - В нем футбольный Лобачевский сидит. Это я нутром чую...

Чутье в который раз не подвело Старостина.

Федя рос как игрок прямо на глазах; роста, правда, он оставался почти такого же, как и тогда, когда пришел в команду. Но эти его далеко не атлетические данные совсем не мешают ему на поле вводить в заблуждение одновременно двух-трех значительно более опытных и «крупногабаритных» опекунов. Заставлять совершать безнадежные броски за летящим в сетку мячом самых бдительных вратарей.

Сезон-83 стал сезоном Черенкова.

Кроме «Спартака», он выступал еще и за обе сборные - первую и олимпийскую, пересаживаясь из поезда в поезд, из самолета в самолет, меняя футболки и партнеров. Но продолжал играть так же ярко, умно, точно - «по-черенковски» - в каждом матче.

Я видел, как иногда, приезжая на сборы в Тарасовку из очередной поездки, Федя запирался в комнате и отлеживался, приходя в себя.

Заключительный этап того напряженного, казавшегося для него бесконечным сезона проходил и вовсе в сумасшедшем темпе. За период в двадцать с небольшим дней Черенков сыграл за «Спартак» в матчах Кубка УЕФА с «Астон Виллой» дома и в гостях, в промежутках между ними участвуя еще и в нескольких календарных встречах. Сразу же по возвращении из Англии вместе с нами он отыграл в Днепропетровске с «Днепром», где у всех уже были силы на пределе. После чего сражался в Лисабоне в составе сборной в решающей отборочной встрече европейского первенства.

В Днепропетровске после матча, проиграв который, мы распрощались с последней надеждой стать чемпионами, нас с Черенковым выбрали для проверки на допинг-контроль. Пройдя необходимые процедуры, мы сидели с ним в раздевалке молча (на разговоры уже не было сил), ожидая автобус, который должен был отвезти нас в гостиницу.

И вдруг Федор, посмотрев на меня каким-то опустошенным взглядом, сказал:

- Ты знаешь, Ринат, мне иногда начинает казаться, что вот-

вот наступит момент, когда я просто не смогу выйти на поле.

И грустно, Как-то совсем по-стариковски, вздохнул.

Момент этот наступил весной следующего года.

...«Спартак» вынужденно форсировал подготовку сезона, в начале которого предстояли два труднейших матча Кубка УЕФА с бельгийским «Андерлехтом». Работали помногу, торопя время, стремясь как можно скорее обрести боевую форму. До этого Черенков успел уже в сборной пару нелегких недель провести - кроссов побегать, со штангой позаниматься. И не выдержал.

В Тбилиси перед новой встречей с бельгийцами неожиданно выяснилось, что в игре он принять участия не сможет. Диагноз врачи установили довольно быстро - перенапряжение.

Мне, как и всем, было искренне жаль Федора, на чьи плечи свалилась такая непомерная нагрузка, справиться с которой его организм оказался не в состоянии. Наверное, на его месте другой, чувствуя нарастающую усталость, в какие-то моменты попридержал бы себя, поберег силы, играл бы, как иногда говорят в футболе, «вполоборота». Но подобные мысли даже не возникали у Федора. Слишком уж он любил футбол, свято веря, что отдавать ему нужно все.

Черенков вернулся на поле гораздо раньше, чем обрел прежнюю форму. Постепенно игра его из непривычно тяжелой, моментами даже какой-то неуклюжей, становилась прежней - легкой, порывистой. Забил он за сезон восемь голов. Немного, конечно, но зато характер показал, в который всегда так верил Николай Петрович, любивший частенько говорить про Федю: «Мал золотник, да крепок характером». И добавлял при этом: «...спартаковским!»

Нередко в нашей команде, особенно после матчей, где победа была добыта с громадным трудом, в отчетах пишут: «...вновь проявили спартаковский характер».

Среди главных его черт я бы выделил одну, о которой уже неоднократно говорил: принципиальное, сверхтребовательное отношение к игре.

Помню, Как-то на выезде мы сыграли вничью матч, который обязаны были выиграть, если бы не помощь хозяевам со стороны (теперь он уже не судит - отстранен) арбитра.

По окончании встречи все шумно возмущались «художествами» судьи, отнявшего у нас заслуженную победу. Николай Петрович в обсуждении не участвовал, стоял молча в стороне и лишь согласно кивал, слушая наши разгоряченные споры. Когда же страсти слегка поутихли, он неожиданно громко сказал:

- Что ж, арбитр судил действительно предвзято. Но вы-то все

равно должны были доказать противнику, что, невзирая ни на что, сильнее его. А по сему еще раз напомню, что в футболе все решает игра.

...Этой истиной и живут в футболе Бесков и Старостин, кому мы - спартаковское поколение последних лет -обязаны тем, что вышли в мастера.

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ, посвященный людям тренерской профессии, от умения, такта, выдержки которых, зависят не только результаты команды, но и судьбы тех, кого они выводят в мастера.

А. Львов: Насколько мне известно, ты, Ринат, в будущем собираешься попробовать себя в роли тренера. Поэтому, наверное, присматриваешься к тому, как работают твои наставники и в команде, и в сборной. Какими прежде всего качествами, по твоему мнению, должен обладать тренер?

Р. Дасаев: Думаю, главное в тренерской профессии - способность понимать тех, с кем работаешь, умение находить с ними творческий контакт. Если тренеру это удается, то он не тратит на уговоры своих подопечных время и силы, используя их на важное дело.

А. Львов: Да, но ты сам говорил, что тому же Бескову приходилось убеждать, скажем, Сочнова поменять в интересах команды амплуа форварда на роль защитника...

Р. Дасаев: Верно. Володя пошел на это потому, что полностью доверял Константину Ивановичу. А вот завоевать такое абсолютное доверие и авторитет тренеру очень трудно. И удается далеко не всем.

А. Львов: Но ведь в коллективе, случается, находятся и такие, которые могут оказаться противниками предложенной тренером программы. А значит, и не поддержать ее.

Как быть в этой ситуации?

Р. Дасаев: Руководить и решать в команде имеет право лишь один человек - тренер. И только время может дать ответ на вопрос - прав ли он был, принимая то или иное решение. Ведь сколько уже в «Спартаке» за время работы в нем Константина Ивановича и Николая Петровича случалось - уход Прохорова, Ловчева или Хидиятуллина, расставание с Гладилиным, приглашение ими безвестных игроков из второй лиги и списанных из высшей...

И тогда многим казалось, что это ошибки руководства, которые непременно ослабят команду и дорого ей обойдутся. Но время показало, что ошибались-то как раз те, кто так думал...

А. Львов: Но согласись, что Бесков и Старостин шли на довольно большой риск, создавая команду из футболистов

малоопытных, еще не нюхавших пороха большого футбола.

Р. Дасаев: Безусловно. Ведь с такими решать задачу возвращения «Спартака» в высшую лигу было гораздо труднее, чем с игроками опытными, обстрелянными. Но зато Константин Иванович и Николай Петрович знали, что те, кому они доверили честь и судьбу «Спартака», примут их программу безоговорочно. И вот здесь я хочу вновь вернуться к началу нашей беседы - к вопросу о контактности игроков и тренеров, о таком важном моменте в их отношениях, как взаимное доверие и уважение.

Конечно, для нас, приходивших в семьдесят седьмом году в «Спартак» из второй лиги, авторитет Бескова и Старостина был высок и непререкаем. Но никто из них не использовал этого обстоятельства для навязывания нам своих тренерских принципов. Напротив, Константин Иванович и Николай Петрович очень тактично, деликатно вводили нас в мир большого футбола, постепенно посвящали в его тайны, не спеша знакомя с его законами.

Делали они это, стараясь не задеть самолюбия желторотых новичков, не только не подавляя их индивидуальности, а напротив, стремясь развить лучшие игровые качества каждого. И удавалось им открывать таланты, мимо которых еще недавно равнодушно проходили другие, прежде всего с помощью умения понимать характер игрока, способности разбираться в нем, определять его твердость. А приглашал в семьдесят седьмом Бесков футболистов не по принципу поиска будущей легкой жизни, а убежденно веря в то, что они окажутся его единомышленниками.

Это я понял после многих лет совместной работы с ним.

А. Львов: Однако ведь и его выбор не всегда оказывался безошибочным. Так не пришлись в свое время к спартаковскому двору, например, братья Мачаидзе, Баранов...

Р. Дасаев: Я бы не стал относить это к разряду тренерских ошибок. Просто в процессе более тесного общения с приглашенными выяснилось, что их игровой стиль не совпадает со спартаковским. Такое в футболе случается: скажем, в своем клубе игрок - лидер, а попадая в сборную, превращается в заурядность.

Я считал, что в свое время, находясь в расцвете сил, не сумел заиграть в мадридском «Реале» такой гениальный мастер, как бразилец Диди. А ведь заплатившие за него колоссальную сумму люди не принадлежали к категории футбольных дилетантов.

Подбор игроков - один из аспектов тренерской деятельности. И здесь тоже порой не все может удаваться, как задумано.

А. Львов: В нашем футболе вообще принято критиковать

клубы и их тренеров, приглашающих к себе футболистов из других команд.

Р. Дасаев: Не буду говорить о том, правы ли те, кто так делает. Хотя вроде бы преследуют они благие намерения, думая, что, ограничивая клубы пополнением извне, их можно заставить тем самым улучшить работу по подготовке собственных резервов. Мы уже чуть раньше касались этой темы и пришли к выводу, что футбольным школам должны быть созданы все условия не по необходимости, вызванной различными приказами и ограничениями переходов, ими делу не поможешь, а с целью помочь вырастить хорошую смену. Там, где детско-юношеский футбол предан забвению, любые циркуляры ничего не изменят.

Считаю, в том, что тренер приглашает из другой команды футболиста, по его мнению, способного помочь в осуществлении задуманного, ничего плохого нет. Эдуард Васильевич Малофеев рассказывал как-то, что, будучи еще молодым игроком спартаковского дубля, получил приглашение Александра Александровича Севидова перейти в минское «Динамо». Именно в этом клубе он вырос в форварда сборной. И затем, закончив выступать, блестяще проявил себя в нем и в роли тренера, приведя минчан к золотым медалям.

Произошло это прежде всего потому, что минское «Динамо» стало для него по-настоящему родной командой, где с помощью поверившего в него тренера он сумел проявить все свое дарование, чего могло бы и не произойти в другом коллективе.

А. Львов: Стало быть, главную роль в осуществлении замыслов тренера решает его полный контакт и взаимопонимание со своими подопечными?

Р. Дасаев: Это фундамент, на котором строится и создается в команде все. И чем он крепче, тем быстрее, успешнее и без лишних затрат появляется возможность у тренера осуществить задуманное. И в качестве довольно характерного, хотя и весьма печального примера можно привести судьбу такого уважаемого и сильного в прошлом клуба, как ЦСКА.

Ведь эта команда имеет широкие возможности постоянно пополняться. Это, однако, не приносит армейцам ожидаемых успехов, поскольку для новичков клуб не становится родным домом. И, приходя в него, они чаще всего не находят необходимого контакта ни с новыми партнерами, ни с руководством.

А. Львов: Но, наверное, в этом есть вина и тренеров?

Р. Дасаев: Значительно меньшая, чем может показаться на первый взгляд. Ты посчитай, сколько тренеров сменилось за последние годы в ЦСКА, кого только не приглашали «спасать»

этот клуб - Николаева, Агапова, Мамыкина, Боброва, Шапошникова, Базилевича, Шестернева, Морозова и даже в свое время хоккейного зубра Тарасова. В итоге же кончилось тем, что команда оказалась в первой лиге.

И многое не удавалось им осуществить потому, что работали они в лихорадочной спешке, чувствуя, что в любой момент их работу могут по каким-то причинам признать неудовлетворительной, а стало быть, попросят освободить место. Как было, к примеру, с уважаемым Всеволодом Михайловичем Бобровым после того, как под его руководством ЦСКА занял шестое место, показав в большинстве матчей обещающий футбол. Или другой не менее печальный пример: спасший в трудную минуту от вылета в первую лигу клуб Альберт Шестернев затем вынужден был по непонятным причинам уступить пост старшего тренера Юрию Морозову, вместе с которым ЦСКА и покинул высшую лигу...

Вот и получается, что состояние неуверенности в завтрашнем дне, постоянной торопливости и ненужного напряжения у тренеров моментально передается и футболистам. А в такой обстановке ни о каком осуществлении тренерских замыслов, создании коллектива и твердой, интересной игры не может быть и речи.

А. Львов: Кстати, отношение к тренеру со стороны тех, кто его приглашает, кто доверяет ему судьбу команды, также влияет на его авторитет в глазах тех, с кем он работает. И влияет по-разному. Случается, что недоверие к нему со стороны разных спортивных и прочих руководителей передается и игрокам, что в значительной степени может повлиять на взаимоотношения внутри коллектива, на которых, как ты говорил, и должна строиться тренерская работа. Ведь были уже упомянуты тобой подобные страницы в тренерской биографии Бескова...

Р. Дасаев: Безусловно, игроки всегда чувствуют отношение к их наставнику со стороны. Вот и мы, оказавшись в «Спартаке», сразу же ощутили проявление полного доверия и доброжелательности к нашим тренерам, которые в свою очередь вели себя точно так же по отношению к нам. И мы вовсю стремились платить им тем же.

Именно поэтому и удавалось каждому находить то, что он искал: тренерам - нужных для осуществления задуманного игроков, а футболистам - открывать для себя мир большого футбола.

А. Львов: В одном из недавних интервью на вопрос о том, создает ли тренер игроков или, на против, они создают тренера, наставник чемпионов мира итальянец Энцо Беарзот ответил, что,

по его мнению, тренера создают игроки.

А что по этому поводу думаешь ты?

Р. Дасаев: Пожалуй, я считаю несколько иначе: тренер и игроки черпают силы в по-настоящему творческом контакте друг с другом, основанном на полном взаимопонимании и единстве взглядов на общее дело. Только при этом условии возможен рост каждого.

Не зря Константин Иванович любит говорить, что молодеет в работе с нами.

И к этому выводу я пришел после многих лет пребывания в «Спартаке» с удивительнейшими людьми и великолепными специалистами - Константином Ивановичем Бесковым и Николаем Петровичем Старостиным.

А. Львов: Что же главное, подмеченное в их работе, собирается взять с собой в новую футбольную жизнь будущий тренер Ринат Файзарахманович Дасаев?

Р. Дасаев: Умение видеть прежде всего в футболисте человека, а уж потом игрока.

ГЛАВНАЯ КОМАНДА СТРАНЫ

В сборную я впервые попал в семьдесят девятом году. Все случилось буднично, просто. В конце очередной тренировки Константин Иванович, как водится, проинформировал, где и когда состоится следующее занятие. И затем, чуть выждав, сообщил:

- ...А Хидиятуллин, Гаврилов, Ярцев, Шавло, Гесс и Дасаев завтра со сборной отправляются в Новогорск для подготовки к матчу с командой ГДР.

Мою фамилию Бесков почему-то назвал последней. Я сперва даже толком ничего не понял. Видно, устал и уже думал о том, как бы поскорее оказаться в душе под расслабляющей струей воды. Стоявший рядом Женя Сидоров, наверное, догадавшись, что я не расслышал самого главного, пошутил:

- Не отменили бы матч, Ринат. Узнают немецкие нападающие, что в воротах Дасаев, испугаются и откажутся от игры. Так что твой дебют в сборной может и не состояться...

Тут только до меня дошло, что сказал Бесков.

- Это правда? - все еще не веря услышанному, спросил я его, когда ребята уже ушли.

- Что правда?

- Ну, насчет сборной?..

- Конечно, правда, Ринат. Или ты считаешь, что не заслужил этого? - улыбнулся Константин Иванович.

Если быть до конца откровенным, о сборной я втайне подумывал. В газетах к тому времени меня перестали называть неопытным, начинающим. Напротив, чаще и чаще отмечали уверенность, надежность. А после Спартакиады народов СССР признали одним из лучших игроков в команде Москвы, в составе которой я завоевал первую в своей жизни золотую медаль.

Но главное - игра моя устраивала Бескова. И про себя я думал: если нашего «Старшего» пригласят возглавить сборную (а такие разговоры после ничьей с финнами, поставившей под угрозу выход нашей команды в финал европейского чемпионата, велись), то есть надежда, что он обратит внимание и на меня.

Словом, я ставил себе целью попасть в сборную. И с еще большим азартом трудился на бесчисленных зарядках и тренировках, не переставая повторять про себя: «Я должен, должен, могу...»

Выход в финал первенства Европы полностью зависел от результата матча в Греции.

Ровно за неделю до нашего отъезда в Афины должна была

состояться последняя контрольная встреча в Лужниках со сборной ГДР - командой упрямой, «колючей», способной доставить неприятности кому угодно.

Кроме нас, в сборную были включены московские и тбилисские динамовцы и несколько игроков из других клубов. Киевляне сказались нездоровыми и на сбор не прибыли, что моментально породило среди болельщиков массу всевозможных разговоров и догадок.

Этими разговорами я не интересовался - не до того было. Тренировался, к ребятам присматривался, как и положено новичку, больше слушал и помалкивал. Но одно уловил сразу же: все, как один, быстро прониклись уважением к Бескову. Это видно было хотя бы по тому, как проходили тренировки, - интересно, с настроением. И конечно, все ждали, какой Константин Иванович на сей раз игровой план предложит.

Это стало известно на установке, когда он объявил, что в средней линии выступят Кипиани, Гаврилов и Максименков - полузащитники, организаторы, умеющие поддержать наступление. Значит, вариант Бесков предлагал атакующий, «спартаковский», в который верил, который любил.

Готовился я к матчу вместе с Колей Гонтарем - он из тех людей, с кем всегда легко и просто. Он уже тогда, несмотря на некоторую видимую угловатость, завоевал репутацию решительного, проверенного вратаря. Держал Николай себя со мной так, словно мы с ним давние друзья-товарищи.

Даже когда объявили, что на игру Бесков выбрал из нас двоих меня, Коля первым подошел ко мне и, ободряюще подмигнув, сказал: «Поспокойнее, Ринат. Главное, старайся все время держать себя в руках».

Я и сам понимал, что от этого многое зависит. Но чем меньше времени оставалось до начала матча, тем труднее становилось сдерживать все нарастающее волнение. На разминке казалось, что с ним удалось справиться. А когда матч начался, меня буквально заколотило.

Соперники знали, что перед ними «сырой» вратарь-дебютант (у них с информацией о сопернике дело хорошо поставлено), и старались не давать мне передышки - и верхом мяч в штрафную посылали, и били из любых положений.

В общем, работы хватало. И как-то незаметно к середине первого тайма волнение исчезло. А после того как удалось парировать два опаснейших удара Штрайха и Ридигера, почувствовал, наконец, уверенность и спокойствие, о котором говорил перед игрой Николай.

Матч хотя и товарищеский, но по накалу иному турнирному

не уступал. Публика не скучала. Опасных моментов, которые так любит зритель, у моих и Грапентина ворот было немало. Один из них мы, наконец, использовали: Эдик Гесс резко отдал мяч в район штрафной Юрчишину, тот переправил его Гаврилову. И Юрий, будто бильярдный шар в лузу, аккуратно «положил» его в левый от себя угол.

Лучшими среди наших игроков газеты в той встрече признали Хидиятуллина и Кипиани. «Хидя» и впереди и сзади много потрудился, везде поспевал вовремя. Дато сыграл в своем стиле - тонко, грамотно. И меня похвалили, что не оробел, не дрогнул, справился с волнением.

Бесков после матча казался озабоченным. Видно, чувствовал, что трудности впереди. Но с победой всех поздравил, поблагодарил за старательность. Некоторым высказал короткие, меткие (в его стиле) замечания. Когда очередь до меня дошла, спросил: «Ну что, Ринат, понял, какая это особая ответственность - за сборную играть?»

В ответ я лишь устало кивнул головой.

Впервые я понял тогда еще и то, как велика вера в болельщиков в сборную. И хотя дела ее в отборочном турнире европейского первенства шли неважно, пятьдесят тысяч их пришли поддержать команду, за которую в стране болеют все.

Сборная по-настоящему проверяет, кто и чего стоит в футболе - независимо, игрок он или тренер. Здесь каждый на виду. Со всеми своими плюсами и минусами. Вот почему те, кто выдержал испытание главной командой страны, кто оправдал высокую честь защищать ее цвета, никогда не исчезнут из памяти большого футбола.

Это я понял после испанского чемпионата, где вместе с товарищами встретился с совершенно незнакомым футболом, совершенно иного уровня.

Такие турниры, как испанский чемпионат мира, экзаменуют по самому большому счету. Свои истинные возможности я смог раскрыть именно в Испании.

Возвратиться к чемпионату хочу не только для того, чтобы рассказать о своих тогдашних переживаниях, но и о том, что творилось с нашей сборной и почему, вопреки ожиданиям, не удалось нам добиться на чемпионате большего, чем хотя и престижного, но никого, конечно, не устроившего места в десятке.

Но сначала о событиях, предшествовавших первенству, когда сборная, возглавленная Бесковым, делала первые шаги на пути к нему.

...В Афинах мы проиграли. Хотя соперник был не из самых

сильных. И голевых моментов у нас было достаточно, чтобы по-иному сложилась игра. Но счастье на этот раз оказалось не на нашей стороне.

Дело, конечно, не в счастье, рассчитывать на которое в таких матчах по меньшей мере несерьезно. Пожалуй, что сыграли роль труднопреодолимые для нас в тот момент обстоятельства.

Поле на стадионе «Панатинаикос» непривычно мало по размерам, жесткое, словно бетонная плита, и неровное, как проселочная дорога.

Согласен, что классная команда, собирающаяся решать большие задачи, должна показывать хорошую игру при любых обстоятельствах, уметь перестраиваться, преодолевать неожиданные трудности. Но в тот момент сборная, в очередной раз созданная заново, процентов на восемьдесят состояла из необстрелянных новичков. Попав на поле, которое после утренней разминки Юрий Гаврилов очень точно окрестил «огородом», мы лишились главного козыря - возможности сыграть в свою игру - техничную, комбинационную, многоходовую. Энергия главным образом уходила на укрощение мгновенно ставшего строптивым и непослушным мяча. Создавались стопроцентные ситуации для забивания гола, реализовать которые мы так и не смогли. В первом тайме Кипиани после паса Максименкова оказался один против греческого вратаря Константину. Но протолкнул под ним мяч очень тихо. Вскоре сам Максименков, целясь в угол пустых ворот, угодил в штангу. Рамаз Шенгелия из хорошего положения пробил чуть мимо... Для победы - о ничьей уже и не говорю - перечисленного вполне бы хватило. Ведь у греков возможностей забить гол было намного меньше.

И одну из них они не упустили.

Минуте к двадцать пятой, когда их неистовые атаки, проходившие под рев бушевавшего, словно проснувшийся вулкан, стадиона, стали потихоньку затихать, Николудис и Ордизоглу, пытавшиеся все время по флангам пробраться в нашу штрафную, разыграли между собой такую знакомую, но всегда неожиданную «стенку» (только на сей раз верхом) и привели в короткое замешательство наших защитников. Когда Николудис с мячом рванулся к моим воротам, Бубнов и Никулин вдвоем бросились перекрывать его. Увидев, что оба они опаздывают, на помощь им заспешил и я. Но греческий форвард успел нанести удар. Мяч угодил Никулину в ногу и, перелетев через меня, оказался в сетке.

Не пропусти мы в тот момент досадный этот гол, подержи мяч, успокойся, и от собственных бесплодных атак хозяева

наверняка бы начали уставать. И напор их ослабел бы. Но та игра, на которую так рассчитывал Константин Иванович, к которой призывал на установке, не получилась. Греческая команда чувствовала себя на привычном поле уверенной и свободной. А мы нервничали, суетились. В спешке ошибались непростительно много.

Но никто из нас потом в оправдание неудачи о поле не вспоминал. Тем более Бесков. И переживал он ее особенно остро еще и потому, что в Афинах не удалась игра, с помощью которой он надеялся вывести сборную из сложной турнирной ситуации.

Скорее всего не было ничего такого уж неожиданного в том поражении. Для Бескова это был первый официальный матч в сборной после пятнадцатилетнего перерыва. Для многих ребят - вообще дебют. Возможно, окажись рядом с нами несколько партнеров опытных, способных не теряться в любой обстановке, тех, кого называют лидерами, матч сложился бы иначе. Но за исключением, пожалуй, Кипиани, их в афинском матче в составе не оказалось...

Но футбольная жизнь продолжалась. Сборная должна была идти дальше.

Как всегда после очередной неудачи, стали широко обсуждать ее будущее. Одно «ценное» предложение сменяло другое. Но суть всех сводилась примерно к следующему: «Необходим новый тренер. Уж тот наверняка окажется прозорливее и удачливее, чем его предшественники».

Наконец, после сомнений и колебаний решили, что ее вновь возглавит Константин Иванович. И сезон сборная завершала с ним.

Мы - спартаковцы - знали: Бескова неизбежный «нулевой цикл» вряд ли может смутить. И верили, что у нашего «Старшего» должно получиться.

...Наступил восьмидесятый - олимпийский - год. Приближался очень важный турнир. Но, думая о нем, Бесков в каждом своем интервью, на каждом собрании не уставал повторять: «Наша цель - мировой чемпионат. Олимпиада станет очень важным этапом подготовки и проверки на пути к нему».

В сборной появлялись и проверялись все новые и новые футболисты. Большинство из них в Испанию по разным причинам не попало. Но по пути к ней новички помогали тренерам определять, каким же образом строить и крепить игру, какие звенья усиливать.

И игра вырисовывалась все четче и четче.

С конца февраля и до начала Олимпиады мы провели пять встреч.

В Софии обыграли сборную Болгарии, в Мальме - Швеции, в Рио-де-Жанейро - Бразилии, а в Москве -Франции и Дании. Да и соотношение мячей вполне соответствовало игре - тринадцать забитых голов при пяти пропущенных. Согласитесь, показатель убедительный.

Все встречи я провел без замены. Это давало некоторое основание считать, что причин для недовольства моей игрой пока нет. Но какими бы удачными ни оказывались они для меня, Бесков все равно находил недостатки, не давал успокаиваться, убеждал, что обольщаться рано и пользу может принести только строгое, критическое отношение к себе.

- Присматривайся ко всему на поле, запоминай, старайся улавливать суть игры тех, кто атакует твои ворота, - не переставал говорить «Старший».

И я присматривался, учился.

К примеру, в Мальме я довольно быстро понял, что наибольших неприятностей можно ожидать от Шеберга, Нильссона и Линдерота, улавливающих тонкости атаки. Не зря их на мировом чемпионате в Аргентине отмечали.

Но, сосредоточив на них главное внимание, не успел вовремя переключиться на стремительный маневр находившегося в начале встречи в тени полузащитника Нордгрена. Выскочив из засады, он крученым ударом забил мне мяч.

Конечно, истина, что опасен может быть любой из соперников, мне была известна. Но по наивности, обычно свойственной необстрелянным игрокам, я продолжал делить их на более или менее грозных.

В Москве, месяц спустя, в матче с французами я вел себя уже по-другому. И, не забывая о высокой репутации Трезора, Тиганы, Платини, Лякомба, старался не терять из вида и остальных. Урок Мальме не прошел даром. Когда левый защитник Босси, прежде не проявлявший активного интереса к атаке, решительно пошел вперед и оказался с мячом почти в моей вратарской, я, однако, успел с помощью Хидиятуллина помешать ему.

В Рио-де-Жанейро, на «Маракане», я был весь внимание, следил за каждым шагом игроков бразильской сборной, включая и вратаря Раула, первым начинавшего организацию наступления партнеров. И то, что Нуньесу удалось открыть счет, отнюдь не было следствием моей рассеянности. Просто технически он все выполнил безупречно: чуть подработал мяч и сразу же стрельнул из-под ноги попытавшегося ему помешать Сулаквелидзе.

С атакой бразильского образца я познакомился впервые. И хотя наслышан был о ней и прежде, но, как и мои партнеры по обороне, не предполагал, что она окажется столь неистовой и

мощной.

Признаюсь, поначалу у меня от мелькавших, словно неуловимые солнечные зайчики, желтых маек бразильцев в глазах зарябило. Но вскоре я разобрался, что крайние защитники Нелиньо и Жуниор совершают рейды только по своим флангам, а в середину, откуда удобней нанести прицельный удар, смещаются мало. Зико же, напротив, предпочитал прорывы, применяя свой знаменитый дриблинг, главным образом через центр. А баскетбольного роста Сократес как рыба в воде чувствовал себя в воздушных дуэлях и во время розыгрыша штрафных, свободных и угловых требовал особого внимания. Но самым главным (и это я тут же усвоил) было не пропустить момент удара, который бразильцы наносили так же мгновенно и решительно, как нажимает на спусковой крючок оружия опытный снайпер.

И прояви я здесь растерянность хоть на долю секунды, вряд ли удалось бы вовремя среагировать на «выстрелы» Серезо, Зико и вышедшего потом на замену Эдера.

...Мы учились играть в сборной. И открывали для себя совершенно новый футбол, требования которого оказались значительно жестче, чем в матчах внутреннего календаря.

На нашу победу в Рио еженедельник «Футбол-хоккей» откликнулся красивым разворотом под красноречивым заголовком - «Испытание «Мараканой». Для нас это было еще и испытание сборной.

Испытания мы выдержали главным образом потому, что к встрече с бразильцами подошли, приобретя пусть небольшой, но все-таки позволяющий ориентироваться в сложной малознакомой обстановке иного футбола опыт...

Предвижу вопрос: «А почему же тогда после столь впечатляющей серии побед в начале восьмидесятого года, включая победу на «Маракане», на олимпийском турнире в Москве мы оказались лишь третьими?»

Частично я ответил на него, когда говорил, что, хотя сборная в канун Олимпиады заметно подняла свою репутацию, успешно сыграв с болгарами, шведами, французами, датчанами и бразильцами, «обкатку» в больших официальных турнирах пройти еще не успела. Вот и споткнулась неожиданно для многих в первом таком -олимпийском.

Винить, по-моему, некого. Ведь Олимпиада, как и мировой чемпионат, раз в четыре года проводится. И, не поварившись в котле подобных страстей, не испытав напряжения и колоссальной ответственности каждого матча, бойцом не станешь.

Вот почему в подобной сложнейшей обстановке даже футболист, которого можно отнести к тем, кого принято называть

«прошедшим огонь и воды», может растеряться и не показать всего того, на что способен.

Это я понял в Испании.

В Москве же среди олимпийцев, которых собрал Константин Иванович, оказалось подавляющее большинство тех, кто провел за сборную считанное число встреч. Да и то главным образом товарищеских: Балтача и Прокопенко - по одной, Никулин - три, Сулаквелидзе и Чивадзе - по четыре, Романцев - пять, Черенков - шесть, а Газзаев, Андреев, Оганесян, Челебадзе и я - по семь.

Вот и получилось, что защитная линия оказалась собранной в основном из игроков малоопытных. Что свою роль и сыграло.

Мы проиграли в полуфинале команде ГДР из-за единственной грубой ошибки в обороне. Я о ней уже подробно рассказывал. И не одни мы промашки допускали - у полузащитников и форвардов их тоже хватало.

Но они не забили. А мы пропустили.

Это я к тому, что просчеты обороны ни в какое сравнение не идут с теми, что допускаются у чужих ворот. И тот олимпийский полуфинал лишнее тому подтверждение.

Опыта в первую очередь не хватило. Опыта больших турнирных испытаний...

На событиях от Афин до олимпийской Москвы я не случайно так подробно остановился потому, что в них сборная, которой предстояло выступать на чемпионате мира, проверялась, «обкатывалась», примеряла игру.

...Постепенно круг претендентов на места в сборной сужался. Травмы вывели из числа членов сборной Родины и Романцева. На смену Лозинскому из минского «Динамо» был приглашен Сергей Боровский.

Думаю, Бесков не случайно столько внимания уделял защитной линии. Дело здесь не в стремлении добиваться результатов прежде всего за счет крепости обороны. Напротив, тренеру хотелось, чтобы защитники не только умело справлялись со своими прямыми обязанностями, но и были еще активны в атаке, стремились бы поддерживать, а при возможности и завершать ее.

И если судить по играм в Испании, в лице Демьяненко и Чивадзе таковых нашел. Хотя, наверное, надеялся, что и остальные защитники не окажутся в стороне.

В «Спартаке» Константин Иванович начал с создания коллектива, в котором бы не было «воздержавшихся», а все решалось бы единогласно. И в сборной «Старший» стремился к этому. Призывая очередного кандидата, прежде всего уделял внимание его чисто человеческим качествам.

Могу смело сказать - в конце восемьдесят первого, когда мы досрочно стали финалистами испанского первенства, сборная была уже сильна своей определившейся игрой, собрала в своем составе достойных исполнителей, относившихся друг к другу и тренерам уважительно и с полным доверием...

На следующий день после предпоследнего отборочного матча с командой Уэльса над Тбилиси стоял густой туман. Наши надежды улететь в Москву первым рейсом сразу же стали такими же неопределенными, как и переменчивая ноябрьская погода. Проведя в бесполезном ожидании в аэропорту часа полтора, мы вернулись в Дигоми, на базу тбилисского «Динамо», которую гостеприимные хозяева предоставили сборной для подготовки. Вполне понятно, что настроение было испорчено, всем хотелось домой. Но с природой в данном случае спорить бесполезно.

- Ничего, - утешал нас приехавший на базу потренироваться после болезни Давид Кипиани, - не переживайте. Вот позвоню через час в небесную канцелярию и закажу вам солнце. А вообще, куда спешите? Оставайтесь, отдохните у нас в Грузии. Места и тепла всем хватит.

Что касается грузинского тепла, то это не было красноречием Дато. Сколько ни приходилось играть в Тбилиси за сборную ли или «Спартак», всякий раз с удовольствием выхожу на поле стадиона «Динамо», трибуны которого, как правило, до отказа заполнены зрителями. Радостно и тепло на сердце оттого, что знаю: люди, пришедшие сюда, любят и понимают футбол.

А главное - никогда не теряют веры увидеть настоящую игру.

При всем своем темпераменте, видимой горячности грузинский болельщик отнюдь не принадлежит к той категории фанатиков, признающих и видящих на поле только «своих». Он умеет с уважением и вниманием относиться к любому сопернику, мгновенно оценивая его футбольные способности радушием и аплодисментами.

Тренер сборной Уэльса Майкл Ингленд, подопечных которого мы обыграли в Тбилиси, на послематчевой пресс-конференции остроумно заметил: «Даже поражение в присутствии такой чуткой и понимающей аудитории, какой оказались тбилисские болельщики, не вызывает чувство досады. Если бы была возможность, то некоторые из своих встреч наша команда провела бы здесь, в столице Грузии. Тогда, возможно, все для нас сложилось бы в отборочных играх иначе...»

Тбилисцы и нам старались скрасить время ожидания вылета, чтобы оно прошло быстро и незаметно. Узнав о задержке рейса, в Дигоми тут же примчался всегда улыбающийся, веселый Слава Калистратович Метревели. Мгновенно усадил всех нас в автобус и

повез показывать самые красивые уголки древнего города, не переставая всю эту импровизированную экскурсию шутить и рассказывать забавные футбольные истории.

А когда туман наконец рассеялся, когда из-за тяжелых серых туч сперва робко, а потом все смелее начало проглядывать долгожданное солнце, наш добровольный гид, прощаясь, сказал: «Успехов вам, ребята. Успехов, удачи и крепкой дружбы. Без этого в Испании, ох, как трудно придется...»

Уж кому-кому, а Метревели известно, что значит на поле крепкая, настоящая дружба. И как много с ее помощью можно добиться.

Мы разъезжались в разные города - Москву, Минск, Ростов-на-Дону, Киев. И, прощаясь, говорили друг другу добрые и очень нужные всегда слова напутствия. Говорили от всей души потому, что за последние пару сезонов успели узнать и проверить возможности и характер каждого, научиться чувствовать локоть товарища.

По крайней мере нам, впервые в своей жизни ставшим участниками чемпионата мира, так казалось. И мы верили друг в друга...

В Тбилиси, в раздевалке, после встречи со сборной Уэльса, еще не остыв от недавних переживаний, Олег Блохин сказал мне: «В каких только турнирах не играл, Ринат, а вот на чемпионатах мира не доводилось ни разу. Ведь так можно было и из футбола уйти, не узнав, каков он на самом деле».

Я понимал Олега, возраст которого уже к тридцати подходил. Это была, пожалуй, последняя возможность для него осуществить давнюю мечту. Ведь никто из форвардов, подобных Блохину, обычно так ретиво опекаемых безжалостными защитниками, не знает, когда придется бутсы на гвоздь повесить...

Обстановка в сборной, как я уже говорил, была очень хорошей, в которой приятно и тренироваться, и играть.

Каким образом тренерам удалось этого добиться?

Не думаю, что у Бескова были какие-то особые секреты. Игра и результаты подтверждали правильность выбранного им в работе направления. И лучше всяких слов способствовали укреплению тренерского авторитета. А это в свою очередь создавало атмосферу доверия, взаимопонимания в коллективе.

Нет более действенной силы убеждения игрока, чем тренерский авторитет. Авторитет Константина Ивановича был для всех нас несомненен.

В чем, в чем, а в этом мне удалось убедиться. Естественно, что каждый из тренеров, с кем приходилось работать в сборной, стремился завоевать ее своими, уже проверенными в клубе

методами. Но ожидаемые результаты это приносило не всегда.

В восемьдесят первом году вместе с Константином Ивановичем со сборной стали работать Валерий Васильевич Лобановский и Нодар Парсаданович Ахалкаци - старшие тренеры киевского и тбилисского «Динамо». Какая роль им предназначалась - помощников Бескова или его полноправных соратников, не знаю, как не берусь судить о том, так ли уж необходимо было их приглашать в команду.

Но, как мне показалось, на первых порах ничего с созданием тренерского «кабинета» не изменилось. По-прежнему главной фигурой во время занятий, разборов и прочих учебных дел был Константин Иванович. И поэтому обстановка в коллективе сохранялась деловая, которая помогала с настроением тренироваться и играть.

С Лобановским и Ахалкаци до этого я был мало знаком. Знал о них по рассказам игроков из руководимых ими команд. Сравнивая теперь увиденное с услышанным, я с интересом присматривался к обоим. И все сильнее убеждался, насколько разные они по характеру, по взглядам на футбол, на свое тренерское дело люди.

Авторитет у того и у другого был большой. Под руководством Валерия Васильевича киевляне выигрывали Кубок кубков и Суперкубок. С Нодаром Парсадановичем тбилисцы становились обладателями Кубка кубков.

В сборной Лобановский был так же инициативен и деятелен, как и в своей команде. Ахалкаци же вел себя более сдержанно, с присущим ему достоинством и внешним спокойствием. Думаю, что, в отличие от Валерия Васильевича, Нодар Парсаданович понимал, что должен больше помогать, чем руководить. Поэтому старался проявлять максимум тактичности и сдержанности во всем.

После чемпионата мира подвергся самому горячему обсуждению вопрос о расширении тренерского состава. Большинство споривших считали решение о создании тренерского триумвирата ошибочным. Оно, по их мнению, не только не пошло на пользу, а, напротив, внесло ненужные осложнения в жизнь сборной.

Меня всегда удивляет категоричность, с которой делались и делаются подобные заявления.

Поэтому не хочу в споре участвовать, а просто продолжу рассказ о дальнейших событиях в жизни сборной, который, надеюсь, даст возможность многое понять и взглянуть на ее выступление в Испании с иных позиций.

...Что мы знали о чемпионате мира?

Теперь, по прошествии времени, в преддверии очередного мирового первенства, дорога к которому пробивается гораздо труднее, чем четыре года назад, могу смело сказать: «Ничего!»

Нет, конечно, то, что событие это особое и что в Испании многое может оказаться совершенно незнакомым, мы предвидели, разумеется. Но представить до конца все будущие трудности не смогли.

Кое-какую школу сборной мы уже прошли и определенный опыт успели приобрести, потому и надеялись, что сумеем в новой обстановке разобраться что к чему.

Это вовсе не зазнайство или самоуспокоенность. Подобного настроения в сборной не было. Но, сыграв удачно в Рио с всегда высоко котировавшимися бразильцами, а в Аргентине вничью с чемпионами мира, мы имели определенные основания полагать, что в Испании хуже других не окажемся. И международная футбольная пресса включила нашу сборную в число фаворитов предстоящего первенства.

Одним из последних контрольных матчей стала встреча с аргентинской сборной ровно за два месяца до отъезда в Испанию. Проходила она в Буэнос-Айресе на поле стадиона «Ривер Плейт», того самого, где за четыре года до этого хозяева, к невероятной радости соотечественников и удивлению остальных, стали обладателями высшего футбольного титула.

Чуть раньше в Мар-дель-Плата мы уже встречались с аргентинцами. И, обменявшись голами, с миром разошлись. На сей раз подтекст встречи был уже иным.

Проверяя себя в матче с самими чемпионами мира и присматриваясь к ним, мы заодно прикидывали и свои возможности быть среди сильнейших. Не скажу, что игра в Буэнос-Айресе нам удалась. Не было привычной легкости. Возможно, сказалась утомительная дорога или вполне естественное для такой встречи волнение. И больше внимания мы уделяли разрушению атак аргентинцев, чем организации своих.

Майка Тенгиза Сулаквелидзе, опекавшего восходящую звезду хозяев - невысокого крепыша Марадону, уже через пятнадцать минут почернела от пота. Юркий аргентинец успевал не только сам выходить на удобную для обстрела ворот позицию, но и выводил на удар мощного Кемпеса и энергичного Диаса. Эта троица принялась, причем довольно серьезно, с самого начала терзать нашу оборону.

Раза два опасно пробил Кемпес. Стоило немалого труда парировать его хлесткие удары. А в одном эпизоде мне помогла штанга, отразившая мяч, посланный улучившим-таки момент Марадоной. И все-таки аргентинцы добились своего. Рванувшийся

на свободное место Диас получил пас и оказался в нашей штрафной. К нему устремился Балтача. Видя, что Сергей не может помешать нападающему, я тоже бросился навстречу аргентинцу. Но тот уже нанес резкий удар. И мяч, хотя и коснулся моих рук, оказался в сетке.

Сравнять счет удалось Оганесяну во втором тайме. Сделал это Хорен красиво, застав врасплох голкипера аргентинцев Филолу, искусным ударом головой.

«Русские станут на сцене испанского первенства заметными действующими лицами», «Сборная СССР оказалась крепким орешком для чемпионов мира!», «Элегантный грузин с достоинством выдержал спор с так и не забившим гола Марадоной...»

Такими заголовками прокомментировали матч аргентинские газеты. Вполне понятно, что подобные отзывы вселяли в нас уверенность. Но тренеры, в отличие от ребят, особых восторгов не проявляли.

- Могли сыграть лучше. Особенно в атаке, - единодушно заявили они после встречи.

На обратном пути домой в самолете мы с Юрием Гавриловым долго обсуждали матч, детально разбирая его отдельные моменты и особенно неожиданные действия понравившихся нам аргентинских форвардов. И когда, вдоволь наговорившись, уже собирались вздремнуть, Юрий вдруг спросил: «А что ты думаешь, Ринат, как мы сыграем в Испании?»

- Не знаю... - неопределенно пожав плечами, откровенно признался я.

- Вот и я не знаю, - покачал головой, скорее всего, не ожидавший иного ответа Юрий.

И, отвернувшись, стал молча всматриваться в черневшее за окнами иллюминатора небо.

И оставшееся до отъезда на чемпионат время сборная жила обычной жизнью: кандидаты проходили последнюю проверку, тренеры ломали голову над окончательным вариантом состава команды, с которой собирались отправиться в дорогу. Казалось, все предусмотрено, однако трое из тех, на кого рассчитывали тренеры, выступить в Испании не смогли.

Вначале стало известно, что, устав от бесконечных травм, решил распрощаться с футболом Давид Кипиани. В середине мая выбыл из строя другой полузащитник - Леонид Буряк. А накануне вылета в Севилью в Лужниках за две минуты до конца последней контрольной встречи со вторым составом серьезно повредил колено вновь возвращенный в команду Хидиятуллин.

Еще не вступив в борьбу, мы потеряли трех ведущих игроков.

Как недоставало команде их опыта, уверенности, выдержки - всего того, чего, увы, не под силу оказалось проявить некоторым из тех, кто был здоров, полон сил и выходил на поле.

С Давидом Кипиани я близко познакомился в сборной. И довольно быстро убедился, что футбол для этого человека не просто игра, увлечение, страсть. Футбол - вся его жизнь, с многообразием ее переживаний, эмоций, радостей и огорчений.

Его игровая манера - мягкая, техничная, основанная на постоянном контакте с мячом, а также неумение прятаться за спины партнеров и беречь себя делали Кипиани уязвимым для бесцеремонных опекунов. И редкую встречу Давид завершал, не пообщавшись в раздевалке с врачом. Но ни я, ни те, кому удалось играть рядом с ним, никогда не слышали от него сетований на свою судьбу.

Кипиани был лидером и в тбилисском «Динамо», и в сборной. Его умение вести себя спокойно, разговаривать, не повышая голоса даже в самые жаркие минуты спора, серьезнейшее отношение ко всему, связанному с футболом, всегда привлекали нас в Давиде.

И еще об одной черте Дато нельзя не сказать - о его доброжелательности, умении найти нужные слова в трудную для товарища минуту, поддержать, ободрить.

...После поражения в Афинах настроение у меня было отвратительное. Сидел в холле гостиницы, смотрел, как мигают за ее громадными окнами неизвестно куда летящие в темноте улицы автомобили. В голове полный сумбур. И еще - какая-то вялость, сразу же пришедшая на смену колоссальному нервному напряжению.

Не заметил, как подошел Кипиани.

- А тебя ищут, Ринат, - улыбнулся он.

И сел рядом, положив дружески руку на плечо.

- Не грызи себя. Не стоит. Сыграл ты вполне достойно. А то, что мяч пропустил, - так это со всяким случиться может. Тем более что твоей вины здесь нет...

Как нужны мне были эти слова в тот момент, эта поддержка! У меня словно камень с души свалился, поскольку я знал - Дато зря не скажет, не будет лукавить, даже с целью утешить.

Честен и принципиален Кипиани был буквально во всем. Мелочей для него не существовало. Помнится, в одной из многочисленных газетных публикаций о нем читателю сообщалось, что Давид не просто отличный футболист и образованный человек, но еще и специалист-переводчик, в подлиннике читающий Вильяма Шекспира. Надо было видеть негодующего Дато, в сердцах размахивающего газетой,

возмущавшегося так, как это может только кавказец. Кто-то из ребят, наблюдавших эту сцену, простодушно посоветовал ему не обращать внимания на «байку» нечестного журналиста и посчитать ее неудачной шуткой.

- Как не обращать?! - сверкая глазами, кипел Дато. - Значит, мне теперь всем и каждому в Тбилиси надо объяснять, что это, видите ли, неудачная шутка. Ведь могут подумать, что Кипиани хвастун...

С тех пор Давид стал более осторожным в общениях с представителями прессы. А с некоторых пор и телевидения.

В восемьдесят первом году, осенью, в Тбилиси прибыла группа телевизионщиков, собиравшихся снять Кипиани и его семью для традиционного «Голубого огонька». Поскольку «Огонек» был новогодним, то Давида попросили дома праздничную обстановку создать - нарядить елку, стол накрыть. И к назначенному часу все было сделано на самом высшем уровне: на белоснежной скатерти неповторимым ароматом благоухали все дары национальной кухни, а в углу праздничными огнями мерцала новогодняя елка.

Но в намеченный срок телерепортеры не явились, позвонив и принеся извинения на следующее утро, попросив воспроизвести ту же обстановку уже к наступающему вечеру. Но ситуация повторилась в точности -был готов стол, вновь серебрилась красавица елка, с нетерпением ждали представителей телевидения хозяин и его супруга. Но...

Выручил давний друг Давида, комментатор грузинского радио и телевидения, весельчак, балагур и незаменимый тамада Тенгиз Сулханишвили, разыскавший на третий день своих незадачливых коллег в одном из таких же гостеприимных домов города, где те имели неосторожность дать согласие поздравить новобрачных и «немного» задержались.

Решение Давида расстаться с футболом удивило многих. Но не меня, уже успевшего хорошо изучить его характер: почувствовав после травмы, что на поле он уже не сможет быть прежним Кипиани - тонким, изящным, неуловимым для разъяренных опекунов футбольным тореадором, Дато подал в отставку.

Жизнь взаймы в футболе не для него...

Накануне испанского первенства мы потеряли не только великолепного игрока, но и настоящего товарища, на чье плечо мы всегда могли рассчитывать в самые трудные минуты.

В мае, незадолго до отъезда в Севилью, повредил ногу еще один ключевой полузащитник - Леонид Буряк.

Если вы хотите все узнать про этого светловолосого, очень

симпатичного и приятного человека, то повнимательней присмотритесь к его игре. В ней проявляются главные качества Леонида - мягкость, самолюбие, спокойствие, уверенность, умение быть исключительно точным и последовательным.

Но основной козырь Буряка-игрока - пас. Не числился Леонид среди полузащитников - «движков», как любят порой называть тех, кто все девяносто минут челноками снуют по полю в разных направлениях. За что, случалось, кое-кто по недомыслию футбольному упрекал его в малой подвижности, а заодно и в медлительности, ненужной мягкости.

Верно, не был Буряк в сборной и у киевлян игроком-спринтером, рубакой, не совершал кинжальных проходов к воротам противника. Но не потому, что не хотел или боялся. Просто это не его футбол. За него по полю бегал мяч, слушавший его, как верный пес любимого хозяина. Потому и делал Ленечка с мячом все, что подсказывала ему его светлая футбольная голова.

Помните, какой гол забил Олег Блохин в Тбилиси в восемьдесят первом году в ворота сборной Уэльса?!

Помог-то ему Буряк, пославший мяч чуть ли не через все поле Олегу так, чтобы тот без нежелательного общения с жесткими защитниками валлийцев смог выскочить на ударную позицию и забить.

Да, нужен был нам Буряк в Испании. Очень нужен. Особенно, когда в цейтнотной встрече с командой Польши комбинационная игра, несмотря на все старания, никак у нас не вязалась. И за все девяносто минут не было даже намека на ту атаку, какая с таким блеском удалась Буряку и Блохину в матче с командой Уэльса, проходившем-то всего с полгода назад...

... В Севилью мы прилетели тринадцатого июня - в день моего рождения. В самолете на вопрос любезных стюардесс, не доставляет ли мне неприятных хлопот цифра тринадцать, ответил, что, напротив, очень люблю ее, что живу на тринадцатом этаже, в поезде с удовольствием занимаю полку под этим номером и пока все свои лучшие матчи провел именно тринадцатого числа.

Экипаж гостеприимного Ту, спецрейсом доставившего сборную прямо до места, пожелал нам успехов.

Команда в сопровождении целого отряда как на подбор статных и загорелых полицейских, не отходивших от нас вплоть до последнего дня, добралась до отеля и кинулась к телевизорам, на экранах которых уже вовсю разворачивались события первого матча чемпионата между аргентинцами и бельгийцами.

Сроки прибытия в Испанию обсуждались тренерами достаточно тщательно и долго. И решение вылететь накануне

игры с бразильцами было принято в самый последний момент. И, как выяснилось, было абсолютно правильным. Несколько дней подготовки в удушающей сорокаградусной жаре вряд ли принесли бы пользу. Но, думая о погоде, тренеры, скорее всего, опасались, как бы мы - дебютанты такого грандиозного турнира - раньше времени не оказались в его раскаленной «атмосфере».

Потому и избежать перед стартом такой ненужной дополнительной психологической нагрузки удалось. И игра с бразильцами, после которой о сборной СССР тут же заговорили, у нас получилась.

Мы ехали на стадион с длинным и труднопроизносимым названием - «Рамон Санчес Писхуан», наблюдая, как за огромными стеклами автобуса в каком-то безумном непрекращающемся танце, крича и размахивая руками, бесновались бразильские болельщики, могучим десантом высадившиеся в Севилье.

Нечто подобное мне уже доводилось видеть два года назад на многотысячной ревущей «Маракане». И, глядя, как готовятся, подогревают себя перед матчем делегаты знаменитой бразильской «торсиды», уже легко представлял ее через час с небольшим вот такой же безудержной и кричащей на трибунах.

Как ни странно, но чем меньше времени оставалось до начала встречи, чем сильнее накалялась вокруг нее обстановка и отчаянней закипали страсти, тем больше мне не терпелось вступить в игру.

Состояние игровой злости не покидало меня и в дальнейшем. Я испытывал огромное удовольствие от спора на поле с противниками, понимающими толк в футболе, разбирающимися в его тонкостях. И чем чаще мне, отбивая и ловя посланные ими мячи, удавалось одерживать верх, тем уверенней и спокойней я себя чувствовал.

Вратарь не может забить гол в стремительной контратаке, в одиночку решить исход матча. Но повлиять на него, на настроение партнеров и соперников уверенной, надежной игрой способен. Вот почему по сотне раз в день я не переставал повторять, что не имею ни малейшего права проявить даже секундную слабость.

Уже в первом матче я совершенно отчетливо начал ощущать, что далеко не у всех моих товарищей обстановка первенства вызывает такую же, как у меня, ответную реакцию. И понял: если к тому же они еще хоть однажды получат возможность усомниться в стойкости своего вратаря, то в любую минуту могут вконец растеряться и не выдержать этого невероятного напряжения.

Я рвался в игру. И, выходя на поле, ничего, кроме нее, не замечал - ни разыгравшихся в огневой самбе, исполняемой под аккомпанемент сотен труб, трещоток и барабанов, бразильских болельщиков, ни впадавших в экстаз шотландских «фанатов», что-то оголтело выкрикивающих за моей спиной, ни всего остального, что было вокруг игры. Я отдавал себя только ей одной. И может быть, поэтому за такую преданность и внимание был самой же игрой и вознагражден.

...То, как мы проиграли бразильцам, видели все.

...До сих пор помню растерянность и отчаяние на лицах Переса, Жуниора, Зико, Фалькао, Серджиньо после гола, так неожиданно для всех забитого Андреем Балем.

Помню схватившегося в отчаянии за голову и мгновенно побледневшего Володю Бессонова, не сумевшего при счете 1:0 послать мяч в пустые ворота.

Помню какие-то загадочные проделки испанского арбитра Кастильо, почему-то не желавшего нашей победы и «не заметившего» снос в штрафной бразильцев Шенгелия, а также совершенно очевидную игру рукой в ней Луизиньо.

Если судить по первому тайму, то победа должна была оказаться на нашей стороне. Однако во втором все переменилось. Переполненные желанием отыграться, бразильцы ринулись вперед. А мы вместо того, чтобы продолжать контролировать середину поля, отступили назад, стали жаться к своим воротам. И это несмотря на то, что в перерыве тренеры призывали игры не менять. Вот здесь-то, видно, и сказалась нехватка опыта. Мы так и не смогли найти способ не упускать инициативы и довести дело до победы. Но...

Боязнь упустить синицу, так неожиданно быстро пойманную, заставляла осторожничать, рождала массу совершенно необъяснимых промахов.

Это тут же уловили чуткие к любой перемене в состоянии соперника и окрыленные появившейся надеждой бразильцы. И в едином атакующем порыве понеслись вперед. Я и защитники метались из угла в угол ворот и штрафной, бросаясь под коварные удары Сократеса, Эдера, Фалькао, стремясь прервать проходы Зико и Серджиньо.

За пятнадцать минут до конца, когда особенно остро стали ощущаться невыносимая духота и вязкость этого казавшегося бесконечным июньского вечера, мяч, посланный как из катапульты Сократесом, обжег мне ладони, ударился о штангу и вонзился в сетку. А чуть позже изворотливый Эдер нанес неотразимый удар из сутолоки игроков.

Это было поражение в самом начале пути, когда устоять -

значило обрести столь необходимую на будущее веру в себя. И хотя больше в Испании мы ни одного матча не проиграли, единственная неудача посеяла сомнения в сердцах некоторых из нас.

Мог ли я выручить своей игрой товарищей?

После проигранных встреч вопрос, подобный этому, задают себе все вратари, делающие первые шаги мальчишки и опытные зубры. Мучил в тот грустный вечер он и меня. Но что ответишь самому себе? Ясно, станешь искать всевозможные оправдания, смягчающие обстоятельства. Но, увидев на экране телевизора повторы записей голов Сократеса и Эдера, я немного успокоился - в этих ситуациях (учитывая позицию бьющих, расположение атаковавших их защитников, траекторию и силу полета мяча) никто из моих коллег не смог бы ничего сделать. А когда после очередного повтора то же самое заявил Слава Чанов, и вовсе успокоился.

Подняло немного настроение и то, что было напечатано в утренних газетах, казалось, напрочь забывших на время чемпионата обо всем, кроме футбола. Из опубликованного комментария знаменитого португальского форварда, героя английского чемпионата мира Эйсебио я узнал, что ему понравилась моя игра.

«...После стольких лет я увидел в воротах сборной СССР, - сказал журналистам Эйсебио, - голкипера, чья уверенность и смелость напомнили великого Яшина, против которого мне посчастливилось играть шестнадцать лет назад в Лондоне».

Стало быть, сыграл я действительно неплохо. Уж кому-кому, а такому искушенному в атаках нападающему, как говорится, сам бог велел оценивать нашего брата вратаря. Но, как ни успокаивай себя, встреча-то проиграна, и как бы ни проявил себя голкипер, быть довольным собой он не имеет права.

...Вот так огорчительно и трудно начался для нас чемпионат в Испании. Впрочем, на первых порах, когда соперники еще только присматривались друг к другу, проверяли себя, кому могло быть легко?

- Как думаешь, в чем тут дело? - спросил я наутро, возобновив разговор на эту тему, Чанова. - Почему же не выдержали, не устояли?

- Скорее всего потому, что стремились к концу только выстоять. А надо было продолжать играть, наращивать обороты. Чуть сбились с темпа - и сразу инициативу потеряли. А чтобы ее вернуть, всегда гораздо больше сил требуется. Вот в середине второго тайма и «поплыл», - огорченно рассуждал со свойственной ему обстоятельностью Вячеслав.

Время подтвердило то, насколько близок к истине оказался тогда мой товарищ.

Только верность своей игре, умение не отступать от нее, даже в самых сложных обстоятельствах, могут принести успех в турнирах на высшем футбольном уровне. Эту истину подтвердили все ярко сыгравшие в Испании команды. Итальянцы, бразильцы, аргентинцы, французы, поляки игрового курса, особенно на завершающем этапе первенства, старались не менять. Правда, курс этот не всегда оказывался победным. Но если и уступали противнику, то более умелому, а иной раз и просто удачливому.

Но проявить свое игровое «я» не всем оказывается под силу. Для этого необходимо обладать многими качествами, среди которых не последнюю роль играет и умение выдерживать колоссальные психологические нагрузки.

Как и во всем остальном, здесь на высоте оказались итальянцы. Можно только удивляться их выдержке в предварительном групповом турнире, когда даже итальянская пресса не стеснялась критиковать поначалу бесцветную, тяжелую и невыразительную игру «Скуадры адзурры». А чего стоило им мужественное спокойствие в финале, когда при счете 0:0 Кабрини не забил пенальти!

Пережив трудности первых шагов, окрепнув и поверив в себя, будущие чемпионы показали затем ту самую игру, которую потом их тренер Беарзот охарактеризовал, как «интеллигентную и скоростную».

За счет чего им это удалось?

На этот вопрос с присущей ему прямотой также ответил словоохотливый синьор Беарзот.

- Еще в Аргентине я понял - через четыре года в Испании при новой системе розыгрыша решающее слово будет за теми, кто уже прошел школу мирового чемпионата и на своей шкуре испытал все его тяготы. А потому, несмотря на недовольство журналистов и многих коллег-соотечественников, старался сделать все возможное, чтобы избежать многочисленных перемен в составе команды, выступавшей в аргентинском первенстве семьдесят восьмого года. Я верил в тех, с кем выступал в Аргентине. И ощущал их способность стать первыми четыре года спустя в Испании. Футболисты, чувствуя это, в свою очередь верили, что сумеют не отступить от игры, которую знают и любят...

Здесь можно добавить, что в каждой линии чемпионов были свои лидеры: в обороне - вратарь Зофф, в защите - Ширеа и Джентиле, в средней линии - Конти и Тарделли, в атаке - Росси и Грациани. Почти все они выступали в Аргентине, а потому, не в

пример многим, и в Испании не только не растерялись, но и были на первых ролях.

В нашей же команде, за исключением тренеров, никого из тех, кто бывал бы на мировых чемпионатах, хотя бы в роли наблюдателей, не нашлось. И многое для нас в Испании оказалось в диковину.

А предположение, высказываемое впоследствии некоторыми разгоряченными «знатоками» о том, что не все силы отдавали мы игре, выглядит по меньшей мере нелепым и бестактным. Просто игра некоторых ребят, вдруг ставшая мало похожей на привычную, хорошо знакомую, не раз проверенную прежде, и стала той самой ответной реакцией на колоссальное психологическое напряжение, справиться с которым им так и не удалось.

То было знакомство с мировым первенством. А ведь как часто в жизни случается, что именно при первой встрече с чем-то новым, незнакомым человек теряется, становится непохожим на себя. А случается, и вовсе мало напоминающим того, каким некоторые знали его раньше.

...С Тенгизом Сулаквелидзе я начал играть в сборной вместе года с восьмидесятого. И сразу же убедился в его великолепных для защитника данных и способностях. Отчаянно смелый, решительный, сильный - о таких частенько говорят «Человек-кремень». Даже в самых непростых встречах он почти никогда не подводил. В Бразилии и Аргентине его отметили, где Тенгиз строго и в то же время по-джентльменски опекал таких умельцев атаки, как Зико и Марадона.

Но в обостренной и нервной обстановке испанского первенства стремление гордого, темпераментного Сулаквелидзе сыграть как можно лучше, а точнее - желание объять на поле необъятное обернулось против него.

Тенгиз сгорал в этом страстном, неукротимом порыве, тратя порой понапрасну драгоценные силы и нервы. И, чувствуя, что все получается не так, как ему хочется, невероятно переживал. Он почти не спал ночами, хотя принимал перед сном кучу успокоительных таблеток и, случалось, выходил на зарядку таким уставшим и помятым, словно уже успел провести до нее как минимум две тяжелейшие тренировки.

Его не переставали мучить мысли о том, как перебороть в себе вдруг так разбушевавшееся волнение. После матча с шотландцами, в котором Сулаквелидзе не использовал отличный прострел Блохина, он не выдержал и подошел ко мне.

- Не могу, Ринат, никак не могу отвлечься от игры, прийти в себя, - растерянно объяснял Тенгиз. - Вроде бы все на поле

стараются делать как надо, а получается чуть-чуть не так...

Это «чуть-чуть» спасло в решающем матче ворота польского вратаря Млынарчика, когда мы имели, пожалуй, самый реальный за всю встречу шанс забить. Тенгиз получил классную верховую передачу от Оганесяна, но из выгоднейшего положения послал мяч головой над перекладиной.

Надо было видеть в то мгновение отчаянную и пронзительную боль, разом вспыхнувшую в его широко открытых глазах.

- Сто лет проживу, а не забуду этот момент, - ударяя от досады по коленям крепко сжатыми кулаками, сокрушался потом Тенгиз.

...Потом, когда вернуть было уже ничего невозможно.

Я понимал и искренне сочувствовал так близко принимающему к сердцу все происходящее товарищу. Но чем поможешь в такие минуты?.. И стоит ли так уж строго судить Тенгиза, не сумевшего справиться с самим собой и быть в Испании прежним Сулаквелидзе - таким знакомым нам, уверенным в себе хозяином положения?

Он честно отдал игре все, что мог, однако этого оказалось недостаточно.

Не все сложилось просто и для Александра Чивадзе, одного из тех, кто нашел в себе силы не отступить от своей игры. Причем в ситуациях, где сделать это было отнюдь не просто. Но Александр вел себя, как подобает капитану - спокойно и уверенно.

Саша - защитник совсем иного плана, чем Тенгиз. Если Сулаквелидзе многое в игре удается за счет щедро отпущенных ему природой физических качеств, то Чивадзе ведет ее, полагаясь только на свою исключительную интуицию и тонкое футбольное мышление.

Почему-то принято считать, что обычно защитники технически хуже оснащены, чем форварды, поскольку для разрушения атак и обороны ворот виртуозность вовсе ни к чему. Александр своей игрой опровергает, по его мнению, давно уже устаревшую трактовку обязанностей защитников. Наверное, найдется немного нападающих, которым удается быть настолько накоротке с непослушным мячом, как Чивадзе. Вот это и позволяет Саше уже многие годы отстаивать свою игровую правоту.

Признаюсь, поначалу в сборной меня раздражало постоянное стремление Саши непременно кого-то обвести вблизи своей штрафной и обязательно отдать пас, даже если на него наседают соперники. Судите сами, какому вратарю приятно, когда, кроме

чужих футболистов, ему треплют нервы еще и свои. И как-то я, набравшись смелости, заявил ему, что все это когда-нибудь добром не кончится.

- Понимаешь, Ринат, - с привычным спокойствием выслушав меня, сказал Александр, - мы ведь с тобой за сборную выступаем. А она должна играть только красиво. Именно к этому и надо стремиться. Я ведь, овладев мячом, не спешу «палить» вперед не потому, что лишний раз хочу себя показать. Просто считаю, что чем точнее и неожиданнее начнет защитник атаку, тем острее и опаснее может она получиться. Ты-то ведь тоже не торопишься вводить мяч куда и кому попало. Вот и я стараюсь, чтобы он только кому-то из наших достался.

Чивадзе просто не умеет играть по-иному. Да и не хочет. Его футбол - не ожидание случая, который, если повезет, может принести удачу, а спор, где победа приходит только с помощью логически выстроенных, продуманных ходов. Как в шахматах. Возможно, поэтому так часто Чивадзе легко застать над заставленной фигурами доской погруженным в разбор интересной партии. Не случайно же среди болельщиков за ним прочно укрепилась весьма лестная и уважительная репутация футбольного гроссмейстера.

В Испании, где проверялись все, на долю нашего капитана выпали особые испытания.

В Малаге в матче с шотландцами, принимая мяч, он неожиданно поскользнулся, чем воспользовался «дежуривший» рядом Джордан.

Шотландцы в отличие от предыдущей встречи с бразильцами, где они также открыли счет, но все же проиграли, на сей раз, видимо, не намерены были повторять своих ошибок. Страчан, Саунесс и особенно не стоявший ни секунды на месте Арчибальд прорывались по флангу и центру, били из любых положений. К концу первого тайма я вспотел и устал так, будто в полной вратарской амуниции провел сорок пять минут в жаркой сауне.

Нужно было что-то предпринимать. Очевидной становилась необходимость неожиданного хода, чтобы овладеть инициативой, начинающей переходить в наши руки.

И тогда Чивадзе все чаще и чаще стал совершать затяжные вояжи на половину противника из глубины. Постепенно это все больше и больше нервировало шотландцев. Был момент, когда он обыграл сразу нескольких игроков соперника, но пробить не успел - помешали. В другой раз хорошо сыграл в стенку с Гавриловым. Однако чуть промедлил.

Александр упорством и верой шел вперед, ведя за собой ребят. Такая решимость всегда раздражает противника,

заставляет его суетиться, терять самообладание и в конце концов ошибаться. Что в итоге и произошло.

После резкого выпада Бессонова и Гаврилова в штрафной вратаря Рафа началась суматоха, в результате которой мяч на мгновение остался беспризорным. Раньше всех к нему подоспел Чивадзе. И хладнокровно сравнял счет.

Не знаю, но я почему-то был твердо убежден, что сделает это именно он. Наверное, Александр своей верой в успех заразил и меня, как и всех остальных.

Когда после стольких передряг и волнений мы вышли в следующий этап первенства, по дороге из Малаги в Барселону Саша сказал мне: «Не должно теперь с нами осечки произойти. Знаю - еще сложней, чем раньше, будет. Но в полуфинал мы попадем».

Не думаю, что это были слова, сказанные по капитанским обязанностям. Пройдя через первые испытания, выдержав их, Чивадзе страстно желал обрести состояние уверенности и остальным.

Конечно же, Александр замечал, что не все настроены так же, как он, Толя Демьяненко, Сергей Балтача или Володя Бессонов. Но в душе не мог не надеяться, что теперь, когда один большой турнирный шаг вперед уже сделан, многое изменится. И игра, которая так всех нас радовала до приезда в Испанию, наконец, будет вновь обретена всеми ребятами без исключения.

Но, увы, не всегда желания в нашей жизни совпадают с возможностями...

Уже после просмотра матча поляков с бельгийцами, в котором легкий, неуловимый Бонек трижды распечатал ворота Костера, кое-кто из нас приуныл. В голову мгновенно полезли разные невеселые мысли и всевозможные математические расчеты: «Сколько же мы должны забить бельгийцам, чтобы начать встречу с поляками в равных с ними условиях?»

Не трудно было вычислить - такую возможность гарантировал счет 3:0. А поскольку до этого каждый гол давался нам с невероятным трудом, то задача выиграть, да еще с таким внушительным результатом показалась нам невероятно сложной. И на игре это, конечно же, сказалось.

Во встрече с польской командой это нетрудно было понять. И даже в предыдущей, с бельгийцами, в которой победа далась за счет колоссального напряжения, после чего двухдневной паузы до решающей встречи с поляками, имевшими в отличие от нас почти неделю передышки, оказалось мало.

Почему же мы так и не сумели одолеть польскую сборную, хотя и ставшую на чемпионате третьей, но сыгравшую с нами,

пожалуй, свою самую невыразительную игру?

Беру на себя смелость утверждать, что, сумей мы забить, победа оказалась бы на нашей стороне, поскольку в обороне мы к тому моменту уже крепко связи наладили и в себя верили. А в атаке ничего похожего не было. Вот почему гол помог бы встряхнуться, выйти из охватившего с первых минут состояния оцепенения. Особенно Рамазу Шенгелия и Олегу Блохину, от которых больше всего и ждали меткого выстрела.

По возвращении домой их игра подверглась особой критике.

А более чем скромная результативность (каждый провел только по одному мячу) стала главным для этого поводом. Их обвиняли в безволии, пассивности и даже потере класса, забывая, что оба они были главными действующими лицами в борьбе за путевку в Испанию, забив вдвоем в отборочных встречах почти половину всех мячей.

Стало быть, дело не в потере класса, а в чем-то другом, в том, что мешало им подтверждать его с прежним хладнокровием и умением.

Думаю, причин тому несколько.

Не стану определять, какая из них главная. Да и не в этом суть. Сумели же обрушить на них поток уничтожающей критики, даже не поинтересовавшись, почему они - форварды с репутацией бомбардиров, с хорошим международным футбольным именем - вдруг в Испании так неожиданно и на первый взгляд легко, без боя разом поставили ее под сомнение.

Но те, кто был критически настроен по отношению к игре Олега и Рамаза в Испании, не могли, да и не хотели знать того, что и тот и другой не ожидали оказаться в такой напряженной и исключительно сложной обстановке. И психологически не были готовы к ней. Хотя вроде бы и опытом достаточным располагали.

Естественно, знали (особенно Блохин, чье имя в футбольном мире известно и чтимо), что опека соперниками в Испании будет вестись с усердием и без особых церемоний. Смутило их там не это. А то, что любой незабитый ими мяч, неиспользованный момент может в одно мгновение лишить команду и миллионы болельщиков, так веривших в них, всех надежд.

И чем больше они не забивали, не использовали, тем быстрее уходила из их сознания вера в себя, тем безжалостней ломалась и рвалась игра.

На все это Олег и Рамаз реагировали по-разному.

Олег и в тренировках, и в матчах вспыхивал, взрывался по любому поводу, считая, что во всем виноваты партнеры, на которых обижался и которых то и дело обижал сам. Хотя в душе за неудачную игру наверняка больше всего клял самого себя.

Рамаз, чувствительный ко всему происходящему, очень ранимый, напротив, замкнулся, ушел в себя и стал на поле таким же мягким и скромным, как и за его пределами. К тому же его буквально задергали постоянные придирки Олега.

И тот и другой отчетливо сознавали необходимость перемен в своем настроении и игре. Но, несмотря на огромное желание, изменить ничего не могли.

Они лишь эпизодами мелькнули на чемпионате, напомнив прежних Блохина и Шенгелия, искрой, которая, как известно, заменить костер не может.

Олег блеснул во встрече с новозеландцами и в какой-то мере с шотландцами. А Рамаз в первой - с бразильцами, когда еще не успели захлестнуть его будущие переживания и сомнения.

К матчу с поляками оба подошли уже вконец измотанными постоянной нервотрепкой и борьбой с собой. Как и все остальные, сил они не щадили, но, тратя попусту массу энергии, чем-то напоминали штангиста, заведомо знающего, что с заказанным им же самим весом ему не справиться. И тем не менее безуспешно пытающегося оторвать его от помоста.

Думаю, что Блохин и Шенгелия сыграли бы в Испании гораздо интереснее и результативнее, если бы мощней и организованней действовала средняя линия, призванная, как известно, готовить атаку и помогать форвардам завершать ее. Но в отсутствии так хорошо умеющего это делать Буряка полузащита сыграла как-то пресновато, без выдумки. Поэтому обвинения в адрес Олега и Рамаза в том, что их отходы назад, в глубину, не что иное, как уклонение от борьбы, совершенно несостоятельны. Отходы эти диктовались стремлением обоих раздобыть мяч, который впереди они получали реже, чем хотелось бы.

Юра Гаврилов выглядел каким-то уставшим, «разобранным». Андрей Баль, слывя бойцом, вообще никогда не тяготел к комбинационной игре, а потому и не мог в ней преуспеть. Хорен Оганесян как-то не слишком уютно чувствовал себя на левом фланге, куда был переведен тренерами. Да и внимание ему партнерами уделялось на поле гораздо более скромное, чем то, к которому он привык в родном «Арарате», - в сборной-то игра иная, чем в клубе. И лишь Володя Бессонов, возвратившийся в команду после почти трехмесячного лечения, действовал так, как умеет: с чувством, с толком, с расстановкой. Но один, как известно, в таком важном звене погоды не делает.

Вот и получилось, что в силу разных обстоятельств полузащита не сумела сыграть так, как ей удавалось раньше. Потому и неожиданности нашим атакам не хватало.

В матче с поляками это особенно наглядно проявилось, когда,

решив не искушать судьбу (ведь им для выхода в полуфинал и ничьей хватало) , они непроходимой стеной встали у своих ворот. Мы, злясь и скрипя зубами, раз за разом на эту стену натыкались, так и не придумав ничего, чтобы ее преодолеть и забить. Вот и атаковали все девяносто минут в надежде на счастливый случай, ошибку соперника.

А он так и не ошибся...

И еще об одном. Никто из тренеров установки осторожничать не давал. Не знаю, почему потом говорили, что мы больше стремились не пропустить, чем забить. Ведь даже защитникам было дано указание помогать наступлению, поддерживать его. Ничья-то нам ничего, кроме обратных билетов домой, не приносила. Значит, мы о ней и не думали.

Просто не сумели, а точнее, оказались не в состоянии реализовать предложенный тренерами план, что затем и поставило под сомнение его правильность. Ведь не упусти Тенгиз того прекрасного момента в первом тайме и победи мы поляков, вряд ли кто-нибудь потом и про установку вспомнил, и про тренерские просчеты...

Рассказывая о сборной периода испанского чемпионата, я ощущаю, как меня не покидает мысль о том, что могу предстать неким адвокатом, оправдывающим ее. Те, кто так воспримет меня, ошибется. Ни о каком оправдании речи быть не может. Да и ни к чему это.

Если брать итоговый результат, то сам по себе он не так уж и плох. По крайней мере чисто статистически. Попасть в восьмерку сильнейших в Испании было мечтой многих из тех, кто на всех парусах надежды прибыл туда. И затем, опустив их, покинул ее еще раньше нас. Таковыми оказались достаточно авторитетные сборные Англии, Югославии, Чили, Венгрии, Чехословакии, Шотландии. Можно также напомнить, что голландцы, шведы, датчане, португальцы и вовсе остались без путевок на чемпионат. Если к тому же еще учесть, что наш футбол отсутствовал на подобных турнирах двенадцать лет, то к цифровым показателям претензии предъявить вряд ли можно.

Что касается игры, то она действительно не удалась. Но те, кто так активно подверг ее критике, почему-то забыли, что в Испании выступали не манекены, одевшие майки сборной, а живые люди, не всем из которых, к сожалению, удалось выдержать напряжение совершенно незнакомой обстановки.

Но каждый из тех, с кем выходил я в Малаге, Севилье и Барселоне на поле, делали все, чтобы сыграть как можно лучше, отдав все силы борьбе.

В пассивности, нежелании, отсутствии стремления бороться

упрекнуть нельзя никого из них.

О чем заявляю с полной ответственностью.

Теория о том, чтоб болельщика не должны интересовать причины, по которым его команда не достигла того, к чему стремилась, что ему важен только конечный результат, в корне неверна. Те, кому, небезразлично все то, что с ней происходит, кто живет ее интересами, наверное, и должны подходить к оценке итога без ненужной запальчивости и лишних эмоций.

«Спартак»-то ведь в свое время потому и на ноги встал, обретя силы и игру, что к его неудаче отнеслись с пониманием, проявив такт и терпение.

Увы, ничего подобного не произошло с нашей сборной.

Вновь, в который раз, вынужден был сдать полномочия старший тренер. На его место без особых раздумий назначен новый, который, кстати, в свое время уже свергался с этого поста. А после неудачи в Лиссабоне, лишившей нас выхода в финал европейского первенства во Франции, не удержался у руля и он.

И его сменил новый.

...Мне дорога та команда, с которой я открыл для себя новый футбол, где каждый очередной матч оказался незнакомым, интересным и очень трудным. Мне нравится она до сих пор, хотя, что не сложно понять из этой главы, не все и не всегда шло у нее гладко. А потому и портрет ее вряд ли может быть нарисован исключительно в розовых тонах.

Но сборная потому так и называется, что собирает разных, непохожих людей (а не только футболистов, о чем, увы, порой забывают), подвергая их сложнейшей проверке, выдержать которую по силам не всем.

Выдержал ли ее я?

Если судить по испанскому чемпионату, то на том этапе - да.

Скажу честно, после Испании я и поверил в себя, как во вратаря, по-настоящему, перестав, как мне казалось до этого, быть баловнем судьбы. И не потому, что в разные символические сборные первенства попадал. Просто от матча к матчу чувствовал, как исчезает внутри неприятный холодок сомнения и все больше растет, крепнет стремление играть.

Я перестал бояться игры. И уже рвался в нее.

Нет большего и наиболее точного подтверждения для вратаря его класса, чем это состояние. Спросите у любого из моих коллег...

Подобный вопрос, как, впрочем, и множество других, самых неожиданных, разных, мне задавали, когда перед матчем с шотландцами в холле отеля я вдруг попал в кольцо двух десятков увешанных фотоаппаратами репортеров.

Когда собираюсь жениться? Что предпочитаю на завтрак? Кто из коллег вратарей нравится на чемпионате? Какую люблю музыку? Все это интересовало шумных и настойчивых журналистов.

А один из них, добродушный, с бородой цвета спелого апельсина - эмблемы чемпионата, улучив момент, спросил:

- Сеньор Дасаев, а как вы относитесь к тому, что сам Пеле на страницах «Суар оэсте» назвал вас лучшим вратарем первенства?

- Как к очень приятному сообщению. И, откровенно говоря, вовсе не собираюсь опровергать мнение такого футбольного авторитета, - ответил я, что явно пришлось по душе симпатичному бородачу.

- Волнуетесь ли вы, выходя на поле? - тут же поинтересовался стоявший рядом весь взмокший от жары шотландский журналист. - По крайней мере со стороны это незаметно...

- Волнуюсь, - сказал я, поняв, почему проявил интерес к моему игровому состоянию именно он. - Но не оттого, что не верю в себя. Просто я выступаю за сборную моей страны, чем очень горжусь. И это радостное волнение...

Я не лукавил тогда, знойным июньским днем, на той неожиданной импровизированной пресс-конференции.

... Я выхожу на поле в числе тех одиннадцати, кому наш футбол доверил защищать с таким трудом завоеванные им уважение и признание.

Я волнуюсь. Я горд этим доверием.

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ, в котором авторы, продолжая разговор о главной команде страны, делают попытку заглянуть в ее завтрашний день.

А. Львов: Твоя оценка событий испанского чемпионата меня несколько удивила. Действительно, разбирая итоги чемпионата, забыли о таком важном моменте, как отсутствие психологической готовности. Может быть, в Испании нашей сборной был необходим такой специалист? Ведь в свое время успехи сборной Бразилии во многом связывали с врачом-психологом - доктором Гослингом...

Р. Дасаев: В Испании у нас было пятеро тренеров, ответственный работник Спорткомитета, тренер по воспитательной работе. Так что психолог мог бы просто затеряться среди них. Тем более что его присутствие никогда не гарантировало успехов. И чем больше в сборной происходило перемен, тем быстрее в ней менялась обстановка - уже знакомая, где каждый из нас чувствовал себя спокойно и привычно.

Команду и коллектив создавал Константин Иванович вместе с

помогавшими ему Владимиром Григорьевичем Федотовым и Геннадием Олеговичем Логофетом. С ними она крепла, утверждалась, обретала себя. И скорее всего, в любой самой сложной ситуации опыта и знаний Бескова, энтузиазма и энергии его молодых помощников было бы достаточно.

Словом, дело вовсе не в отсутствии врача-психолога.

А. Львов: Ведущую роль в формировании сборной, а до этого и «Спартака», играл авторитет Бескова. Он сумел создать в обоих коллективах обстановку доверия и взаимного уважения. Вот почему на этом этапе о психологе никто не вспомнил.

Р. Дасаев: За годы выступления в сборной я понял: любые перемены в ней, особенно те, которые касаются тренерского состава, кроме нежелательных последствий, ничего не приносят.

А. Львов: В книге «Право на гол» Олег Блохин с журналистом Дэви Аркадьевым заявляют: «...и правы, видимо, те специалисты и обозреватели, которые критиковали новинку советского футбола - тренерский квинтет».

Р. Дасаев: Я бы не был столь категоричен, как Олег. Ведь до отъезда в Испанию эта тема не обсуждалась. Вопрос о том, нужны ли были дополнительные помощники Константину Ивановичу или нет, возник уже но возвращении домой.

Сам же Константин Иванович в интервью, опубликованном в свое время в журнале «Спортивные игры», заявлял, что приглашение Лобановского и Ахалкаци - его идея и что он очень рассчитывает на их помощь и поддержку.

Но, скорее всего, «Старший» ее так и не получил. Но для того чтобы это понять, надо было оказаться на мировом чемпионате, где проверялись не только футболисты...

А. Львов: Многое неудачно сложилось для нашей сборной еще и потому, что в Испании мало в команде оказалось лидеров - тех, кто умеет вести игру, управлять ею.

Р. Дасаев: Да, по общему мнению, подтвержденному еще и различными цифровыми показателями, успешней остальных линий сыграла оборона. Хуже обстояло дело в полузащите. А в атаке вообще не было никого, кто бы взял на себя роль лидера.

А. Львов: А вот Блохин в уже упомянутой книге считает: «Рассуждения о лидере в футболе, на мой (его, Олега Блохина. - Р. Д., А. Л.) взгляд, не очень-то обоснованны».

Р. Дасаев: ...И тут же сам себя опровергает, говоря, что в киевском «Динамо» образца-75, когда его называли лучшим клубом Европы, сложно было назвать кого-то лидером команды, перечисляя имена таких прекрасных игроков, как Колотов, Мунтян, Веремеев, Буряк, Решко, Онищенко, Трошкин... «Пусть на короткий игровой момент, - пишут Олег и его соавтор, - но

каждый из них мог взять на себя роль лидера». Значит, это был тот случай, когда таковым можно смело считать каждого из них.

А ведь мы уже говорили, что и подтвердил испанский чемпионат, чем больше в команде лидеров, тем увереннее и четче ее игра, тем выше и стабильнее результаты.

А. Львов: Да, но лидеры не растут так же быстро и стихийно, как грибы после теплого летнего дождика. И прежде чем стать ими в сборной, необходимо утвердиться в своем клубе.

Р. Дасаев: Безусловно. В сборную в первую очередь приглашают тех, кто задает тон в своих командах. Стремление стать сильнейшим в своем клубе - путь в сборную.

А. Львов: Тогда, казалось бы, чего проще - бери тренер сборной в конце очередного сезона список тридцати трех лучших футболистов и рассылай телеграммы-вызовы первым его номерам.

Кстати, в январе 1985 года, после того как Эдуардом Малофеевым были обнародованы фамилии кандидатов очередного варианта сборной, в одну из редакций пришло письмо группы болельщиков, с недоумением спрашивающих, почему на сей раз в нее не пригласили тбилисского динамовца Александра Чивадзе и московского спартаковца Сергея Родионова, названных, по итогам предыдущего года, лучшими на своих игровых местах.

Р. Дасаев: Я уже говорил, что подбор игроков - право тренера, за что он также несет ответственность. Думаю, что у Эдуарда Васильевича на сей счет были свои, особые соображения.

А. Львов: А каким тебе видится будущее сегодняшней сборной?

Р. Дасаев: Если бы я сказал «трудным», то не сказал бы ничего. Легким оно не бывает ни у одной, даже самой титулованной сборной. Пример тому - спад после триумфа в Испании в игре итальянцев, подтвержденный тем, что чемпионов мира не оказалось среди финалистов европейского первенства во Франции.

Наша сегодняшняя сборная - это в большинстве своем молодые, способные, но еще недостаточно обстрелянные игроки. Насколько быстро новички сумеют обрести стабильность мастерства и психологическую стабильность, и определит будущее команды. Возможно, этот процесс протекал бы более ускоренными темпами, если бы новички прошли какую-то предварительную «обкатку». Думаю, помогло бы возрождение второй сборной, куда приглашались бы и где просматривались бы те, на кого в ближайшем будущем рассчитывают тренеры первой. Но встречаться ей надо не со слабыми спарринг-партнерами, а с сильными, квалифицированными противниками. Такая команда

раньше существовала И дала неплохое пополнение первой сборной.

А. Львов: Ты забыл еще и о роли ветеранов сборной, способных помочь дебютантам побыстрее освоиться и заиграть в ней...

Р. Дасаев: Нас, ветеранов, сейчас осталось в сборной не так уж много, мы делаем все возможное, чтобы новички сборной быстрей освоились в ней. Но вместе с этим с первых же своих шагов в ней поняли, что они пришли в сборную команду - главную в стране, предъявляющую к каждому особые требования. И не забывали об этом ни на минуту.

КОМАНДА НАЧИНАЕТСЯ С ВРАТАРЯ

Закончился матч.

Мы выиграли. Можно спокойно идти в раздевалку, отрешившись от всего, посидеть несколько минут в кресле, не спеша обсудить с ребятами игру. Потом, также не торопясь, отправиться в душ. И опять поблаженствовать в кресле в предвкушении вечера, который наконец удастся провести дома.

...Сегодня мы победили. Я не пропустил мяч. Но настроение почему-то неважное - будто кошки на душе скребут. Значит, что-то было в этой встрече у меня не так, значит, игра моя в чем-то не удалась.

А в чем?

Смотрю на ребят - смеются, радуются. Для них матч уже в прошлом. Отчего же мне так не по себе? Вспоминаю, ага, в самом начале первого тайма выскочил на угол штрафной, не предупредив защитников, и чуть дров не наломал. Хорошо, нападающий «Жальгириса» растерялся и ударил мимо. И во второй половине матча, когда Данисявичус пробил, вместо того чтобы отбить мяч, начал его ловить. Выпустил. Всех заставил поволноваться.

А может быть, зря об этом думаю? Ведь выиграли же.

Нет, не зря. Настроение непраздничное потому, что не удовлетворен собой. Даже интересоваться не буду, какую оценку в протоколе поставил мне «Старший». Я ее уже вывел сам.

Игра вратаря всегда должна оцениваться по-иному, чем игра остальных. И прежде всего им самим.

Известно, что ошибка полевого игрока может быть исправлена, а то и вовсе остаться незамеченной. Ошибка голкипера чаще всего заканчивается самой крупной в футболе неприятностью - голом.

Вратарская игра оценивается по принципу: «пропустил - не пропустил». Тогда чего же я занимаюсь самобичеванием? Ведь на сей раз не пропустил гола. И так ли необходим этот неприятный саморазбор?..

Да, необходим. Необходим для того, чтобы, прокрутив в памяти эпизоды, в которых сыграл не так, как следовало, разобраться, почему это произошло. Только таким образом можно помочь себе избавиться от ошибок.

Когда я только пришел в «Спартак», то с жадностью начал интересоваться, как тренируются, играют и даже ведут себя в жизни те, кто добился признания на вратарском поприще.

Я восторгался подчеркнуто яркой игрой Владимира

Астаповского из ЦСКА. Одновременно мне импонировали спокойствие и рассудительность державшегося с достоинством Юрия Дегтярева из «Шахтера». Подкупала экспансивность неугомонного Александра Ткаченко из «Зари». Нравилась сосредоточенность Владимира Пильгуя из московского «Динамо».

Но выше всех я ставил взрывного, прыгучего Александра Прохорова, который сразу же завоевал мое сердце.

Почему именно он?

Прохоров очень походил на кумиров моего детства - Макова и так поразившего мое мальчишеское воображение еще в Астрахани Анзора Кавазашвили.

Глядя на него, я довольно быстро постиг, что внутренняя уверенность в себе играет в нашем деле далеко не последнюю роль, а может быть, даже и главную.

Как-то мы разговорились на эту тему с Владиславом Третьяком. Он хоть и хоккейные ворота защищал, но с теми же, что и я, трудностями в свое время сталкивался. Да и вообще голкиперам, независимо от вида спорта, всегда найдется, о чем поговорить. Есть у нас свои маленькие секреты.

С Третьяком мы впервые встретились осенью семьдесят девятого в Новогорске, куда сборная по футболу приехала перед матчем с командой ГДР, в котором мне предстояло дебютировать. Хоккеисты, жившие в уютном коттедже, куда поселили и нас, готовились к приближающемуся сезону.

К футболу хоккеисты относились не просто с уважением, а с любовью, может быть, чуть меньшей, чем к хоккею.

Футбольные схватки у хоккеистов на занятиях проходили весело, с огоньком. Здесь разрешались толчки, жесткое единоборство и прочие приемы, которыми так щедра их любимая игра.

В хоккейной сборной талантливых, ярких спортсменов в тот период было много, но меня интересовал только Третьяк.

Не счесть, сколько игр я видел с его участием. И всегда не переставал удивляться, как это удается ему на протяжении столь долгого времени оставаться камнем преткновения для самых искушенных бомбардиров? В чем секрет неизменного спокойствия и невозмутимости в бесчисленных поединках с соперниками?

Хотя Владислав держался очень просто, я постеснялся навязываться малознакомому человеку.

Позднее, часто встречаясь в Новогорске, мы познакомились поближе. И однажды я затеял так волновавший меня разговор, который в какой-то степени помог раскрыть «тайну Третьяка».

Говорили о делах хоккейных, футбольных, о вратарских

трудностях и радостях, сойдясь во мнении, что в нашем деле самым необходимым является внутренняя уверенность, позволяющая не зависеть от игровой ситуации, всегда оставаться ее хозяином.

Признаюсь, я был ошеломлен, когда услышал от Владислава, фантастически талантливого вратаря, что ему пришлось в свое время немало помучиться, прежде чем он обрел это состояние внутренней уверенности.

- Но еще труднее было, - говорил Третьяк, - научиться не терять его ни при каких обстоятельствах.

- Так как же тебе все-таки это удалось? - спросил я, надеясь, что сейчас-то и откроется «секрет Третьяка».

- Работал, - сказал Владик. И, словно почувствовав, что разочаровал меня таким ответом, продолжил: - Тут все дело в том, как относиться к тренировке. Я ведь на каждую из них выхожу, как на самую ответственную игру. Неважно, что по воротам бросают товарищи, а не соперники, что пропущенные шайбы ничего не решают. Главное, не пропустить. Ни за что не пропустить. Трудно это выдерживать. Но зато приучаешь себя не расслабляться, постоянно быть начеку, обретаешь требуемую уверенность. Вырабатываю я ее в тренировках, которые превращаю в один непрекращающийся труднейший матч...

Многие матчи, которые я видел с нашим прославленным вратарем, заставляли вспоминать эти его слова. Но один врезался в память особенно. Весной восемьдесят третьего, за год до окончательного ухода Владислава со льда, в Мюнхене, в финале мирового первенства, сборная СССР встречалась с командой Чехословакии, к концу турнира вдруг заигравшей сильно и удачно.

Когда же при счете 1:1 прозвучала финальная сирена и наши ребята бросились обнимать Владислава, отразившего бесчисленное количество шайб, оператор неожиданно дал его крупным планом. И все увидели на экране осунувшееся, в каплях пота лицо человека, невероятно уставшего, но гордого тем, что он мужественно и с честью выполнил свой долг.

Таким я видел Третьяка однажды после очередной тренировки, когда он уходил в раздевалку.

Я не знаю, как тренируется итальянец Зофф. Но когда я увидел, как в свои сорок лет он просто, без лишней суеты, в манере истинного мастера защищал в Испании ворота сборной, ставшей, вопреки самым мрачным прогнозам, первой в мире, то понял - он из тех, кто владеет искусством тренировки. Даже в матче с бразильцами, когда Сократес забил ему гол в ближний угол (это считается грубой вратарской ошибкой), Зофф не

проявил ни малейшей растерянности.

Когда же в самом конце встречи бразильцы навалились, желая сравнять счет, на ворота итальянцев, он лишил их последней надежды, встав на пути мяча, посланного тем же Сократесом.

Дино Зофф... Мужественный, крепкий, упрямый. Не зря капитанская повязка «Скуадры адзурры» была доверена именно ему.

И это вовсе не являлось обычной данью уважения к игроку, самому старшему по возрасту, а признанием его мастерства, авторитета, стопроцентной верой в своего голкипера.

Мне часто задавали вопрос, считаю ли я Зоффа лучшим голкипером испанского первенства, ведь мою фамилию, когда речь заходила о присуждении этого символического звания, называли вместе с его. И всякий раз я отвечал; «Зофф - настоящий вратарь чемпионов мира».

В Испании журналисты взахлеб писали о «черной пантере» из Камеруна. Так они окрестили высокого, гибкого, словно виноградная лоза, первого номера этой сборной Томаса Н'Коно. Но, отдавая должное незаурядности Н'Коно, мне все-таки резала глаз тяга камерунца к эффектности, к приемам неоправданно сложным, без которых можно было бы обойтись. Там, где требовалось отбить мяч, он почему-то старался поймать его. При этом постоянно падал, вставал и вновь бросался за мячом по делу и без. Одним словом, стремление непременно понравиться публике, произвести на нее впечатление (что само по себе нисколько не возбраняется) довольно часто мешало ему, нервировало партнеров.

Зофф и Н'Коно. Вратари разных поколений, разных стилей. Но оба талантливые, своеобразные, сумевшие доказать, что из многих кандидатов на «пост № 1» своих сборных выбраны тренерами не зря и занимают его по праву.

Если я заговорил о «первых номерах» испанского чемпионата, то было бы несправедливым не уделить внимания голкиперу из ФРГ Харальду Шумахеру.

- Я невероятно самолюбив, - заявил он Как-то в одном из интервью репортерам. - И футбол для меня - отличная возможность доказать свою незаурядность. Это я понял сразу, как только надел вратарские перчатки.

Лихо сказано, что и говорить. Суть характера этого высокого, словно вырубленного из скалы человека, с копной вьющихся золотистых волос, сразу же становится ясной. В Испании Харальд не попал в центр внимания, которого он страстно желал и к которому так стремился. Играл он чересчур эмоционально и

моментами походил на разъяренного тигра, общение с которым, как известно, не сулит ничего хорошего.

В фильме «Гол», снятом английскими кинематографистами на испанском чемпионате, есть кадры, показывающие Шумахера во время матча с французами. Зрители видят человека, внутри у которого клокочет вулкан, - так разгорячен и неистов он в каждой схватке за мяч. В одной из них Харальд, похоже, потерял контроль над собой и врезался в прорывавшегося к его воротам защитника Батистона.

Чуткий объектив кинокамеры беспристрастно зафиксировал этот печальный эпизод, после которого французского футболиста вынесли с поля на носилках. И мы вновь видим лицо Шумахера - грозное, глаза мечут молнии. Он так и не сумел погасить в себе огонь переживаний, эмоции буквально разрывали его, моментами делая неуправляемым.

После матча на него бросились в атаку журналисты.

- Я не собирался наносить травму Батистону, - убеждал он репортеров, - это был чисто игровой эпизод. И не правы те, кто считает иначе. Тем не менее очень жаль, что он оказался в больнице. Но я обязательно навещу его и принесу свои извинения. Хотя, признаюсь, не чувствую за собой никакой вины.

Шумахер сдержал свое слово и побывал у получившего повреждение недавнего соперника.

Мне же лично показалось, что столкновение не было случайным. Но так ли это - известно лишь самому голкиперу сборной ФРГ. Кстати, лучшим его матчем стал финальный. Но, несмотря на все усилия, сделать для своей команды ничего не мог.

Вратарей, не только надежно охраняющих свои ворота, но и в стремительных атаках поражающих чужие, пока в футболе нет...

Мы познакомились с Шумахером тем же летом, когда «Кельн», чьи ворота он защищает в национальном чемпионате, и «Спартак» были приглашены на турнир в Испанию, еще живущую отголосками событий мирового первенства. Обыграв в финале «Атлетико» (Мадрид), нам удалось завоевать первое место. И с красивым серебряным кубком в приподнятом и радостном настроении мы уезжали домой. В аэропорту я увидел знакомую фигуру в летнем костюме нежно-голубого цвета. Это был Шумахер. Приметил меня и он. И в следующий момент с протянутой рукой и приветливой улыбкой на добродушном, совсем ином, чем мелькало на экранах телевизоров во время чемпионата мира, лице направился ко мне легкой стремительной походкой.

Мы поприветствовали друг друга. И на только нам понятном

диалекте из смеси немецких и английских слов стали по-приятельски выяснять, как здоровье, дела, настроение и все прочее, чем обычно интересуются малознакомые люди вот при таких неожиданных мимолетных встречах.

Естественно, ни он, ни я не могли предполагать, что два года спустя судьба сведет нас вновь в матче Кубка УЕФА, в котором Харальд пропустит на один гол меньше, чем я, и это позволит «Кельну» продолжить борьбу.

В первой встрече в Тбилиси у нас было достаточно шансов забить ему по крайней мере мяча на два-три побольше.

Лишь один только раз Поздняков пробил без спасительной для Шумахера паузы. И тот был бессилен что-либо предпринять.

Две недели спустя в Кельне мы проиграли. После матча Харальд разыскал меня под трибунами и, сочувственно похлопав по плечу, протянул хрустящий целлофановый пакетик - новенькие игровые перчатки. Он понимал мое состояние и хотел подарком поднять мое настроение.

Вратари всегда с сочувствием относятся к неприятностям друг друга.

... В Испании я учился, следя за игрой других. Это была великолепная школа, с программой чрезвычайно короткой, но удивительно насыщенной, интересной и предельно понятной.

Мне было жаль голкипера англичан Шилтона, пропустившего в пяти встречах лишь один гол, но вынужденного из-за своих форвардов, неожиданно потерявших в четвертьфинале прицел, вместе с командой отправиться домой ни с чем.

Нельзя было не посочувствовать очень симпатичному французу Эттори, отдавшему столько сил и нервов в последнем на пути к финалу матче, но отверженному судьбой в серии пенальти, настолько опустошивших его, что во встрече с поляками за третье место он уже был не в состоянии выйти на поле. И тренеры заменили его Кастанедой.

А какие переживания выпали на долю тридцатилетнего бразильца Переса сразу после гола, забитого ему Андреем Балем, объявленного самым слабым игроком в рядах «трикампеонов»? К тому же впоследствии признанного главным виновником того, что бразильцы возвратились на родину без победы, которой от них ждали все.

Перес действительно не был самым сильным и удачливым из выступавших в Испании голкиперов. Но обвинять его во всех смертных грехах глупо. За исключением мяча, пропущенного во встрече с нами, в остальных пяти он вряд ли был повинен. Скорее всего, их следует отнести на счет оказывавшихся далеко не всегда расторопными защитников, которые к тому же, видимо, не

слишком верили в своего вратаря, в его надежность, в способность выручить в критический момент. Это недоверие и делало защиту великолепной бразильской команды уязвимой и менее стойкой, чем это требуется для восхождения на мировой трон.

...В хоккее считается, что хороший вратарь - половина команды. Думаю, что и наш брат - футбольный голкипер - стоит не меньше. Пример - все те же Зофф и Перес.

Один своим мастерством, уверенностью давал возможность товарищам смело, без оглядки на собственные ворота идти вперед, помогал играть, вдохновлял. Второй растерянностью, частыми ошибками, напротив, нервировал партнеров, сеял в них сомнение.

Еще пример. В конце восемьдесят второго года тренеры тбилисского «Динамо» отказались от услуг Отара Габелия, верой и правдой долгие годы защищавшего ворота клуба, включая победный матч в розыгрыше Кубка обладателей кубков. После этого на его месте появлялись Мчедлидзе, Куция, Кантария, Баладзе, Абусеридзе.

Все это время команду в обороне лихорадило. Способные голкиперы, неплохо проявлявшие себя в других клубах, выходя в составе тбилисского, допускали азбучные просчеты.

Встреча второго круга с «Зенитом» (1984 г.), которую грузинские футболисты уверенно выигрывали с перевесом в два мяча, совершенно неожиданно завершилась драматическим для них исходом. В конце ее грубейшие промахи заметно нервничавшего Баладзе, которому на этот раз было доверено место в воротах, лишили хозяев верной победы.

После этой досадной неудачи клуб сбился с набранного турнирного ритма и потерпел еще несколько поражений. Сознание того, что все усилия команды могут быть в любой момент перечеркнуты вратарскими срывами, сковывало, заставляло то и дело оглядываться назад.

Дело кончилось тем, что тридцатилетнего Габелия после двух трудных и потерянных для тбилисцев сезонов было решено вернуть назад. Кто знает, может быть, и не лихорадило бы так эти годы динамовцев, не поспеши тренеры с непонятной легкостью отказаться от услуг вратаря, которому они неожиданно перестали верить.

Случаев, когда, оказываясь в безнадежном положении, команды обращались за помощью к уже, казалось бы, списанным, «отыгранным» вратарям, можно припомнить немало.

Так, лет эдак пятнадцать назад помог оказавшимся в критическом положении московским торпедовцам Виктор

Банников, отчисленный из киевского «Динамо».

Возвращался в родной «Шахтер» в трудные для него времена простившийся было с футболом Юрий Дегтярев.

В свои тридцать восемь буквально творил чудеса, поражая болельщиков и поднимая боевой дух партнеров, Сергей Крамаренко, срочно отозванный с тренерской работы на свой прежний пост в ворота бакинской «Нефтчи».

Могли бы эти уважаемые голкиперы, испытавшие, казалось, в футболе все, оставаться в нем подольше?

Да и вообще, каков вратарский век? Сколько должен играть вратарь?

Думаю, что ответ на этот вопрос один: «Столько, сколько он может играть». В отличие от полевого футболиста, вратарь не имеет возможности с возрастом изменить игровую манеру, перестроиться, наконец, поменять амплуа и, скажем, из грозного форварда превратиться в разыгрывающего полузащитника.

Законы футбола здесь безжалостны. И единственно, чем можно попытаться продлить вратарский век, - это работать, не давая себе пощады, не делая ни на что скидок, забывая обо всем, что способно укоротить его.

Так прожили футбольную жизнь Яшин и Зофф, получив за все испытания, выпавшие на их долю и с честью ими выдержанные, в награду от футбола счастливейшую возможность играть дольше остальных.

Именно играть. Они ушли из спорта красиво, под победные звуки труб, на руках растроганных прощанием товарищей и под аплодисменты огорченных расставанием трибун.

Так уходят «звезды», не теряя своего блеска. Оставляя тепло воспоминаний и ощущение легкой грусти.

Так ушел и Владислав Третьяк. Ушел потому, что исчерпал себя в постоянной борьбе с собой, прежде рождавшей в нем состояние вратарской силы и твердости.

Вратарь, вовремя сумевший сказать: «Все!», заслуживает величайшего уважения.

Да, уходить нелегко.

Я чувствую это по тому, как борются за свою вратарскую жизнь те, кто еще верит в себя, для кого каждый новый день в футболе одновременно праздник и надежда.

Володя Пильгуй оказался тем самым счастливчиком, которому было суждено сменить самого Льва Яшина.

Мне совсем не трудно предположить, что чувствовал Пильгуй в воротах, где привыкли видеть Яшина, или что он испытал в том так трагически завершившемся для него и команды матче семидесятого года в Ташкенте с ЦСКА, решавшем судьбу золотых

медалей.

...Яшин, уже в роли начальника команды, сидел на скамейке запасных. А Пильгуй отчаянно, не щадя себя, защищал ворота. Оба переживали одинаково по-вратарски - страстно, эмоционально. И, уверяю вас, еще неизвестно, кому из них было легче.

Говорят, что Володю тогда подвела кочка, от которой отскочил перелетевший через него в сетку мяч. И уже после встречи, убежав раньше остальных из раздевалки, он в быстро надвигающихся густых южных сумерках в отчаянии искал ее на поле, все еще не веря в случившееся.

В жизни каждого вратаря хоть раз, но обязательно встречается такая коварная кочка. Однако он прекрасно знает, что она никогда не послужит для него оправданием.

Таковы неписаные законы нашей футбольной профессии.

Та неприятность огорчила, но не сломила Пильгуя.

И спустя некоторое время Владимир был уже приглашен в сборную, где с честью провел не одну встречу. Сезон за сезоном, матч за матчем. Не все одинаковые, не каждый удачный. Но своей репутации Пильгуй не терял. И вдруг, когда ему перевалило за тридцать, стало известно, что он собирается уходить из «Динамо» в краснодарскую «Кубань».

- Что это - желание в тихой футбольной заводи продлить свой вратарский век? - интересовались одни болельщики.

- Чудак. Закончил бы себе потихоньку в своем «Динамо», тренировал бы ребятишек да поигрывал за ветеранов, как многие, - рассуждали другие.

Но Владимир не был чудаком. Его показавшийся странным поступок не являлся стремлением просуществовать в футболе как можно дольше. «Кубань» отнюдь не была той командой, в которой это было возможно. Напротив, игра в ней требовала еще большей отдачи и напряжения, поскольку новые его партнеры по обороне заметно уступали в мастерстве прежним.

Но, как ни странно, именно это устраивало Пильгуя. Когда в своем клубе в него перестали верить, он решил во что бы то ни стало доказать в другом, что еще способен играть. И играл - по-мальчишески смело, отчаянно, так, что тренеры соперников «Кубани» начинали предматчевые установки с обсуждения, какими способами можно на поле попытаться перехитрить опытного голкипера краснодарцев.

У Владимира не было торжественных проводов. Но ушел он по-своему красиво, с гордо поднятой головой.

Примерно так же поступил Слава Чанов, которому я во многом обязан тем, что на каждый матч испанского чемпионата

выходил, не теряя спокойствия и уверенности.

Прекрасно зарекомендовав себя в различных юношеских сборных, Вячеслав довольно рано получил приглашение в «Шахтер». Но затем надолго осел в его дубле, поскольку место в основном составе было прочно занято уже испытанным Юрием Дегтяревым.

Вратарь всегда рвется в игру...

И хотя можно было ждать спокойно своего часа, путешествовать с командой по стране и миру, строя при этом из себя обиженного, обойденного вниманием судьбы и начальства таланта, Слава «нырнул» в водоворот неизвестности и надежды. Он принял предложение столичного «Торпедо». И, решив круто изменить жизнь, отправился в возрасте двадцати девяти лет в Москву.

Мне показалось тогда, что он явно поспешил с переездом в столицу и вряд ли сумеет многого добиться в «Торпедо». Но вскоре я понял, как, впрочем, и те, кто думал точно так же, что ошибся. Уже по окончании своего второго сезона в торпедовском клубе Чанов получил приз журнала «Огонек», присуждаемый лучшему по итогам года вратарю. В нем что-то переменилось. Вернее, в его игре, ставшей более зрелой и стабильной, чем прежде. Думаю, пришло это одновременно с уверенностью, с доверием, которое он стал ощущать, которого так не хватало ему прежде.

Фамилия Чанова стала регулярно появляться в списках тридцати трех сильнейших футболистов сезона. Его пригласили в олимпийскую сборную.

В «Торпедо» с момента прихода Вячеслав играл практически без замены, уступая место в составе своему дублеру Валерию Сарычеву только в исключительных случаях.

Но в следующем году Чанов получил серьезное повреждение колена. И, пока ему делали операцию, пока шло выздоровление, ворота защищал Сарычев - без тени сомнения, с подчеркнутой, внезапно появившейся уверенностью и рассудительностью, обычно редко свойственной новичкам. И тренеры не решились менять его даже тогда, когда Чанов вернулся в строй и был готов занять свое прежнее место.

Что было делать Вячеславу в подобной ситуации? Вновь, как когда-то в «Шахтере», сидеть и ждать «его величества случая», который бы помог вернуться в состав?..

Чанов принял предложение бакинской «Нефтчи»...

Время и игра рассудят, насколько верным оказался такой шаг. Но как бы то ни было, я понимаю и Пильгуя, и Чанова-старшего (младший брат его Виктор, тоже вратарь, как известно,

уже давно и прочно закрепился в составе киевского «Динамо»), которые, движимые самолюбием, пошли наперекор судьбе.

Поиск своей команды - дело непростое, связанное с риском, горьким разочарованием, завершающееся успехом в редких случаях.

Не без сожаления можно считать так до конца и не сложившимися судьбы тех, кого считаю заслуживающими в футболе гораздо большего: Владимира Олейника: «Спартак» (Орджоникидзе) - «Зенит» (Ленинград) - «Спартак» (Орджоникидзе); Виктора Юрковского: «Таврия» (Симферополь) - «Динамо» (Киев) - «Таврия»; Михаила Квернадзе: «Торпедо» (Кутаиси) - «Зенит» (Ленинград) - «Спартак» (Москва) - «Торпедо» (Кутаиси); Владимира Николаева: «Зенит» (Ленинград) - «Пахтакор» (Ташкент) - «Нефтчи» (Баку); Виктора Радаева: «Уралмаш» (Свердловск) - ЦСКА - СКА (Ростов-на-Дону); Владимира Тростенюка: «Памир» (Душанбе) - «Карпаты» (Львов) - «Металлист» (Харьков) - «Памир» (Душанбе).

Вслед за именем каждого зигзаги маршрутов, вычерченные их футбольной судьбой...

Они начинали интересно, обещающе. А затем, в силу разных обстоятельств, не выдерживали, «ломались». Но не сдавались. И, стиснув зубы, искали, надеялись, старались...

Кому-то из них повезло чуть больше, кому-то чуть меньше. Однако по большому счету - никому.

Но есть среди вратарей и победители в споре с собственной судьбой. Как, скажем, Александр Яновский, прошедший долгий путь, чтобы по-настоящему проявить свое дарование в «Пахтакоре», где он стал капитаном, лидером команды.

Лучшие свои сезоны провел в столичном «Локомотиве» пребывавший на вторых ролях в киевском «Динамо» Валерий Самохин.

Совсем по-новому раскрылся в минском «Динамо» талант одессита Ивана Жекю.

Нашел себя в ленинградском «Зените» и Миша Бирюков, с которым я познакомился, когда его еще пробовали в спартаковском дубле, куда пригласили из Орехово-Зуева.

Он прилежно у нас тренировался, старательно играл. Но выглядел каким-то скованным, закрепощенным. Видимо, чувствовал, что попал не в «свою» команду. И, недолго пробыв в «Спартаке», отправился в Ленинград. В «Зените» Михаил поначалу тоже не выделялся. Осваивался с обстановкой постепенно, не спеша, но со свойственной его натуре обстоятельностью и упорством, которые моментами проявлялись и во время его короткого пребывания у нас.

Бирюков дождался своего часа. Дождался вместе с командой. Сила, игра, уверенность пришли к нему и к команде одновременно.

Тот факт, что в год завоевания «Зенитом» золотых медалей его голкипера признали лучшим в сезоне и пригласили в сборную, это подтверждает.

С момента моего прихода в «Спартак» и после ухода Александра Прохорова у нас в «Спартаке» были разные вратари - чересчур горячий Леша Прудников, темпераментный Михаил Квернадзе, постоянно думающий о чем-то своем Андрей Михалычев, рослый Геннадий Цветков, резкий Станислав Черчесов. Каждому из них я по мере сил старался быть помощником, другом, какими оказались для меня в свое время Юрий Маков, Александр Прохоров, Николай Гонтарь и Вячеслав Чанов.

Эта переходящая из поколения в поколение солидарность «первых номеров» - один из наших неписаных вратарских законов.

Вратарь, живущий в футболе только для себя, никогда не станет в нем личностью. Это проверено и подтверждено временем.

...Закончился матч.

Мы выиграли. И я радуюсь победе так же, как и все, - с легким сердцем, не терзаясь сомнениями и переживаниями. Можно расслабиться, позабыть об игре, дать отдохнуть измотанным нервам, уставшим мышцам.

Но только на время.

Потом я мысленно вновь вернусь на поле, встану в ворота и снова прокручу в памяти эту встречу. От начала до конца. Проверю и оценю каждый свой шаг, каждое движение. И возьму в следующий матч все самое лучшее из того, что удалось в предыдущем.

ДИАЛОГ ШЕСТОЙ, в котором авторы ведут разговор о превратностях футбольной жизни «первых номеров», о том, как нелегко завоевать авторитет вратарю и как еще труднее его сохранить.

А. Львов: В составах команд сезона-87, опубликованных еженедельником «Футбол-хоккей», в графе «сыгранные за клуб матчи» против фамилии мастера спорта международного класса Дасаева значилась цифра 279. И это лишь встречи, проведенные в чемпионатах. Но кроме них были еще кубковые и около сотни матчей в составе сборной. В итоге получается почти пятьсот игр. Такого показателя нет ни у одного голкипера высшей лиги.

Не многовато ли для девяти проведенных тобой сезонов в ней?

Р. Дасаев: А ты считаешь, что много? Полагаешь, что нужно ввести для нашего брата вратаря на сей счет какие-то ограничения?

А. Львов: Нет, я о другом. Заняв в семьдесят восьмом году место в воротах «Спартака», а в следующем - в сборной, ты затем защищал их практически без замен. И когда, пусть нечасто, но допускал в игре осечки, кое-кто спешил утверждать, что они следствие усталости Дасаева, что его необходимо заменить.

Что думаешь об этом ты сам?

Р. Дасаев: Вратарская жизнь нелегкая, конечно, и устаешь. Но, скорее, психологически: начинаешь чувствовать, что на поле тебя не тянет, что мяч даже сквозь перчатки обжигает руки, а любое падение причиняет боль. Появляются неуверенность, нервозность. Отсюда и ошибки. Причем порой самые нелепые.

А. Львов: Наверное, нужно приложить максимум усилий, чтобы вернуть прежнее привычное состояние. Что делают голкиперы в подобных случаях?

Р. Дасаев: Специальных рецептов не существует. У каждого свой способ преодоления игрового кризиса. Ясно, что опытному вратарю легче (хотя и не всегда) пережить игровой спад, чем молодому, необстрелянному, поскольку он уже знает, что следует в таких случаях делать. Я стараюсь прежде всего перебороть вялость, апатию, вернуть желание играть. На тренировках вместо привычной работы в воротах занимаюсь вместе с полевыми игроками или ухожу побегать в лесную тишь. Одним словом, делаю все, чтобы снять напряжение...

А. Львов: А не лучше ли действительно сделать перерыв, пропустить несколько матчей, прийти в себя?

Р. Дасаев: В данной ситуации это казалось бы логично. На самом же деле меня пауза, напротив, может совсем выбить из колеи. А вот игра, если, конечно, сумеешь взять себя в руки, помогает быстрее восстановить форму.

А. Львов: Получается, что прибегать к помощи второго вратаря нет необходимости, он, выходит, и не нужен. Разве только для того, чтобы выступать за дубль...

Р. Дасаев: Обсуждение темы - должны ли быть в команде два равноценных голкипера или достаточно одного опытного, за спиной которого ждет своего часа его молодой коллега, - идет в футболе с давних пор. На первый взгляд два «классных» вратаря для тренера большое подспорье. Травма одного из них не застанет команду врасплох.

Но возникает много других проблем. Так, вратарю необходима игровая практика - иначе потеряешь форму. Причем серьезная. Игрой в дубле ее не заменишь. Вот и ломают тренеры

голову над вопросом - кому из вратарей доверить место в составе. И решить его безболезненно, без потерь для команды, самих голкиперов удается далеко не всегда.

А. Львов: Однако в киевском «Динамо», видимо, решили...

Р. Дасаев: Голкиперов этого клуба - Виктора Чанова и Михаила Михайлова - хорошо знаю по сборной. Оба они талантливые, интересные вратари. Но когда тренеры отдают предпочтение кому-то одному из них, другой, оказавшись на скамейке запасных, в какой-то мере теряет боевую форму и уверенность.

Вратарь, если он, конечно, не болен и не травмирован, должен играть.

А. Львов: Но ведь тогда не может быть и речи о конкуренции «первых номеров», которая, по мнению многих, отличное средство для поддержания ими оптимального игрового состояния. В этом в свое время харьковчанин Кривовязов усматривал причину отдельных твоих срывов в игре. О чем и написал в газете «Советская Россия».

Р. Дасаев: Вратарские промахи всегда воспринимаются трибунами гораздо болезненней, нежели полевых игроков. Вот почему и рождаются в среде болельщиков всякого рода гипотезы по поводу природы ошибок «первых номеров». Опровергнуть их можно лишь игрой - стабильной, уверенной, это лучший аргумент в заочных спорах со зрителем, в какой-то момент вдруг начавшим сомневаться в возможностях вратаря.

Что касается конкуренции, то ее отсутствие кажущееся. Для меня она существует и в клубе, и в сборной, со стороны коллег из других команд. В заочном споре с ними я и стараюсь доказывать игрой право на место «первого номера» в «Спартаке» и в сборной.

При этом, отнюдь не в качестве оправдания, замечу - без ошибок на поле не обходилось ни у одного даже самого опытного, проверенного футбольным временем голкипера. Однако эпизодический промах вовсе не повод для того, чтобы сразу же ставить под сомнение его квалификацию.

А. Львов: Но ошибки ошибкам рознь. И если они лишают команду, ее почитателей желанной победы, то вряд ли о вратаре, допустившем их, можно говорить как о классном.

Р. Дасаев: В какой-то мере ты прав. Но только отчасти. Вот, скажем, Шумахер в решающей встрече мирового первенства с аргентинцами сыграл менее удачно, чем в предыдущих. Его просчет привел к первому голу в ворота сборной ФРГ. Да и в некоторых других эпизодах он выглядел не таким уверенным, как прежде. И тем не менее благодаря выдержке, хладнокровию, мастерству Харальда его команда оказалась в финале.

Безусловно, право считаться мастером высокого класса дает вратарю умение проводить без срывов главные поединки. Поэтому Шумахера с полным основанием можно считать таковым. Не случайно по окончании чемпионата он оказался названным в составах различных символических сборных.

А. Львов: Действия вратарей в Мексике не были обойдены вниманием прессы. И в сравнении с испанским чемпионатом получили более высокую оценку. А что об игре коллег можешь сказать ты?

Р. Дасаев: Я тоже считаю, что на этом первенстве вратари сыграли гораздо лучше, чем четыре года назад в Испании. Бельгиец Пфафф, француз Батс, англичанин Шилтон, Салман из Ирака независимо от результата их сборных показали высокий класс игры.

Блестяще провел встречи с нами и испанцами Пфафф. Не случайно тренер бельгийцев Ги Тисс заявил, что надежность и самоотверженность голкипера помогли его команде попасть в четверку сильнейших.

Многое сделал для своей сборной Батс. На европейском первенстве во Франции в 1985 году он выглядел не столь впечатляюще. А вот в Мексике проявил все качества классного голкипера. Вспомним, с каким блеском в послематчевой серии пенальти Жоэль выиграл спор у таких «звезд», как бразильцы Зико и Сократес.

Представляю огорчение англичанина Шилтона, когда в его ворота, которые он так отчаянно защищал, влетел мяч от руки аргентинца Марадоны. В этой встрече вратарь британцев был великолепен.

Что касается Салмана из Ирака, то в нем подкупает смелость, азарт, прекрасная реакция, великолепная прыгучесть.

А. Львов: И все-таки почти каждый из названных вратарей допускал отдельные промахи.

Р. Дасаев: Без них, увы, не обошлось. Батс дрогнул в полуфинале с французами, пропустив несложный мяч после розыгрыша штрафного от Бреме. Да и когда забивал Феллер, он явно поспешил покинуть ворота.

Пфафф выглядел уставшим, очень нервничал в матче с аргентинцами. Правда, преградить путь мячам, дважды отправляемым в сетку его ворот Марадоной, вряд ли смог бы и кто-то другой из вратарей.

А. Львов: В чем же причина таких перемен в игре? Ведь до этого и Батс, и Пфафф были на высоте...

Р. Дасаев: Думаю, что с приближением финала, когда все больше росло напряжение, таял запас психологической

прочности, от которой зависит во многом игровое состояние вратаря, и сил на последние матчи оказалось недостаточно. Батс, Пфафф, как и Шумахер, прошли до этого испытание тяжелейшей серией послематчевых пенальти. И как тут не согласиться с комментатором радио и телевидения, бывшим «первым номером» польской сборной Томашевским, назвавшим эту процедуру «пыткой для голкиперов». Психологические перегрузки и сказались в решающий момент.

Тренеры, конечно, предполагали, что в какую-то минуту вратари могут дрогнуть. Но на замену не решились, хотя и располагали неплохими дублерами.

А. Львов: Выходит, психологическая устойчивость играет в жизни «первого номера» заметную роль?

Р. Дасаев: Одну из ведущих. Вратарь может обладать прекрасными данными, хорошей техникой, но если не способен владеть собой, не научился этому, то большим мастером ему не стать. К примеру, нервозность, излишняя темпераментность всегда мешали грузинскому голкиперу Отару Габелии. Чрезмерная горячность нередко приводит к ошибкам Лешу Прудникова. Ведь когда говорят, что вратарь уравновешен, спокоен на поле, тем самым отмечают его высокую психологическую готовность.

А. Львов: Да, но она вряд ли приходит сама собой.

Р. Дасаев: Разумеется, она приобретается с годами. Мне в этом отношении повезло. В детской школе со мной отдельно и помногу занимался Бледных. В «Волгаре» опекал, учил «взрослому» футболу Маков. В «Спартаке» очень поддерживал Прохоров. А в сборной на первых порах Гонтарь. Одни подсказывали, как тренироваться, другие - как действовать в тех или иных ситуациях, третьи помогали не падать духом.

А. Львов: Получается, что вратарю необходимо уделять особое внимание.

Р. Дасаев: Да, причем с самых первых шагов. Наша футбольная «профессия» специфична, со своими законами, требованиями. К сожалению, в отличие от многих стран мы не имеем специальной системы подготовки голкиперов.

А. Львов: И тем не менее ты сам утверждаешь, что в советском футболе немало способных, интересных «первых номеров».

Р. Дасаев: Способных, интересных много, а классных - единицы, хотя могло бы быть гораздо больше. Ведь в основном вратари либо учатся друг у друга (молодые - у более опытных), либо полагаются в учебной работе на приобретенный опыт, собственную интуицию. В прошлом известный голкипер

московского «Спартака», впоследствии футбольный обозреватель Алексей Иванович Леонтьев в одной из своих статей в журнале «Спортивные игры» очень точно подметил, что почти во всех командах вратари занимаются по старинке. И в тренировках их в основном используют как «подсобную» силу.

А. Львов: Насколько я знаю, в днепропетровском «Днепре» дело обстоит иначе. В последние годы с голкипером Краковским и Городовым там успешно работает бывший страж ворот клуба Леонид Колтун. Они проводят индивидуальные занятия, детально разбирают игру каждого, анализируют допущенные ошибки. И это приносит определенные результаты. По крайней мере по вине своих «первых номеров» «Днепр» теряет значительно меньше очков, чем многие из других клубов.

Р. Дасаев: Это лишний раз подтверждает, что новые формы работы с вратарями необходимы. Но, по-моему, «днепропетровский эксперимент» - единственный в своем роде. В остальных командах методика подготовки голкиперов остается на уровне сороковых годов. И если ты сам не в состоянии определить, с помощью каких средств следует наращивать мастерство, поддерживать форму, преодолевать игровой кризис, то ждать помощи не от кого.

Это вовсе не значит, что тренеры не уделяют вратарям внимание - они и разминку помогают провести, и по воротам побьют. Но необходима помощь тренера-специалиста узкого профиля. А точнее, бывшего вратаря. И такую должность следует ввести в каждой команде мастеров - от второй лиги до высшей. Да и в детских школах она необходима как воздух.

Молодой торпедовский вратарь Харин потому так быстро вошел в большой футбол, что с ним в детской школе много занимались индивидуально.

А. Львов: Наверное, можно было бы готовить специалистов по работе с «первыми номерами» на отделениях футбола институтов физкультуры. Ими могли бы стать и выпускники высшей школы тренеров москвичи Пильгуй, Гонтарь, Разинский, кутаисец Квернадзе, киевлянин Самохин. Среди ее слушателей окажется еще немало игроков, у которых за спиной большой вратарский опыт, и они смогут передать его в будущем. Ведь мы уже, кажется, доказали, что роль «первого номера» в команде особая.

То же самое утверждает и чехословацкий хоккейный голкипер Иржи Холечек, сказав об этом в одном из интервью. Быть может, именно поэтому вратарю так часто доверяют капитанскую повязку?

Р. Дасаев: С капитанской повязкой выходил на поле Лев Яшин. Первым Кубок мира в Испании принял капитан

итальянской сборной Дино Зофф. На европейском первенстве во Франции португальскую команду выводил на матчи ее голкипер Бенту. В разное время эту почетную обязанность выполняли и выполняют Вячеслав Чанов в «Торпедо», Юрий Дегтярев в «Шахтере», Александр Яновский в «Пахтакоре», Валерий Новиков в ЦСКА, Алексей Прудников в московском «Динамо». Все они в своих клубах были, а те, кто продолжает играть, и остаются настоящими лидерами.

Капитанская повязка на руке вратаря - еще одно подтверждение особой трудности нашей футбольной профессии, согласно которой «первый номер» не имеет права на ошибку, обязан всегда быть точен в решениях и поступках, обладать твердой волей и закаленным характером. А таким, насколько я понимаю, и должен быть капитан.

Ну, а вратарь тем более.

Ведь именно с него начинается команда!

НАШИ САМЫЕ СТРОГИЕ СУДЬИ

Мы едем на игру.

Позади осталась уютная Тарасовка, умиротворяющие пейзажи Подмосковья, два десятка километров Ярославского шоссе. Въезжаем в город. Автобус втискивается в вязкий поток машин, растянувшийся от самой кольцевой дороги до Рижского вокзала, затем поворачивает к Марьиной роще.

Один светофор, второй. Мы знаем, что приедем вовремя - ровно за час до начала, что опоздание исключено, и все равно даже минуты ожидания перед матчем заставляют напрягаться и дергаться.

Невозмутим только наш шофер - на лице ни тени волнения. Лишь иногда он недовольно морщится и что-то бормочет, реагируя таким образом на неожиданные маневры лихачей.

Наконец, проскакиваем Беговую, по улице Тысяча девятьсот пятого года спускаемся к Москве-реке и по набережной, уже без остановок, под приветствия знакомых «гаишников» (большинство из них, конечно, симпатизируют динамовцам, но это не мешает им одновременно с уважением относиться и к «Спартаку») мчимся к стадиону.

Мне рассказывали, что раньше, года до шестьдесят второго, спартаковцы добирались на игру иначе.

Сначала от Тарасовки до Москвы на электричке. Затем у Ярославского вокзала пересаживались в ожидавший их автобус ЛиАЗ, который и доставлял команду на стадион.

Для болельщиков такой способ передвижения их любимцев был чрезвычайно приятен. Он давал им возможность сесть в один вагон со своими кумирами - Игорем Нетто, Анатолием Масленкиным, Валентином Ивакиным, Анатолием Крутиковым, Юрием Севидовым, Галимзяном Хусаиновым, Анатолием Исаевым, Валерием Рейнгольдом и наблюдать за ними в течение целых тридцати с лишним минут пути следования до конечной станции.

С утра они появлялись на базе в Тарасовке, не опаздывая даже к утренней зарядке, с тем чтобы первыми выяснить, как готовы футболисты к сегодняшнему матчу, не заболел ли кто. И, убедившись, что все в строю, разбредались в разные стороны, в разговорах о предстоящей встрече и прочих беседах коротали время, оставшееся до отъезда на стадион.

Обычно в электричке болельщики усаживались единой группой, где-то неподалеку от футболистов, сдерживая страстное желание заговорить со своими любимцами, ну и, конечно,

попытаться узнать у них, удастся ли сегодня на поле Лужников или «Динамо» одолеть очередного дерзкого соперника, почему-то не понимающего, что сильнее и лучше «Спартака» нет у нас в стране клуба.

На перроне Ярославского вокзала происходило грустное для одних и незаметное для других расставание. Болельщики устремлялись в метро, футболисты спешили к чистенькому, праздничному ЛиАЗу.

Их следующая встреча должна была состояться уже на стадионе, где игрокам предстояло играть, а болельщикам - болеть.

Теперь все по-иному.

Мы выходим из современного здания базы, построенного рядом с деревянным, уже чуть покосившимся от старости домиком, где в те далекие времена жило легендарное поколение спартаковских асов, садимся в мощный, дышащий громадными механическими легкими «Икарус» и по уже описанному маршруту мчимся на игру.

...В футболе, как и в жизни, время от времени все меняется.

Не меняются только болельщики.

Я не знаю, кто первый окрестил людей, отдающих свою любовь тому или иному виду спорта, «болельщиками». Но то, что человек этот выбрал определение очень точное, вне всякого сомнения.

Легендарный Пеле в своем последнем интервью игрока, данном прямо на поле в окружении многочисленных репортеров и неизвестно как прорвавшихся туда поклонников, сдерживая рыдания, сказал, обращаясь к трибунам: «Я благодарю вас всех, без которых не было бы Пеле. Футбол без зрителя мертв!»

Игра для зрителя - один из непреложных законов футбола. Преступивший его, забывший о нем (один ли это футболист или целая команда) рано или поздно будет наказан. И самым суровым приговором здесь станет молчание пустых трибун.

Последние несколько сезонов в таблице посещаемости матчей первенства, регулярно публикуемой еженедельником «Футбол-хоккей», столичные армейцы постоянно занимают места в нижней ее части. И дело здесь не только в их турнирных показателях, которыми они, кстати, не блещут, хотя это также определяет число зрителей. Просто футболисты этого столь уважаемого, правда, теперь уже больше по традиции, клуба не играют в чемпионате, а участвуют в нем. Моментами они борются, стараются, но того, что ждет от них болельщик - игры с ее неожиданными ходами, хитрыми комбинациями, красивыми, запоминающимися голами, - нет. Отсюда и многочисленные

«плешины» на трибунах во время матчей с участием ЦСКА.

Мне могут возразить - мол, что это за болельщик, который отворачивается от своей команды, в трудную минуту? Стоит ли такового считать истинным?

Действительно, настоящим, преданным клубу болельщиком можно считать лишь того, кто с ним вместе и в минуты радости, и в часы неудач. Но можно ли испытывать терпение даже истинных болельщиков? В начале каждого очередного сезона обещать им перемены в игре и турнирной судьбе команды и не выполнять обещанного. А ведь многие из нынешних поклонников ЦСКА еще помнят и с восторгом рассказывают о знаменитых рывках Григория Федотова, таранных проходах Всеволода Боброва, полной огня игре Валентина Николаева, Владимира Демина, Анатолия Башашкина, прекрасных футболистов клуба более позднего поколения - Альберта Шестернева, Николая Маношина, Валентина Афонина, Владимира Федотова... Дежурные объяснения о постоянной недоукомплектованности состава, о потере армейского духа, о бесконечных травмах только повергают в уныние. Правда, кое-кто из болельщиков этой команды еще продолжает приходить на стадион -одни в надежде на чудо, другие - просто по инерции. Вот из таких и складываются скромные цифры, публикуемые из сезона в сезон еженедельником «Футбол-хоккей»...

Болельщик может многое.

Это я понял в год своего прихода в «Спартак», отчаянно боровшийся за возвращение в высшее футбольное общество. И сразу же почувствовал, что зритель не стал сводить счеты с командой, еще недавно так огорчавшей его. Конечно, ему было непривычно и грустно видеть среди ее соперников не киевское «Динамо» или столичное «Торпедо», а кемеровский «Кузбасс» или, скажем, ашхабадскую «Колхозчи». Но он упрямо шел на стадион, веря в грядущие перемены.

Эту веру футболисты всеми силами стремились подкреплять игрой. И трудно предположить, что бы произошло, если бы «Спартак», вдруг забыв о ней, начал заниматься только добыванием очков с применением всех существующих для этого средств. Но, к счастью, он двинулся по пути, пусть более рискованному, но ведущему к сердцам тех, кто не терял веры в клуб, попавший в беду.

Я был тогда еще зеленым новичком. Не знал, удержусь ли в команде, но это тепло сердец болельщиков, их внимание распространялись и на меня. В Тарасовке, где я жил в то время, порой появлялись некоторые из них. И случалось, совсем незнакомые люди подходили ко мне после тренировок,

интересовались, как идут дела, спрашивали, не надо ли чем-нибудь помочь. И сейчас, много лет спустя, на поле, во время матча, мне иногда кажется, что в тревожном гуле трибун я слышу их голоса, отчего сразу становится спокойнее и легче...

Завоевать расположение, доверие зрителя - дело непростое.

Вряд ли сейчас среди болельщиков найдутся такие, которые бы стали утверждать, что нападающий донецкого «Шахтера» Виктор Грачев - футболист неинтересный, лишенный таланта. А ведь было время, когда подобное мнение бытовало и высказывалось без колебаний. Сложилось оно во время пребывания Виктора в московском «Торпедо», куда он был приглашен лет семь назад из Ашхабада.

Не очень выразительный дебют в нелегкое для команды время сразу же обрек его на положение дублера. И хотя в резервном составе он себя не щадил, в основном появлялся лишь от случая к случаю. Да и то в моменты, когда матч складывался не в пользу торпедовцев. Но известно, когда надо переломить его ход, когда от тебя лихорадочно ждут гола, проявить себя еще труднее - спешишь, нервничаешь, ошибаешься. И как следствие - леденящий свист трибун: «С поля!..»

Грачев ушел из «Торпедо» в «Шахтер», куда был отпущен с легким сердцем и тренерами, и московскими болельщиками. А там на одном самолюбии сделал себе имя, отблагодарив тех, кто поверил в него. Двадцать голов, забитых в «Шахтере» за два сезона, показатель, согласитесь, для форварда, еще совсем недавно считавшегося почти безнадежно списанным, неплохой.

В сезоне восемьдесят второго года «Спартак» очень нуждался в остром, смелом нападающем. И Грачева пригласили к нам. Мне лично, как и многим в команде, импонировало его постоянное стремление сыграть неожиданно для соперника. Обладая серией им же изобретенных финтов, Виктор мог по ходу обыграть нескольких защитников противника, успевая в последний момент нанести коварный удар.

Правда, как выяснилось, характер у Виктора оказался не из легких - он трудно входил в контакт с ребятами, болезненно реагировал на любую критику, был вспыльчив. Но на поле, попав в родную ему стихию атаки, неукротимо шел вперед, забывая обо всем.

Наверное, спустя какое-то время он обжился бы в коллективе, стал в нем своим, как и многие другие, кто приходил в «Спартак». В душе мы в это верили.

А вот московские болельщики почему-то нет.

Они продолжали упорно помнить «торпедовского» Грачева, упрямо не замечая перемен, происшедших с ним за два года. И

встречали каждое его появление уже в спартаковской майке с откровенным недоверием. Того, что так помогло Виктору заиграть в Донецке, - терпения и доброжелательности трибун, в Москве вновь не оказалось.

Сыграв за «Спартак» всего пять встреч и решив, видимо, не испытывать судьбу, Грачев возвратился в Донецк.

Уверен, что зрители были несправедливы, а моментами просто бестактны по отношению к нему. Впрочем, в этом они сами спустя некоторое время и убедились: опять заиграв в «Шахтере» легко, свободно, Виктор получил приглашение в олимпийскую сборную, где был в сезоне-83, вместе с другим форвардом Валерием Газзаевым, самой заметной фигурой.

Теплым апрельским вечером восемьдесят четвертого года трибуны Лужников все-таки вернули ему свой долг, отмечая каждый проход Грачева к воротам олимпийской команды Венгрии взрывом аплодисментов...

Впрочем, настроение трибун, увы, не постоянно и бывает переменчивым даже по отношению к людям с достаточным футбольным именем.

...К огромному сожалению, мне так и не пришлось увидеть на поле Льва Ивановича Яшина. Нет, конечно, старую хронику, почему-то так поскупившуюся на внимание к этому вратарю из легенды, смотреть доводилось.

Время разделило нас. Я только еще присматривался к футболу, а он уже расставался с ним. И лишь позднее я узнал, как нелегко, а порой адски трудно становился он Яшиным. Как моментами несправедлива и безжалостна была к нему публика.

В 1962-м наша сборная с чемпионата мира в Чили, вопреки ожиданиям, возвратилась раньше времени. И хотя, но убеждению людей знающих, авторитетных, повинен в этом вратарь не был, болельщик вновь поторопился с выводами, признав одного Яшина единственным и главным виновником неудачи.

Того самого Яшина, которого знал и уважал весь мир, считавшегося не просто великим голкипером, но и уникальным мастером. Яшина, блиставшего в олимпийском Мельбурне. Яшина, не дрогнувшего холодным дождливым вечером на поле стадиона «Парк де Пренс» в финале первого розыгрыша Кубка Европы.

Говорили, что по возвращении из Чили каждый незначительный промах, пустяковая ошибка вызывали недовольство и свист трибун «Динамо» и Лужников, еще недавно буквально боготворивших его. «Отдыхай! На пенсию!» - не стесняясь, кричали они человеку, верой и правдой прослужившему футболу ровно половину своей жизни,

великолепно, до тонкостей знающему вратарское дело...

Яшин не ушел на пенсию.

Он не мог этого сделать в сложившейся ситуации - не в его характере. Не знаю, как удалось Льву Ивановичу пережить ее, каких сил стоило вновь обрести привычную уверенность, спокойствие. Но после мирового первенства в Англии (третьего по счету в его биографии) специалисты с именем, немало повидавшие на своем веку, маститые обозреватели в один голос заявили, что игра Яшина была на чемпионате одной из самых ярких, стабильных, выделявших его среди прочих именитых голкиперов.

...Его провожали в Лужниках очень торжественно. На прощальный матч прибыли футбольные знаменитости с мировым именем - Мазуркевич из Уругвая, итальянец Факкетти, югослав Джаич, англичанин Чарльтон, болгарин Аспарухов...

Уходил великий вратарь.

Когда Яшина на руках несли по полю, трибуны стоя аплодировали. Не знаю, о чем думал он в те грустные минуты. Но убежден: не вспоминал о том, что был момент, когда вот эти самые трибуны были так несправедливы к нему, требуя расставания гораздо раньше.

Сильные люди всегда находят в себе мужество быть снисходительными...

...Футбольный болельщик своеобразен. Он не похож, допустим, на шахматного, внешне спокойного, задумчивого, или на хоккейного, импульсивного, нетерпеливого, постоянно жаждущего острых ощущений.

И смотрит он игру по-разному. Для одного нет ничего превыше результата. «Очки любой ценой!» - вот его главный девиз. Для другого гораздо важнее, как они добыты, в какой борьбе. Такой даже после победы любимой команды, если ее игра оказалась неинтересной, лишенной выдумки, настроения, может уйти со стадиона огорченным. И напротив - он многое может простить в случае неудачи, если его любимцы горели на поле огнем, жили игрой.

Вот такие мне особенно симпатичны. С ними приятно общаться, они обстоятельны в разговорах, объективны в оценках, никогда не спешат с выводами. Наконец, от них всегда веет доброжелательностью.

Другая же категория, наоборот, стремится всегда навязать только свое мнение и отстаивает его даже вопреки элементарной логике, споря до хрипоты там, где истина совершенно очевидна. Причем чаще всего слыша в споре лишь себя.

Да, болельщики бывают разными.

Однажды, совершенно случайно, мне довелось быть свидетелем довольно острого обсуждения моей игры. В сезоне восемьдесят четвертого года «Спартак» завершил первый круг в лидерах, и все в один голос прочили ему титул чемпиона. Но второй круг мы начали неважно: травмы, последовавшие одна за другой, заставляли все время что-то перекраивать в составе, менять в игре, сразу же потерявшей из-за этого недавнюю мощь.

Во втором круге в Лужниках мы принимали оказавшегося довольно неудобным для «Спартака» противником - вильнюсский «Жальгирис». В первые пять минут мы упустили два стопроцентных голевых момента. А на шестой... забили нам: Иванаускас справа под острым углом ворвался в штрафную и, не раздумывая, пробил в ближний от себя угол. Я же был уверен, что полузащитник «Жальгириса», как обычно в подобных ситуациях, прострелит вдоль ворот, и начал смещаться к дальней штанге. Вот почему его удар и застал меня врасплох.

Обсуждение этого гола заядлыми болельщиками мне и довелось потом совершенно неожиданно услышать. Один, негодующе размахивая руками, утверждал, что если бы не первый пропущенный мяч, то «Спартак» ни за что бы не проиграл. И что вот из-за таких «пенок» Дасаева команда потеряла игру, перестала набирать очки. Второй - более спокойный, хотя и не менее огорченный нашим поражением - пытался объяснить своему разгоряченному собеседнику, что у любого вратаря бывают спады, что если результаты клуба зависят только от состояния его голкипера, то, значит, дело не только в нем одном.

Я не знаю, чем закончился этот бурный диалог, дожидаться завершения которого не стал. Но, оказавшись невольным его свидетелем, лишний раз понял, как по-разному люди видят и воспринимают футбол.

И уверен, что из тех двоих болельщиков помогать на трибуне мне станет второй, потому что верит в Дасаева, который уже успел ему доказать свое право на место в воротах «Спартака».

Вот для таких мы и не щадим себя на поле ради победы, поскольку друзей, как известно, огорчать нельзя...

Мир футбольных болельщиков многолик. Кого только не встретишь порой на трибунах. Не редкие гости на них и те, кто сам не обделен зрительским вниманием, кто знает цену творческому успеху и много сил отдал тому, чтобы завоевать сердца самой требовательной аудитории, - это режиссеры, популярные актеры, писатели, поэты.

Видимо, все-таки существует какая-то давняя традиция, связывающая людей искусства, литературы со спортом. И особенно с футболом. Среди друзей «Спартака» таких немало:

главный режиссер театра Дружбы народов Евгений Симонов, режиссер киностудии «Мосфильм» Андрей Разумовский, поэт Юрий Ряшенцев, актеры Александр Калягин, Анатолий Ромашин, Вячеслав Невинный, Наталья Гундарева, Игорь Кваша.

Вообще, среди людей театра особенно много наших поклонников. Есть даже целая театрально-футбольная сборная, с которой мы дружим и встречаемся вот уже много лет. Да-да, именно футбольная. Я говорю о команде Театра имени Маяковского - коллективном спартаковском болельщике.

У нее свой тренер - уважаемый Гавриил Дмитриевич Качалин, всю свою жизнь посвятивший футболу. А помогает ему, несмотря на свою невероятную занятость, Армен Борисович Джигарханян. В составе «маяковцев» популярные актеры - Александр Фатюшин, Александр Мартынов, братья Ильины - Александр и Владимир, Юрий Соколов. Есть даже играющий администратор (он же по совместительству еще и центрфорвард) - Александр Гольдман. А директор театра - Михаил Петрович Зайцев - неугомонный начальник команды.

Мало кто знает, что с некоторых пор театральные коллективы столицы, а также сборная Госкино во главе с капитаном Никитой Михалковым проводят два турнира в год - зимний и весенний. Мне доводилось неоднократно бывать на этих матчах в роли зрителя. И, поверьте, вратарские приемы Мартынова, смелые проходы Фатюшина, изобретательность Михалкова вызывали чувство профессионального уважения.

Как правило, первенствует в подобных состязаниях сборная Большого театра, составленная в основном из артистов балета, всегда находящихся в отменной спортивной форме. «Маяковцы» занимают обычно второе призовое место. Ну, а на третьем чаще всего оказывается дружный коллектив «ленкомовцев», тон в игре которых задают два темпераментнейших форварда - Александр Абдулов и Николай Караченцов. А тренерское слово здесь принадлежит Олегу Янковскому, в прошлом, говорят, неплохому голкиперу.

Сами актеры шутят, что профессиональную спортивную практику они проходят на экране. Так, Александр Мартынов «становился рекордсменом мира» в картине «Право на прыжок». Армен Борисович Джигарханян и Виктор Иванович Коршунов исполняли роли футбольных тренеров в лентах «Одиннадцать надежд» и «Удар, еще удар!..» А Анатолий Владимирович Ромашин был наставником советских волейболисток в фильме «Путь к медалям». Кстати, он же утверждает, что идея «двойной» стенки (когда при штрафном сначала против мяча выстраиваются все футболисты, тем самым закрывающие обзор игрокам и

вратарю противника), так часто применяемой его бывшими земляками - ленинградскими зенитовцами, принадлежит именно ему.

Вот и получается, что мы - футболисты - отдыхаем и восстанавливаемся, приходя в театр или кинозал. А те, за кого переживаем, кому аплодируем на сцене или экране, прекрасно чувствуют себя в роли заядлых болельщиков. И все мы знаем, как нелегко даются настоящие творческие победы. Возможно, именно поэтому наша дружба такая давняя и прочная.

К числу наших самых строгих судей я отношу еще и журналистов, пишущих о футболе.

За время знакомства со многими из них я убедился, что профессия эта совсем не простая, как кажется некоторым, и чрезвычайно необходимая. Каждый отчет, каждое обозрение, комментарий, интервью - повод для размышлений, выводов, раздумий. Случается, правда, что не со всем прочитанным соглашаешься. Кое-что кажется спорным. Но и в таких публикациях все равно находишь для себя что-то очень нужное, мимо чего до этого мог бы пройти мимо.

Взаимоотношения людей футбола и тех, кто пишет о нем, не просты. Помнится, один из уважаемых футбольных обозревателей как-то публично упрекнул динамовца Валерия Газзаева в отчете о матче в стремлении, по его мнению, картинным падением в штрафной соперника выпросить у арбитра одиннадцатиметровый. По окончании игры стало известно, что в том моменте нападающий не без «помощи» опекавшего его защитника получил серьезную травму, после чего надолго выбыл из строя.

Не спорю, с трибуны могло показаться, что форвард лишь изображает падение - такое на поле случается. Но следует поинтересоваться, как все было на самом деле, проверить свои впечатления, которыми журналист явно поспешил поделиться с читателями.

Специалист, наверное, тем и должен отличаться от болельщика, что обязан знать намного больше. А потому к оценке игры каждого футболиста, команды в целом, ее результатов должен подходить без ненужных эмоций, руководствуясь только фактами. Поверьте, это вовсе не призыв к возможному оправданию на страницах тех или иных наших неудач. Четкая, грамотная информация не только помогает читателю быть в курсе футбольных дел и событий, но и мешает рождению среди них всевозможных сплетен и небылиц.

К примеру, в отсутствие своего лидера популярный клуб терпит неожиданное поражение. Естественно, болельщик тут же начинает интересоваться, почему того не было в составе. И сразу

же находятся «знатоки», которые непременно удовлетворят любопытство, сообщив, что футболист «Х» не играл потому, что в пух и прах разругался с тренерами, подав заявление о переходе в другую команду. Или еще хлеще - вчера (что они «сами видели») до утра гулял с дружками в «Арагви».

На самом деле «Х» неожиданно заболел и потому на поле не вышел.

Вот об этом непременно и следует рассказать журналисту и комментатору. И чем скорее, тем лучше. Иначе с помощью «горе-знатоков» родятся сплетни, которые порой оказываются далеко не безобидными.

Ну, скажите, кому приятно слышать о себе всякие небылицы. Помню, года три-четыре назад кто-то распустил слух, что вслед за своим другом Хидиятуллиным собирается перейти в ЦСКА и Дасаев. Я не мог подходить дома к телефону, буквально раскалившемуся от непрерывных звонков поверивших этим россказням болельщиков. И лишь после того, как попросил одного из журналистов под каким-нибудь предлогом сообщить в газете, что это, мягко говоря, просто неудачная шутка, их пыл заметно поиссяк.

Я очень люблю читать наполненные глубоким смыслом грустноватые размышления о футболе Льва Филатова. Всегда страстные, острые выступления Валерия Винокурова. Основанные на фактах рассуждения Олега Кучеренко. Точные и обстоятельные наблюдения Виктора Понедельника. Любопытные, разнообразные статистические публикации Константина Есенина. Интереснейшие рассказы о зарубежном футболе Геннадия Радчука.

Можно не всегда соглашаться с некоторыми их замечаниями, выводами. Но чем чаще я встречаюсь с материалами этих по-настоящему знающих футбол, преданных ему людей, тем яснее ощущаю, насколько велика их любовь к своей профессии, футбольной игре.

Вот почему и они среди наших самых строгих судей.

...Мы на скорости проскакиваем сквозь приветливо распахнутые ворота Лужников. Еще метров шестьсот-семьсот по набережной и, наконец, притормаживаем у восьмого служебного подъезда стадиона. Вокруг автобуса тут же смыкается кольцо болельщиков, которые, словно давние знакомые, приветливо улыбаются, машут руками, что-то кричат. И хотя в салоне за толстыми стеклами слов не разобрать, чувствуется, говорят они что-то доброе, хорошее. А скорее всего, просто желают удачи.

Вежливо отказываемся от протянутых ручек с блокнотами. Давать автографы перед игрой не принято -традиция. И спешим в

раздевалку, откуда за пятнадцать минут до начала матча выйдем на разминку, сразу же окунувшись в такой привычный и волнующий гул стадиона.

Чуть позже вместе с соперниками выстроимся в центре поля, повернемся лицом к трибунам, поприветствуем их.

Затем прозвучит свисток, и начнется ФУТБОЛ!

ДИАЛОГ СЕДЬМОЙ, в котором авторы пытаются выяснить, какими же все-таки должны быть отношения футболистов и их «самых строгих судей».

А. Львов: В размышлениях о взаимоотношениях игроков и болельщиков любители футбола выглядят слишком уж противоречивыми. С одной стороны, они и игру любят, и разбираются в ней, а с другой - бывают излишне категоричными, поспешными в выводах, способными в азарте переживаний не заметить талантливого игрока, быть несправедливыми к нему.

Так каков же все-таки нынешний футбольный зритель?

Р. Дасаев: Убежден: в сегодняшнем болельщике больше внимания, такта, объективности, чем чрезмерной горячности и нездорового азарта. Надеясь на победу своей команды, он тем не менее ждет от нее прежде всего игры, поскольку она и только она определяет его отношение к футболу.

А. Львов: Не слишком ли на сей раз идеальный портрет получился? Ведь ты сам вспоминал, как несправедлив был зритель в свое время к такому большому игроку, как Яшин, к тому же наделенному незаурядными способностями Грачеву.

Р. Дасаев: По своей натуре болельщик - максималист. Трудно упрекать его в стремлении видеть любимую команду не только постоянно в роли победителя, но и регулярно показывающей футбол высшей пробы. Когда зимой на торжественных вечерах нас по традиции поздравляют со вторым или третьим местом, многие с оттенком грусти здесь же напоминают об упущенных возможностях стать чемпионом. И это служит своеобразным пожеланием на будущий сезон.

А. Львов: Но каждому ясно, что одни пожелания болельщиков еще не гарантируют команде ожидаемых ими успехов. Ведь не известно, как сложится ее жизнь в следующем году. И возможны обстоятельства, которые нельзя предусмотреть заранее, - травмы футболистов, раннее форсирование формы, вызванное участием в европейском турнире, и, как правило, последующая ее потеря... Согласись, что все это загодя предвидеть сложно.

Р. Дасаев: Сложно, но необходимо. Зритель приходит на стадион получить удовольствие от игры. Он не знает, в каком состоянии находятся сегодня футболисты его клуба. Их же долг, несмотря ни на что, не разочаровывать его.

А. Львов: Однако тебе самому неоднократно приходилось появляться на поле не совсем здоровым. И в этом состоянии избежать ошибок удавалось не всегда...

Р. Дасаев: Переживал я свои промахи после матча так же, как если бы провел его абсолютно здоровым. В футболе существует закон: вышел на поле - играй!

Вот почему иной раз даже самая резкая критика болельщиков по сути своей оказывается верной.

А. Львов: Но ты сам рассказывал, как обидно было слышать от них после матча с «Зенитом» летом восемьдесят четвертого (который, кстати, ты провел с травмой), что, не пропусти Дасаев мячи со штрафных, пробитых Желудковым, «Спартак» наверняка бы не проиграл. Они же не упрекнули в неудаче, скажем, Черенкова и Милевского, упустивших великолепные моменты, или Гаврилова, который и вовсе не забил пенальти.

Р. Дасаев: Верно, тот матч я играл с больным коленом. Но сумей я отразить те удары, счет и впрямь мог бы быть иным...

А. Львов: Выходит, болельщик всегда прав?

Р. Дасаев: Я этого не сказал. Просто с тех, кто завоевал право называться мастером, спрос всегда особый.

Другое дело, что на трибунах не всегда успевают верно разобраться в возникшей ситуации. В той же уже упомянутой встрече с «Жальгирисом» в Лужниках я парировал сильнейший удар Янониса. А набежавший Якубаускас оказался тут как тут и забил второй гол. Кое-кто обвинил в этом меня. И в горячке мало кто на трибунах обратил внимание на то, что раньше Якубаускаса к отбитому мячу должен был подоспеть кто-то из наших защитников, обязанных в подобной ситуации подстраховывать вратаря.

А. Львов: У «Спартака» есть категория поклонников, от которых никогда не услышишь ни слова критики в адрес команды и ее футболистов. Они горой за нее в любой ситуации, при любых обстоятельствах...

Р. Дасаев: Речь, как я понял, идет о разноцветной, вечно взбудораженной группе молодых людей, которые обычно выбирают места на «севере» Лужников или «востоке» «Динамо», стремясь экстравагантным видом и «раскованным» поведением привлечь к себе внимание окружающих. И не только на стадионе, но и за его пределами.

Мне они не по душе. Поначалу я с любопытством присматривался к ним, старался понять, чем же их привлекает футбол? Но сейчас думаю: появление на трибунах для таких крикунов всего лишь возможность выплеснуть накопившиеся эмоции, что они и делают все девяносто минут встречи, а затем и

в метро.

Они забывают о том, что мешают сидящим рядом зрителям, считают, что бездумными выкриками и скандированием бессмысленных четверостиший помогают нам выигрывать. Их не волнует ни сам матч, ни игра с ее сюжетом, комбинациями, голами. Для них важен лишь результат.

А. Львов: Мне не раз приходилось от тебя слышать, как раздражает на поле крик и распущенность этих просто-напросто невоспитанных зрителей.

Р. Дасаев: Я играл на многих стадионах мира. На одних болельщики вызывали симпатию умением понимать игру, чувствовать ее, на других они просто мешали показывать ее.

На чемпионате мира в Испании, во время матча с командой Шотландии в Малаге, один из совершенно потерявших голову поклонников соперника бросил в меня с трибуны пустую пивную бутылку. Первым желанием было тут же вернуть «подарок» хулигану. Но сдержался - отвлекаться от игры не положено.

Вообще о разнузданности шотландских болельщиков наслышан весь мир, и их скандальная репутация известна далеко за пределами Британских островов. В некоторых странах им даже отказывают во въездных визах, опасаясь серьезных беспорядков.

И не скрою, всегда приятно слышать о радушии, гостеприимстве и высокой футбольной эрудиции нашего болельщика. Поэтому особенно досадно видеть на трибунах небольшую группу крикунов, воспитанием которых надо просто заняться. И поскольку это в основном молодежь, то почему бы райкомам комсомола не попытаться взять да организовать клубы болельщиков, где ребята могли бы обмениваться мнениями и новостями о последних событиях чемпионата, говорить и спорить о любой игре? К ним в гости могли бы приезжать игроки, тренеры, журналисты.

А. Львов: А не считаешь ли ты, что подобный контакт необходим не только молодому зрителю?

Р. Дасаев: Убежден, что регулярные встречи футболистов с болельщиками очень нужны. Во время них те и другие получают интересную информацию. Мы узнаем, что думают о нашей игре на трибунах, а болельщики имеют возможность удовлетворить свое любопытство, получив ответы на вопросы, как говорится, из первых рук.

От этого выиграет каждый из нас.

И прежде всего сама игра.

ПРОВЕРЯЕТ ИГРА

...Мы летим домой. В салоне Ил-62 тихо. Никто не снует взад-вперед по проходу, усталость вдавила всех в кресла - позади уже половина пути. За подернутыми морозцем стеклами иллюминатора сероватая дымка, и в ее причудливых формах вдруг видится мне табло леонского стадиона, на котором сквозь пелену тяжелого июньского дождя в бешеном темпе мелькают цифры убегающего от нас времени.

Еще мгновение - цифры застывают.

Обезумев от радости, еще не осознав до конца, что произошло, бросаются обнимать друг друга бельгийцы. А мы, словно оглушенные грозовыми раскатами грома, стоим и никак не можем поверить, что для нас все здесь, в Мексике, кончилось.

«Грандиозный спектакль с громким названием «Мундиал-86» опустил для советских футболистов занавес. И из его недавних участников они мгновенно превратились в зрителей, хотя и были в первом акте этого пышного представления на весьма заметных ролях» - так прокомментировала в утреннем выпуске наше поражение одна из мексиканских газет.

Но все это уже в прошлом.

Мы летим домой. И хотя знаем, что не прибудем в Шереметьево раньше положенного расписанием часа, все равно мысленно торопим время.

- Вы что-нибудь хотите? - предупредительно спрашивает внезапно появившаяся рядом с креслом стюардесса. И поняв, что ее услуги не требуется, так же неожиданно исчезает.

Что я хочу?

Моего, да это и не только моего, желания сейчас никто не в силах выполнить: вернуть время на двое суток назад, в Леон, и нам вновь сыграть тот матч с бельгийцами. Матч, разом перечеркнувший четыре года адского труда, надежд и ожиданий.

Сто двадцать промелькнувших как мгновение минут игры и тысяча четыреста шестьдесят невероятно долгих дней надежд. Какое жестокое соотношение времени!

Можно, конечно, успокаивать себя тем, что в числе неудачников оказались, как и мы, чемпионы мира -итальянцы, что сошли с дистанции раньше времени всегда устойчивые в турнирных спорах поляки, что уже давно дома португальцы. Но обсуждение чужих несчастий не может служить утешением. Это известно.

...Не думали мы в феврале, когда летели на «разведку», тренировочный сбор в Мексику, что нам придется покидать ее в

июне, оставшись за бортом мирового первенства, вот в таком настроении. Строили планы будущей игры, говорили о борьбе, которая предстоит. Но о неудаче?..

Убежден, что о ней даже канадцы, у которых до чемпионата вообще никакой футбольной репутации не было, не думали. Писали, что их тренер Тони Уотерс, узнав о результатах жеребьевки, невесело усмехнувшись, бросил: «Единственное в данной ситуации для меня и моих парней утешение в том, что соперники знают о нас столько же, сколько и мы о них. И вот здесь наши шансы равны».

Прав мистер Уотерс - пока игра не началась, шансы у всех равны. Не принимает она во внимание никакие прежние заслуги, титулы, не подсчитывает голы забитые и пропущенные.

На чемпионатах мира проверка особая - ИГРОЙ. По самому большому счету.

И готовясь к ней, необходимо учитывать любую мелочь. Вот почему, отправляясь в Мексику, кроме всего прочего, мы хотели поближе узнать, что же это за страна, где так восторженно, почти по-детски любят футбол, познакомиться с ее особенностями, поскольку заранее были наслышаны, как непросто там играть.

Подготовку в Мехико было решено провести под девизом «Сквозь тернии к звездам». За неполных три недели предстояло «объять необъятное» - проделать колоссальную тренировочную работу, познакомиться с особенностями климата, реакцией на смену времени, местную пищу, воду. И в ходе подготовки сыграть три контрольные встречи, одна из которых планировалась со сборной Мексики на знаменитом стадионе-гиганте «Ацтека».

Программа, как видите, чрезвычайно насыщенная. И составлялась в таком режиме, по всей вероятности, сознательно. К этому моменту сборная под руководством Эдуарда Васильевича Малофеева играла, жила и трудилась вот уже третий год. Позади был доставивший много волнений отборочный турнир, огромное количество разных матчей, перемен в составе, поисков, споров. И все-таки тренеры не были уверены до конца в правильности отбора. В Мексике они еще раз хотели проверить крепость каждого.

Забегая вперед, скажу, что февральский сбор внес ясность во многие вопросы, но одновременно породил и немало новых, острых, неожиданных, ответы на которые дали последующие события в жизни сборной. Причем в момент, когда она уже стояла на пороге мирового чемпионата.

...Наш путь лежал в небольшой, с полумиллионным населением городок Толуку, значившийся в туристских проспектах как самый высокогорный (2561 метр над уровнем

моря) в стране. В июне, так определил турнирный жребий, здесь должны были проходить встречи команд Ирака, Бельгии и Парагвая. По мнению обозревателей, им явно не повезло - разреженный, затрудняющий дыхание воздух, жара. Нас же подобные условия при подготовке вполне устраивали.

После шестнадцати часов, проведенных в самолете до Мехико, да еще полутора до Толуки в автобусе, мы, вконец измотанные длинным путешествием, прибыли на место.

Возле небольшого уютного отеля «Терминал», где разместилась наша команда, постоянно дежурил автобус с никогда не унывающим толстяком водителем Аугустино. Маршрут почти не менялся: к полудню отправлялись на двухчасовую тренировку на Центральный городской стадион, а часам к пяти на второе занятие, проходившее на кочковатом запасном поле. Начинался же день с зарядки прохладным, еще не отошедшим от ночных заморозков утром.

Все вроде бы как обычно, если бы не непривычные в феврале двадцать с лишним градусов тепла, не десятичасовая разница во времени, не густой, тяжелый воздух высокогорья. Поначалу скачок из зимы в лето показался приятным. Но прошел день-другой - и появилась вялость, стало не вовремя клонить в сон, во рту ощущались непривычная сухость и горечь.

Обо всех этих неприятностях акклиматизации нас предупреждал врач Савелий Евсеевич Мышалов. Но только здесь мы поняли, как трудно в таких условиях тренироваться и играть. Тем более что работа сразу же пошла серьезная.

Это почувствовалось уже по первым занятиям. Малофеев заранее предупреждал, что в Мексике нелегко будет. Мы и сами понимали - не на курорт едем, момент ответственный, придется попотеть. Но действительность превзошла все ожидания.

Даже самые привычные из нас к тяжелой работе, и те были обескуражены. Занятия были какими-то растянутыми, включали большое количество изнурительных разминочных упражнений, после которых к мячу уже не тянуло. Изматывали они не только физически, но и психологически. На каждую очередную тренировку приходилось настраиваться.

Возвращаясь с занятий в номер, мы с Морозовым с трудом стягивали с себя костюмы и долго сидели молча, не в силах сделать несколько шагов в душевую. А ночью усталость мешала заснуть.

Тяжело приходилось всем, но реагировали на это все по-разному. Одни молча терпели, другие недовольно ворчали. Находились и такие, которые говорили тренерам, что подобные нагрузки им не на пользу. Киевляне, например, привыкли к

совершенно иной работе, более динамичной, сконцентрированной во времени. К тому же они, видимо, боялись, что при таком режиме не сумеют сохранить необходимую свежесть к предстоящим в марте встречам Кубка кубков с венским «Рапидом».

Не все как вратарю нравилось в тренировках и мне. Довольно часто я и Михайлов оказывались в роли «живых мишеней» - так про себя называли мы упражнение, когда игроки, совершив рывок в несколько метров, наносили сначала один удар по воротам, а затем, получив передачу с фланга, тут же второй. После третьей-четвертой серии таких упражнений в глазах темнело от напряжения и усталости. И ни о какой работе над техникой ловли мяча уже не могло быть и речи.

Об этом я и сказал Эдуарду Васильевичу, предложив дать нам с Михайловым возможность больше работать с мячом в воротах. Малофеев внимательно выслушал, понимающе кивнул и со свойственной ему убежденностью сказал: «Все идет по плану, Ринат. Надо просто потерпеть».

Признаюсь, ответу старшего тренера я не удивился, поскольку за время нашего общения с ним успел узнать его характер и свойственную ему черту - до последнего стоять на своем.

Месяц спустя на встрече с журналистами в редакции газеты «Советский спорт» Эдуард Васильевич так охарактеризовал работу сборной в феврале:

- В Мексике на втором этапе (первый проходил в Испании на Канарских островах в январе) нагрузки возросли. Мы намерены выдерживать повышенные нагрузки и в дальнейшем, с тем чтобы избежать спада в конце мая - начале июня.

Говоря все это, Эдуард Васильевич ни на минуту не сомневался в правильности выбранного им курса при подготовке к чемпионату мира. И лишний раз подтвердил, что менять его не собирается.

Единственно, чего не мог тогда предположить старший тренер, что проверить свои положения и идеи в горниле первенства ему уже не придется.

С Малофеевым я впервые близко познакомился весной восемьдесят четвертого, когда нас, нескольких игроков сборной, пригласили к председателю Спорткомитета СССР Марату Владимировичу Грамову. Поинтересовавшись нашим настроением и самочувствием, председатель сообщил о решении назначить тренерами первой сборной Малофеева, Рогова и Салькова, до этого возглавлявших олимпийскую команду. Там же, в кабинете, нас и представили друг другу.

- Главное для вас - взаимное доверие, - напутствовал Марат Владимирович. - И успех придет.

- Ну, что же, будем работать вместе, - улыбнулся, пожимая на прощание руки, Эдуард Васильевич. - До скорой встречи...

О новом старшем тренере сборной я до этого слышал, что человек он требовательный, со своими взглядами на игру, подготовку к ней, умеет увлечь игроков, «завести», настроить на борьбу.

Правда, некоторые считали, что Малофееву не хватает соответствующей его профессии солидности. Слишком уж прост он в обращении с ребятами.

- Ну, куда это годится, - говорили они, - старший тренер клуба-чемпиона страны выходит на поле в спортивном костюме вместе с футболистами и участвует с ними в предматчевой разминке. Мальчишество какое-то!..

На мой же взгляд, ничего плохого в этом не было. Если таким образом тренер помогает команде лучше подготовиться к игре, то, стало быть, поступает он правильно. Да и во все времена тренерская деятельность оценивалась не поступками, а результатами. Не заметить же их в работе Малофеева было просто невозможно.

За четыре года он вывел минское «Динамо» из первой лиги и привел к званию чемпиона страны. Это стало настоящей сенсацией. И старший тренер победителей мгновенно оказался в центре внимания. Лев Иванович Филатов, подводя итоги сезона восемьдесят второго года, на страницах еженедельника «Футбол-хоккей» писал о Малофееве: «Я помню его форвардом, думаю, что свою сотню голов он наколотил благодаря честности перед футболом, благодаря душевной готовности всего себя отдать игре. Будучи человеком цельным, все это он проявил, не мог не проявить, получив специальное образование и став тренером. Не по нему было строить свое профессиональное благополучие на сохранении для минского «Динамо» приличного местечка. Дело не в том, что смолоду захотелось рискнуть попробовать силы. Просто он был намерен служить футболу в полную меру своих способностей. Это сидит в нем, такой он человек».

Я не переставал убеждаться при каждой встрече с Малофеевым, что он безгранично предан футболу, своему футболу, как он его видит, признает и в который верит.

В его футболе много от мальчишества, какого-то доброго озорства. Говорят, что и форвардом Эдуард Васильевич был именно таким, постоянно что-то ищущим в толчее у чужих ворот. Вопреки, казалось бы, всякой логике. И находившим. Сто голов - лучшее тому подтверждение.

В матчах с минчанами я нередко ловил себя на мысли, что многое в их игре - эмоциональность, непосредственность, упрямство - от характера Малофеева, с уходом которого команда потеряла это своеобразие, заметно выделявшее ее среди других.

Но не потерял тренер присущих ему качеств, что подтвердило второе место столичных динамовцев на чемпионате страны, до этого несколько сезонов кряду проведших в борьбе за выживание в высшей лиге.

В свое время капитан минского «Динамо» Юрий Пудышев по случаю «золотой» победы своего клуба сказал о Малофееве: «Мы многим обязаны Эдуарду Васильевичу. Он всегда верил в нас, а мы в него».

По окончании сезона-86 те же слова повторил в одном из интервью уже капитан московских динамовцев Алексей Прудников.

...Верил Малофеев, что и в сборной сумеет с каждым установить контакт, убедить в правильности выбранной им дороги и в том, что нам всем по пути. Вполне понятно, ему нужны были игроки, которые бы поддержали его, без колебаний пошли за ним.

Скорее всего, поэтому и пригласил он из минского «Динамо» Гоцманова, Зыгмантовича, Алейникова, Кондратьева. Игроки они, на мой взгляд, разные и по мастерству, и по отношению к делу. Кое-кто из них посчитал, что раз оказался в сборной, то место в составе ему гарантировано. А потому нет-нет да позволял себе на поле передышку устроить или посвоевольничать.

Эдуард Васильевич в таких случаях одергивал своих бывших подопечных, но болельщикам все-таки казалось, что он чересчур добр к ним, и при случае, когда игра у нас не получалась, а в составе выступали минчане, на трибунах по этому поводу высказывалось неудовольствие.

Тренеру, конечно, виднее, но из минской четверки по игре прав на место в сборной было больше у Гоцманова с Алейниковым (что время и подтвердило) , чем у Зыгмантовича и Кондратьева, хотя оба они не без способностей.

Но, повторяю, подбирает игроков, определяет состав только один человек - тренер. И если я коснулся этой в какой-то мере запретной темы, то лишь для того, чтобы показать, как непросто складывался новый коллектив сборной, какой трудный и небезошибочный поиск вело ее новое руководство.

У меня с Малофеевым сразу хорошие отношения сложились. Он мне доверял. Не обижался, когда я о чем-то говорил ему откровенно. Выслушивал обычно терпеливо, с вниманием. Однако поступал так, как считал нужным, - такой уж он по натуре. Но,

думаю, во мне все-таки видел единомышленника. Иначе не предложил бы избрать меня капитаном перед матчем с Норвегией, когда Саши Чивадзе уже в команде не было.

История ухода Чивадзе из сборной в свое время обросла разными слухами. На самом же деле произошло то, что нередко случается в спорте, - тренер и футболист поняли, что смотрят на игру и воспринимают ее по-разному.

Впервые серьезные претензии Эдуард Васильевич предъявил к Саше после проигранной в гостях отборочной встречи с ирландской командой.

- Ты как действовал в обороне?! - кипел старший тренер на разборе, обращаясь к Чивадзе. - Оставлял свободную зону, самовольничал. Полная недисциплинированность!..

Поражение в Дублине было из категории обидных. Если уж не победить, то вничью мы просто обязаны были сыграть.

Во втором тайме Алейников беспечно отнесся к рывку Робинсона по флангу. Тот легко ушел от него и прострелил в штрафную, где находились Чивадзе и Уолш. Ирландский форвард сумел изловчиться и пробить прямо из-под ноги Александра в дальний угол.

Виноваты, конечно, были все. Не может в футболе только один нести ответственность за пропущенный мяч, так же как не существует единоличных авторов забитых голов. Таковы закономерности игры.

Но на разборе тренер спросил Чивадзе. Тренер видит игру по-своему, по-своему и реагирует на нее. Саша -футболист опытный, самолюбивый, по-иному оценил ситуацию, и ему неприятно было слышать несправедливое, на его взгляд, обвинение.

На следующий сбор в Москву Чивадзе тем не менее вызвали. Он приехал в Новогорск с Олегом Блохиным. После недолгой беседы со старшим тренером Олег и Саша с базы уехали - нам сказали, что они не совсем здоровы. Появились они в сборной почти год спустя, после того как поражение в Копенгагене поставило под серьезные сомнения наш выход в финал мирового первенства.

...Команде Дании мы проиграли разгромно - четыре мяча я в сборной еще никогда не пропускал. Ошибок все тогда наделали много. К голам привели и две мои.

На двадцатой минуте здоровяк Элькьяер, которого в тот вечер, похоже, не смущала никакая опека, в очередной раз ускользнул от Сулаквелидзе и пробил. Мяч «нырнул», чиркнул по траве и проскочил под рукой в сетку. Так был забит второй гол.

«Наказал» меня и Лаудруп. Он подхватил мяч почти на своей половине поля и двинулся вперед. Балтача лишь спокойно

сопровождал его.

- Серега! - кричал я ему что было сил. - Встречай!

Когда, наконец, Серега решил помешать продвижению Лаудрупа, тот, чуть сместившись в сторону, нанес мощнейший удар. Мяч пулей влетел в ближний от меня угол, куда пропускать его, согласно вратарской науке, я не имею права.

Элькьяер и Лаудруп стали героями встречи. Оба забили по два гола. Причем, будто сговорившись, почти с одинаковым интервалом в четыре минуты. Уже по одному этому нетрудно догадаться, что в периоды с шестнадцатой по двадцатую и с шестьдесят первой по шестьдесят четвертую минуты в обороне нашей царили неразбериха и хаос.

Неорганизованность и беспорядок в обороне возникли не случайно: из-за болезни Боровского Сулаквелидзе пришлось занять непривычную для себя позицию переднего центрального защитника, Балтаче - заднего. Справа в спешном порядке появился Борис Поздняков. И лишь Демьяненко выступал на своем обычном месте.

Матч вскрыл много недостатков: и непрочность защиты, и неумение использовать выигрышные моменты и, что уже совсем недопустимо, игровую расхлябанность. Ну, как иначе можно назвать действия Алейникова? Под конец встречи он оказался один перед оставленными Квистом воротами. Но удар по мячу нанес как бы нехотя. Защитнику Нильсону без особых хлопот удалось отвести угрозу. И до этого Сергей снебрежничал: в начале второго тайма дал пас через середину, чем воспользовался Элькьяер, перехватил передачу и мгновенно бросил в прорыв открывшегося Лаудрупа. А тот не промахнулся. Так счет стал 3:1 в пользу датчан. В оставшееся время мы обменялись голами.

Сразу в гостинице по горячим следам состоялось собрание.

Больше всего упреков тренеры высказали (на мой взгляд, не совсем справедливо, скорее в сердцах) впервые сыгравшему за сборную Беланову. Да, Игорь себя ничем не проявил. Но тому были причины - в киевском «Динамо» ему в атаке гораздо больше внимания уделяют, а в сборной все оказалось незнакомым - и партнеры, и их игра. Только раз Гоцманов отличной передачей вывел его вперед. И если бы вратарь датчан Квист правил не нарушил, быть бы голу.

В числе главных виновников поражения были названы, кроме Беланова, Балтача, Сулаквелидзе, Алейников и я.

Разговор о матче - острый, принципиальный - был продолжен по возвращении домой. Проходил он на базе в Новогорске в присутствии членов тренерского совета Федерации футбола СССР, людей знающих, не по одному десятку лет отдавших игре -

Андрея Петровича Старостина, Михаила Иосифовича Якушина, Льва Ивановича Яшина.

Вопрос обсуждался один: «В чем причины столь чувствительного поражения?»

Ребята высказывали разные мнения, но большинство сошлось на том, что вышли на игру переутомленными.

Балтача: «Не хватало свежести. Ощущалась усталость. Отсюда и ошибки».

Алейников: «Мы явно перегрузились перед матчем с датчанами... »

Выступил и я. Заявил, что ни с товарищей, ни с себя как капитан ответственности за происшедшее не снимаю. Да, виноваты. Но в том, что нагрузки в занятиях были чересчур высоки, ребят поддержал.

- Когда все шло хорошо, никаких жалоб не раздавалось. Стоило же отступиться, как они тут же посыпались. Почему же раньше все молчали? - отреагировали тренеры.

Я вновь на правах капитана позволил себе с ними не согласиться. И прежде о том, что занятия следовало строить по-иному, ребята говорили, правда, не в такой острой форме. Но изменений не происходило, действительно все оправдывалось результатами.

Докладывая тренерскому совету, Эдуард Васильевич вполне резонно заявил, что руководствовался в подготовке ранее согласованными со всеми присутствующими планами и графиками, опираясь при этом на данные медицинских обследований.

Но всегда ли они дают точный ответ на вопрос: каков в настоящий момент игровой и психологический тонус футболиста? Ведь за цифрами живые люди. Каким бы исчерпывающим ни было заключение медиков и богатым опыт тренера, он обязан прислушиваться к суждению футболиста о своем самочувствии, его готовности к матчу. Без этого не может быть творческого контакта между тренером и игроками, который принято считать одним из факторов победы. Его отсутствие и обернулось поражением в Копенгагене.

Но неудача принесла и определенную пользу - объединила, заставила понять, что только сообща, без взаимных упреков, ненужной запальчивости можно многое поправить.

Не скажу, что все сразу, как по мановению волшебной палочки, изменилось. Но перемены произошли. И тренировок они коснулись, и состава. Заметно повеселели ребята.

Вновь в команде появились Чивадзе с Блохиным. Для укрепления защиты пригласили уже поигравших в свое время в

сборной Александра Бубнова и Николая Ларионова. А также цепкого, готового к любым хитростям соперников Геннадия Морозова, к которому я в «Спартаке» давно привык. Прибыл из Киева шустрый, задиристый Саша Заваров.

В товарищеских встречах в Лужниках с командами Румынии и ФРГ игра наша была уже более уравновешенной в обороне, сбалансированной в линиях. Хотя в организации и особенно в завершении атак еще не хватало законченности, остроты.

Было бы несправедливо утверждать, что в заключительных отборочных матчах с датчанами, ирландцами и норвежцами все проблемы оказались полностью решенными. Но то, что победы в них пришли не с помощью случая, а за счет решительности, хорошего взаимодействия, игрового превосходства, вряд ли кто станет оспаривать.

...Где-то после двух недель работы нам предстояло встретиться с мексиканской сборной. Перед этим в Гвадалахаре мы сыграли матч с местным «Атласом» - клубом средним, и три мяча в его ворота (один - Дмитриев и два - Заваров) восприняли как должное. А вот игралось тяжело - сказывались тренировочные нагрузки, не снижавшиеся даже перед матчами. Физическое состояние никак не приходило в привычную норму.

- Ничего, - убеждали тренеры, - все так и должно быть. Играем «на фоне усталости».

То, что мексиканская сборная - не «Атлас», было ясно. В предвкушении возможного успеха своих футболистов на предстоящий матч моментально переключались пресса и телевидение.

Интервью со старшим тренером хозяев, обаятельным, с улыбкой киногероя, югославом Боры Милутиновичем замелькали на страницах газет и голубом экране.

- Нам необходимо победить, - говорил он, обращаясь к болельщикам, между собой называвшим его запросто Борой. - Это поднимет дух, придаст уверенность.

На установке перед матчем Эдуард Васильевич заявил:

- Прежде всего нужно проверить свое состояние, определить, что дали тренировки.

А победа, видимо, подразумевалась им сама собой.

Сыграли мы плохо. Двигались тяжело, вяло. Казалось, девяноста отпущенным на игру минутам не будет конца. Мяч не слушался. Ошибка следовала за ошибкой. Лишь с появлением Черенкова, вышедшего вместо слабо действовавшего Зыгмантовича, атака чуть активизировалась.

Мой коллега Лариос особых волнений не испытывал. И понервничал, считай, лишь раз, когда удар головой нанес Блохин.

Меня же партнеры Лариоса беспокоили часто. Парировать удары капитана хозяев Боя и настырного Негрете оказалось делом непростым. Несмотря на свой невысокий рост, мексиканцы почему-то предпочитали вести наступление верхом, словно знали, что это принесет им в конце концов успех. И не ошиблись.

Бой двигался с мячом в углу штрафной, что заставило меня начать перемещаться в его сторону. Но вместо ожидаемого удара он сделал навес на дальнюю штангу. Бубнов на мгновение потерял из виду Агирре, который и поставил в комбинации точку.

Поскольку шансов забить, как я уже говорил, у нас почти не было, хозяева довели дело до победного конца. Финальный свисток вызвал на трибунах такую бурю восторга, будто через минуту хозяевам должны были вручить Кубок мира.

Подробно анализировать нашу неудачу вряд ли стоит. Матч был тренировочным. Тем более что Эдуарду Васильевичу важнее всего было посмотреть, кто и как успел к тому моменту адаптироваться, что дала предложенная им тренировочная программа.

Но поражение есть поражение. От него не отмахнешься. К тому же уступили сопернику, ни в чем нас не превосходившему. Огорчало и то, что матч смотрели дома. Наверняка у телеэкранов собрались миллионы болельщиков, которые ждали, уж если не блистательной победы, то хотя бы игры...

Но ни того ни другого не увидели.

Встреча на «Ацтеке» оставила неприятное ощущение. Усугубила и без того подавленное настроение. Не изменилось оно и после поездки в Ирапуато, где без затруднений был обыгран клуб первой лиги «Фрэсэрос». Особых событий в том матче не было. Разве что одно неприятное - удаление Заварова.

На итоговом перед отъездом собрании Рогов и Малофеев выступали резко.

- Мы недовольны отношением к делу Зыгмантовича, Литовченко, Алейникова, явно испугавшихся трудностей, - заявили они. - А поступку Заварова нет оправдания. Это распущенность, непозволительная игроку сборной. Руководству не нравится ваше настроение!

Не нравилось оно и нам.

И все-таки о будущих возможных неприятностях думать в тот момент не хотелось. Ну, проиграли, ну, устали - в футбольном деле не без этого. Потому, успокаивая себя, думали: «Время все расставит по своим местам».

Но чем меньше его оставалось до начала мирового первенства, тем чаще закрадывалась тревога: а что ждет впереди? Иначе и быть не могло - в каждом очередном контрольном матче

нас преследовали неудачи.

Спустя месяц после встречи на «Ацтеке» мы принимали в Тбилиси сборную Англии, которую годом раньше одолели в Лондоне на «Уэмбли». За это время наши составы заметно изменились. Изменилась и игра.

В гостях англичане чувствовали себя уверенней. Их не смутили ни первые наши атаки, ни даже назначенный за снос Демьяненко пенальти. Казалось, они заранее были убеждены, что неприятности в этот раз минуют их. В подтверждение тому мой коллега Шилтон выиграл спор у Чивадзе, обычно без промаха исполнявшего одиннадцатиметровые. Правда, на помощь голкиперу пришла штанга, как шутили грустно потом тбилисцы - двенадцатый игрок гостей.

В обороне они сохраняли типично английское хладнокровие и выдержку. В этом им в немалой степени помогали бесхитростность в атаке Родионова и Кондратьева. Заваров сыграл поинтересней. Защитникам пришлось с ним повозиться. Но до гола дело не доходило.

Во втором тайме англичане заметно прибавили. Переполох в нашей штрафной создавал неунимавшийся Линекер, три с половиной месяца спустя в Мексике ставший лучшим бомбардиром. А тогда, видно, он только отлаживал прицел и потому в Тбилиси снайперских способностей не продемонстрировал. Это удалось сделать Уодлу. Он получил мяч в штрафной от Бердсли, легко обыгравшего Бубнова. В итоге - 0:1 на табло и разочарование не ожидавших подобного исхода зрителей.

На пресс-конференции тренер англичан Бобби Робсон вел себя дипломатично.

- В советской команде больше остальных понравился Заваров, - сказал он. - Что касается моих ребят, то в их игре пока не все в порядке. Мы не смогли захватить с собой нашего диспетчера Робсона, а также форварда Хейтели. Так что у нас есть еще возможность кое-что изменить к лучшему. Но с этим надо спешить. До Мексики осталось совсем немного, - улыбнулся на прощание мистер Робсон.

А что же мы?

Вновь не забили, вновь пропустили, вновь не выиграли.

Но самое главное - вновь не показали игры.

Отчеты журналистов о матче с англичанами были наполнены тревогой. А болельщики уж и вовсе не скрывали своего раздражения.

- Что ж, побеждать удается не всегда. Но где игра? Почему ее не видно? - распаляясь в спорах, спрашивали они.

Словом, обстановка вокруг сборной накалялась. Подлило масла в огонь и наше очередное поражение. На сей раз от сборной Румынии. Все очень напоминало предыдущий матч в Тбилиси: не забил пенальти Чивадзе, не хватало сыгранности, не ладилось наступление. Вновь уступили с разницей в мяч - 1:2.

«Очень трудно избавиться от ощущения, что в атаке у нашей команды нет никаких средств, кроме прострелов с фланга и навесных передач в штрафную площадь», - отметил, рецензируя встречу с румынами, на страницах «Футбола-хоккея» обозреватель Валерий Винокуров.

Оснований для такой оценки наших наступательных действий было достаточно.

Ребята много двигались, проделали колоссальную работу. Очень хотели показать себя дебютанты -киевляне Яремчук и Рац. Отчаянные попытки забить предпринимал проводивший свой сотый матч за сборную Блохин. Но за старательностью не было видно главного - игры. Четкой, отлаженной, разумной.

От неудачи в Румынии до отъезда в Мексику нас отделял ровно месяц. Оставалась последняя контрольная встреча в Лужниках с финской командой. Поток критики в наш адрес усилился. Тем более что на фоне поражений сборной блеснуло киевское «Динамо», победившее в розыгрыше Кубка обладателей кубков. Пошли разговоры о том, что, «не ломая голову, в Мексику следует послать киевское «Динамо», которое уж наверняка в грязь там лицом не ударит...».

Тренеры не оставили без внимания победу динамовцев. И на матч с финнами ввели в состав семерых именинников: Кузнецова, Демьяненко, Яковенко, Яремчука, Бессонова, Раца и Беланова. Но этот ход не принес такой нужной победы.

Унылые и одновременно настораживающие нули на табло провожали нашу команду в раздевалку. Генеральная репетиция была с треском провалена.

Мы собрались в Новогорске, откуда должны были взять курс на Мексику. Последние дни перед отлетом проходили в напряженных тренировках. Но вот до нас доползли слухи, что, возможно, Малофеева сменит Лобановский. Честно говоря, в это не поверили - времени-то до чемпионата было в обрез. Да и путевку в Мексику мы все-таки завоевали под руководством Эдуарда Васильевича...

Но оказывается, в футбольной жизни логика далеко не все определяет.

Тот день шел согласно распорядку: зарядка, тренировка, обед, отдых. Часов около четырех в наш номер заглянул Владимир Максимович Сальков и сообщил, что вечернее занятие

будут проводить... новые тренеры. А сейчас состоится собрание.

Какие новые тренеры, какое собрание?

Со сна мы толком ничего не разобрали. И лишь когда в комнате отдыха увидели Лобановского, Симоняна, Морозова (Мосягин присоединился к ним чуть позже), поняли, - разговоры о возможных переменах оказались не пустыми.

Новое руководство представлял заместитель председателя Госкомспорта СССР Николай Иванович Русак -всегда спокойный, удивительно выдержанный человек.

Процедура была простой формальностью. Всех четверых мы, конечно, хорошо знали, некоторым уже пришлось вместе работать в сборной.

- Надеюсь, все происходящее будет воспринято вами с пониманием, - обратился к нам Валерий Васильевич Лобановский. - Это не означает, что прежние тренеры были плохими, а новые, в отличие от них, - хорошие. Задача первостепенной важности, которую предстоит нам решать сообща, - усилить игру. Считаю, пока ее нет. Времени отпущено мало. Поэтому прошу взяться за дело, засучив рукава.

Так в сборной не стало Малофеева.

...Лобановскому, как в свое время и Малофееву, прежде всего было необходимо наше доверие.

Ничего удивительного в этом нет. Футболист может потерять на время форму, скорость, точность удара. Все это поправимо. Но если он теряет веру в тренера, если рвутся нити, незримо связывающие их, то все старания добиться намеченного будут напрасны. Это все равно, что, сидя в одной лодке, грести в разные стороны...

На вечернюю тренировку нас вывели уже Морозов и Мосягин. Лобановский сразу же после собрания на два дня уехал в Киев. И вскоре на базу прибыло пополнение - Виктор Чанов, Баль, Евтушенко.

Все началось с нуля.

В прошлое возвращали лишь рождающие неприятные воспоминания видеозаписи матчей с англичанами и финнами. Их сопровождали лаконичные, меткие замечания Лобановского. И всякий раз речь неизбежно заходила о схеме игры, которую собирались взять за основу в Мексике.

- Прессинговать там все время не позволят условия, - рассуждал старший тренер. - Но полностью отказываться от этого оружия не стоит. Пользоваться прессингом надо разумно, исходя из возможностей, обстановки. Необходима умелая смена игрового ритма... Впрочем, на месте еще раз все проверим.

Мнение Лобановского во всех вопросах было решающим. И

всегда поддерживалось помощниками. И не только потому, что авторитет старшего тренера непререкаем. Просто все четверо, в какой-то момент объединившись, решили, что с этой поры их отношение к игре, ее восприятие раз и навсегда должны быть едины.

Мне показалось, при новой, после почти трехлетнего перерыва, встрече с Валерием Васильевичем, что время изменило его. Нет, тренерские убеждения остались прежними.

Но Лобановский стал более доступен, что ли, ближе. Не столь категоричен в выводах, гораздо внимательней к мнению других. Его деловитость, спокойствие довольно быстро заставили забыть о недавних передрягах.

Нас захватила работа.

Началась реконструкция на ходу. Нельзя было терять ни дня. Выходя на каждое очередное занятие, мы точно знали, что от нас требуется, чему следует уделить особое внимание, какова его цель. Работалось легко, в охотку.

Много внимания уделяли обсуждению будущих соперников по подгруппе. О канадцах мы толком ничего не знали. А вот о венграх и французах сведения у нас были.

Если полагаться на мнение прессы и результаты матча с бразильцами в Будапеште, то венгерская сборная к мексиканским испытаниям готова.

Да и французы, забившие пару «сухих» мячей на поле «Парк де Пренс» в ворота аргентинцев, возглавляемых Марадоной, даже в отсутствие таких асов, как Жирес и Платини, произвели внушительное впечатление.

Мы по нескольку раз просматривали видеозаписи матчей с их участием. Вглядывались в лица венгерских и французских игроков. И про себя прикидывали возможные варианты будущих встреч с ними. Каждый по-своему. Ведь только у шести игроков - у меня, Демьяненко, Чивадзе, Бессонова, Блохина и Баля - был за спиной опыт матчей мирового первенства. Всем остальным предстояло пройти через тяжелейшие испытания. Однако это обстоятельство не вызывало волнения у подчеркнуто уверенного в себе Заварова, не влияло на настроение никогда не унывающего Яковенко, не рождало сомнения у всегда сосредоточенного Раца или не знакомого с чувством робости Яремчука. Победа в Кубке кубков позволила им утвердиться в своем мастерстве.

Болельщики, взволнованные сменой руководства сборной, теперь сосредоточились на вопросе: какое место займет советская команда в Мексике?

Тренеры же и мы считали, что на первом этапе главное - выйти в следующий круг, определить, наладить игру. Говорить о

каких-то конкретных планах смысла не имело, ведь сборная, по сути дела, рождалась заново.

Так вышло, что после встречи с финнами сборная оказалась до отъезда без контрольных матчей, по мнению Лобановского, чрезвычайно необходимых. И тренеры решили провести в Лужниках спарринг-матч со столичными торпедовцами.

Я в той встрече не участвовал. Пробежал с несколькими ребятами десяток кругов вокруг поля и перебрался к зрителям на трибуны. А место в воротах занял Виктор Чанов.

Признаюсь, тогда, сидя на скамейке в Лужниках, впервые поймал себя на мысли: а буду ли играть в Мексике? Может быть, она родилась под влиянием дошедших до меня толков, будто бы Дасаев уже не тот? «Какой ему на «Ацтеке» мяч забили! А в Румынии?.. Чанова надо в ворота ставить в Мексике. Тут дело ясное...»

Говорят, со стороны видней. Действительно, я неудачно провел матчи с мексиканцами и румынами, но веры в себя не потерял. Был убежден, доведется сыграть в Мексике - не подведу. Думаю, что никто меня за подобные мысли не осудит. Если уж вратарь утратит уверенность, значит, надо ему с футболом прощаться.

Мы все знали, что в Мексике каждого из нас проверит игра. По самому большому счету.

В аэропорту Мехико сборную СССР ждала шумная встреча. Толпа радио- , фото- и телерепортеров мгновенно взяла нас в плен. Кто-то просил попозировать, направляя громадный объектив камеры, кто-то, нажимая на клавиши магнитофона, настойчиво протягивал микрофон. Так, окруженные плотным кольцом репортеров, мы добрались до стоявшего у входа автобуса. На часах было ровно двенадцать. Через десять дней именно в это время нам предстояло выйти на поле. На свой первый матч.

Нашим домом в Мексике стал мотель «Флорида», расположенный в центре старинного, с бесчисленными куполами церквей городка Ирапуато. Хозяин - добродушный сеньор Энрике Савал - с супругой и кучей детей как самых дорогих гостей встречал нас у ворот. Весь пятачок перед мотелем был заполнен гудящей толпой местных жителей, отметивших наше прибытие маленькой демонстрацией.

Появились симпатичные в нежно-голубых форменных костюмах девушки. На плече каждой синий платок с эмблемой первенства - футбольными мячами на фоне двух полушарий. Это были представительницы оргкомитета, которые любезно предложили нам сфотографироваться. И через несколько минут

мы держали сверкающие глянцем удостоверения участников чемпионата.

Тем временем небольшой отряд полицейских, получивших задание охранять советскую сборную, занял свои места. А мы, разобрав ключи, отправились по номерам.

Началось второе открытие Мексики.

... В специально отведенной немного тесноватой комнате отдыха, хозяином которой стал оператор Евгений Маликов, сразу же был вывешен распорядок дня. Вскоре усилиями Мосягина, Евтушенко и Краковского в ней уже появился первый номер стенной газеты. Здесь мы собрались, чтобы обсудить текущие события, обменяться впечатлениями, посмотреть какие-то из захваченных с собой видеокассет с записью любимых фильмов и концертов.

Один день сменял другой. И не каждый приносил приятные новости. В первой же контрольной встрече с командой местного университета потянул мышцу Чивадзе. Ох и невезучий же он человек! В какой раз с ним подобное случается! А сейчас и вовсе не ко времени: слишком уж мало было в наших рядах опытных, понюхавших пороха бойцов.

Дыхание чемпионата уже ощущалось повсюду. Почти круглые сутки телевидение транслировало фильмы, снятые на предыдущих мировых футбольных форумах, фрагменты наиболее примечательных матчей. Трудились репортеры, на экране мелькали знакомые лица футбольных знаменитостей: улыбающегося Марадоны, сосредоточенного Беккенбауэра, озабоченного Теле Сантаны, невозмутимого, с неизменной трубкой во рту Беарзота и других. Пестрели прогнозами и снимками журналы и газеты, предлагаемые крикливыми киоскерами.

Чаще всего брали интервью у знакомого нам по февральскому приезду Боры Милутиновича. О чем только ни спрашивали его журналисты! Но на каждый вопрос старший тренер хозяев чемпионата отвечал с неизменной улыбкой, уверенно. Трудно было разобрать-то ли действительно в лагере мексиканской сборной, как писали местные обозреватели, все в порядке, то ли это тактический ход тренера, умело скрывающего истинное состояние дел.

...До старта оставались считанные дни.

Все шло вроде бы нормально. Но неожиданно накануне матча с венгерской командой у меня по всему телу высыпали красные пятна. К полудню они начали чесаться.

Мышалов тут же поставил диагноз - аллергия. Его подтвердил и местный врач, к которому Савелий Евсеевич привел

меня на консультацию.

- Если хотите быстро поставить юношу на ноги, - сказал участливо мексиканец, - немедленно езжайте в клинику.

Почти шесть часов пролежал я с капельницей.

Когда процедура закончилась, ощутил невероятную слабость. Сразу же подумалось: «Как же завтра играть? Да и поставят ли в состав?»

Раньше подобная мысль вряд ли возникла - ведь я был капитаном сборной. Но накануне прошло собрание, на котором официально лидером избрали Толю Демьяненко. По натуре я не тщеславен. И к процедуре перевыборов отнесся спокойно. Понимал - она обусловлена обстановкой. К тому же считал: в сборной каждый должен нести функции капитана - проявлять твердость, быть примером для других. Волновало меня то, как отнесется Лобановский к тому, что почти полдня я провел в больничной палате...

И вот настал день, которого я ждал четыре года, - день матча с венгерской сборной.

Мы встали в восемь утра. Немного размялись с мячами. Слегка перекусили.

- Ничего, - говорил за завтраком приехавший с нами повар Николай Александрович Панин, - вернетесь с победой, я уж вас накормлю по-праздничному.

«Его бы устами...» - подумалось в тот момент.

Ровно в десять Чивадзе, Демьяненко, Заваров и я собрались в комнате Лобановского на первый здесь тренерский совет. По просьбе Валерия Васильевича каждый назвал свой вариант состава. Оказалось, что мнения тренеров и наши почти совпадают.

Почему «почти»? Лобановский считал, что вместо Блохина или Родионова, которых мы называли в качестве партнеров Беланова в атаке, следует ввести в состав Алейникова. Это, по его мнению, должно обеспечить превосходство в середине поля. А поддерживать Беланова в наступлении должен Заваров.

- Алейников сейчас в хорошей форме, - убежденно заявил Лобановский. - Он не подведет.

На установке старший тренер был, как всегда, лаконичен и точен.

- Нет нужды объяснять, насколько важен удачный старт. Поэтому прошу строго придерживаться игрового плана. Постарайтесь атаковать преимущественно флангами с участием защитников. При случае используйте прессинг. Стремитесь каждую атаку завершать ударами. И ни в коем случае не спорьте с судьями.

В той встрече с венграми мы оказались прилежными учениками, в точности выполнившими задание учителя.

...Не прошло и пяти минут, а у нас в запасе была уже пара голов. Такого бурного натиска противник явно не ожидал. Наш атакующий порыв в начале встречи вместо предполагаемой венграми осторожной разведки привел их в замешательство.

Вихрь наступления разметал оборону венгерской сборной. Проход Ларионова оторопевший Гараба сумел прервать лишь недозволенным приемом. Штрафной разыграл признанный специалист - Рац: мгновенное взаимодействие Беланова с Яковенко - и мяч в сетке ворот Дистла.

Затем сказал свое слово Алейников - не раздумывая, выстрелил метров с двадцати пяти по воротам, как бы оправдывая сказанное о нем на тренерском совете Лобановским.

Игра была полностью нашей. И несмотря на отчаянное стремление Эстерхази, Каприха, Детари и Петера, всерьез вступить в игру мне пришлось лишь раз, когда Детари опасно пробил головой. С каждым очередным голом (Беланов с пенальти, Яремчук и Родионов) венгры все больше теряли уверенность. И дело кончилось тем, что Дайка забил мяч в собственные ворота.

6:0! Подобный счет в комментариях не нуждается.

По мнению газет, в Ирапуато произошла «двойная сенсация»: первой сочли неожиданно крупный результат, второй - поразительно слабую игру сборной Венгрии.

По этому поводу была выдвинута масса гипотез. Одни обозреватели утверждали, что Мезэи выставил не тот состав. Другие заявили, что слишком уж поспешно старший тренер отказался от услуг ветеранов. Третьи поговаривали о возможном конфликте, возникшем между ним и футболистами накануне.

Наш первый соперник вовсе не был слаб. Видимость легкой победы в данном случае обманчива. Мы просто сыграли сильнее и задавали на поле противнику вопросы, на которые он не был в состоянии ответить. Наши аргументы в споре были весомей.

Пораженные «хоккейным» результатом газетчики сразу же перевели советскую сборную в число фаворитов, назвав «надеждой и открытием «Мундиаля-86».

В той встрече родилась КОМАНДА. Новая, самолюбивая, интересная...

Четыре года назад не было у нас той легкости, уверенности, которые команда показала в матче с венграми. И то, что все вот так сразу, с листа удачно получилось, было не результатом везения или стечения благоприятных обстоятельств. Все было по игре. И в исполнении новичков - Раца, Яремчука, Заварова, Яковенко, быстро нашедших общий язык с остальными, - она

выглядела продуманной, законченной, мощной. Потому премьера и удалась.

От победы на старте головы никто не потерял. Все понимали - трудности еще впереди. Но веру в себя она укрепила - как-никак, а была первой после выигрыша последнего отборочного матча с норвежцами в Москве.

...Когда садились в автобус, ко мне подошел невысокого роста, спортивного вида незнакомый человек. Представился: «Деттмар Крамер». Тот самый, что в свое время тренировал мюнхенскую «Баварию», когда в ней выступали Майер, Беккенбауэр, Мюллер. Сейчас ему за шестьдесят. Он - тренер - советник ФИФА. И похоже, на возраст свой особого внимания не обращает.

- Поздравляю, Ринат. Великолепно! - улыбнулся Крамер. - Вам большой привет от Харальда Шумахера. У меня от него небольшая посылка. Если не возражаете, через час доставлю ее в отель.

Крамер привез во «Флориду» небольшую спортивную сумку, в которой оказалась пара новеньких в целлофановом пакете вратарских перчаток, часы и записка: «Желаю, Ринат, чтобы мячи сами прилипали к этим перчаткам. А часы как можно дольше отсчитывали твое футбольное время. До встречи в финале на «Ацтеке». Харальд».

Быть может, последняя фраза кому-то покажется шуткой. Но, зная Шумахера не один год, успев изучить его характер, я ни секунды не сомневался - он без колебаний верит, что обязательно сыграет в финале.

Ясно, что ни я, ни Харальд тогда не могли предвидеть, что встрече этой не суждено произойти. И что матч на «Ацтеке», о котором он мечтал, станет одним из самых неудачных в его вратарской карьере.

Вот почему, отправляя ему с Крамером только что вышедшую мою книгу, написал: «Против встречи в финале не возражаю. Желаю успехов тебе, Харальд, и команде, которая... начинается с вратаря».

И поставил число - 2 июня 1986 года.

... В отличие от нас, сборная ФРГ стартовала гораздо скромнее, сыграв вничью с жесткой, грубоватой командой Уругвая. Лишь под самый занавес Аллофсу удалось сравнять счет. И не прояви Шумахер своих вратарских способностей, все для него и партнеров могло бы обернуться по-другому.

Трудно начала не только сборная ФРГ. Еле - еле удалось доказать свое превосходство над шотландцами и датчанам, неимоверных усилий стоила бразильцам победа над испанцами.

Не сумели одержать верх над алжирцами североирландцы. Лишь за двенадцать минут до конца добились перевеса над безвестными канадцами чемпионы Европы - французы.

Но меня эти результаты не удивляли: на чемпионате мира поначалу они могут быть самыми невероятными. Все встанет на свои места позднее.

Я в этом убедился в Испании...

- Предлагаю на время забыть о первой победе, - сказал перед матчем с французской сборной Лобановский. Это в ваших интересах. Сегодняшнего противника представлять не надо. Футбольных секретов для него не существует. Прошу особое внимание обратить на розыгрыш стандартных положений. Не упускайте из вида Платини. С него все в игре начинается...

Такова коротко суть выступления старшего тренера на установке перед отъездом в Леон, на игру с французами.

На подготовку к ней было отпущено всего два дня. Пауза более чем короткая. К полудню ртутный столбик термометра легко переваливал за отметку 30, опровергая данные рекламного проспекта, утверждавшего, что температура в июне здесь, в отличие от других районов, не превышает 22-23 градусов. Видимо, его составители боялись испугать мнительных туристов жарой, прибегнув к этой маленькой хитрости. А жару действительно переносить было трудно: во рту постоянно ощущалась сухость, мучила жажда. Не спасал и миниатюрный бассейн мотеля, из которого мы старались не вылезать в свободное время.

Правда, при мысли, что у нас за плечами есть уже победа, дышалось свободнее.

Каждый день нам доставляли десятки писем и телеграмм с Родины, писали совершенно незнакомые люди. Все желали нам успехов, такой же игры, как с венграми.

Одна телеграмма взволновала особенно:

«Дорогие ребята! Желаем вам больших удач и побед на полях Мексики. Коллектив Чернобыльской АЭС».

Люди, на долю которых выпало столько испытаний, там, дома, за тысячи километров тоже жили футболом.

Они верили в нас.

...Платини шел навстречу по проходу на поле и улыбался. Точно так же, как на громадном цветном снимке в утреннем выпуске «Эль Соль де Мехико». Рядом была моя фотография. Под ними кричащая подпись: «Забьет ли, наконец, месье Платини гол товарищу Дасаеву?».

Встреча в Леоне с Мишелем Платини была четвертой нашей с ним по счету. В трех предыдущих матчах фамилия его на табло

среди авторов голов отсутствовала. И хотя газеты то и дело напоминали об этом, на уколы прессы он внимания не обращал. Гораздо важнее для капитана французов было помочь партнерам забить гол. Что вовсе не означало его отказа от возможности использовать в игре и свой шанс.

После разминки по пути в раздевалку Платини еще раз улыбнулся мне, давая понять, что сомнения и тревоги не мучают его.

Но на небритом (предматчевая традиция) влажном от пота лице Мишеля все-таки угадывалось волнение. Я кивнул ему в ответ: «До встречи через несколько минут». Нас ждала игра.

Французы начали неспешно. Получив мяч, вперед идти не торопились. Сперва искали отходившего назад Платини, отдавали ему пас и тут же веером в ожидании ответного рассыпались по полю.

Мишель тоже внешне нетороплив. Вот он притормозил в центре, посмотрел направо, а сам, схитрив, сделал точнейшую передачу на левый фланг, по которому уже сломя голову мчался отличившийся в матче с канадцами Папен.

В первом тайме на чужой половине капитана французов попеременно встречали Заваров и Яремчук, а уже ближе к нашей штрафной за ним присматривал Кузнецов. Необходимо было также ни на мгновение не упускать из вида опасное трио - Папена, Фернандеса и Стопиру.

Приземистого, с копной рыжеватых волос и чуть приплюснутым «боксерским» носом крепыша Папена я знал по прошлогодним встречам «Спартака» с «Брюгге». Хитрый, смекалистый форвард. В Бельгии он мне гол забил. Доводилось играть и против Фернандеса. И он в футболе толк знает. Но на поле неприятен: не по-футбольному зол, грязной игрой не брезгует.

Во втором тайме ударил сзади по ногам Ларионова. Я был убежден, что бразильский судья Арпни Фильо удалит уже получившего предупреждение француза с поля. Но Фернандес схитрил-картинно упал на траву, схватился за ногу и сумел разжалобить арбитра.

До перерыва напоминали о себе Папен и Стопира. Удар первого я отбил на угловой. А мяч, посланный вторым, поймал.

Еще раз Платини убедительно показал, что в исполнении штрафных с ним мало кто может потягаться. Я был уверен, что Мишель, как обычно случается, пробьет мимо «стенки» в незащищенный угол. Но он неожиданно «подрезал» мяч в противоположный, где стоял я. И с такой силой, что тот, со звоном угодив в штангу, вылетел в аут.

Проводим атаку мы - тут же следует ответный выпад французов. И все безрезультатно. Примерно так ведут себя на ковре борцы, безуспешно пытаясь провести друг против друга прием, который бы принес перевес в споре. Но только зря тратят силы...

- Надо бить! - призывал в перерыве Валерий Васильевич. - Почаще, при первой же возможности. Ищите ее. Ищите постоянно...

Наконец, на пятьдесят четвертой минуте, будто вспомнив указания Лобановского, Яремчук, Беланов и Алейников разыграли стремительную комбинацию, в которой блестящим ударом в верхний угол поставил точку Рац.

Французы панике не поддались. Игру продолжали вести спокойно, терпеливо поджидая возможность рассчитаться. И дождались: на правом фланге вихрем пронесся Стопира, точным пасом нашел Жиреса, а тот уже вывел на удар Фернандеса, ускользнувшего от Алейникова. Француз идеально обработал мяч и неотразимо пробил.

Чуть позже, в раздевалке, Лобановский с сожалением бросил:

- А я-то надеялся, Ринат, что ты выручишь...

Возможно, это бы удалось, если бы Фернандес хоть на мгновение отпустил от себя мяч и дал мне хоть какой-то шанс. Но этого не произошло. И потому выходить под удар было бессмысленно.

Впереди было еще целых двадцать восемь минут. И время на табло за воротами Батса для нас тут же замедлило победный ход. Разом подступила усталость, ощутимей стала жара, злее и беспощадней солнце.

Тренеры почувствовали перемены в нашем состоянии.

Сначала заменили Заварова Блохиным, а после забитого Фернандесом гола - заметно «подсевшего» Яковенко, вместо него вышел Родионов.

Я ждал, что теперь окрыленные удачей французы лавиной двинутся вперед. Но вскоре понял: ничья для них - вариант вполне приемлемый. Однако полагать, что соперник согласен разойтись миром, было бы наивным. Поэтому я и не переставал призывать ребят действовать осторожней, без ненужного риска, с предельным вниманием.

Но силы таяли. Стало больше ошибок, неточностей. Этим воспользовался неунимавшийся Стопира: проскочил по флангу и послал мяч вдоль ворот. Краем глаза я уловил рывок откликнувшегося на передачу Папена. В падении он резко пробил головой. И лишь в последнее мгновение удалось отбить мяч ногами.

То был самый реальный шанс «трехцветных» выйти вперед. Такой же вскоре представился и нам: Беланов «украл» мяч у зазевавшегося Аяша, передал его Блохину, тот подключил к атаке Родионова. И вот уже один на один с Батсом выходит Яремчук.

Трибуны замерли - быть голу! Но Иван пробил как-то неуверенно, и вратарь французов облегченно вздохнул, увидев пролетающий рядом со штангой мяч.

Яремчук потом сокрушался, что в момент удара судорога свела ногу, а нужно было отдать пас набегавшему слева Беланову. Но это было уже после игры, когда с досадой понимаешь, что прояви в одной из ситуаций больше рассудительности, поторопись в другой, все бы могло сложиться по-иному.

Ничья с французами была отмечена газетами. Судя по откликам, игра понравилась всем. Обычно мексиканцы не любят матчей с подобным исходом. А здесь они оказались единодушны в оценке, заявив: «В Леоне был показан футбол, достойный мирового первенства».

Соперников наших счет, судя по заявлению их старшего тренера Анри Мишеля, устроил. Да и нам сильных огорчений не принес. Как-никак с чемпионами Европы встречались. И ни в чем им не уступили. Ничьи-то тоже разные бывают. И не после каждой спишь спокойно...

Встречи с венграми и французами оказались хорошей школой. В них проверилась игра, еще не устоявшаяся, но уже приобретавшая очертания. Не скупилась, говоря о ней, на похвалы привередливая пресса, не жалели комплиментов тренеры соперников.

Чемпионат, словно шумный праздничный экспресс, набирал обороты. Однако не у всех его пассажиров настроение было таким же безоблачным, как полуденное мексиканское небо.

Ну, кто, скажем, ждал в Монтеррее, в матче экс-чемпионов мира англичан с ничем, казалось бы, не зарекомендовавшей себя командой Марокко нулевого результата?

Сенсация? Бесспорная, поставившая британцев в труднейшие турнирные условия, которые осложнялись удалением Уилкинса и травмой капитана Робсона.

Ну, а прибывшие за океан английские болельщики вновь подтвердили свою печально-скандальную репутацию - отреагировали на все происшедшее дебошем на трибунах, который затем продолжили в городе. Тут уж вынуждены были забыть о гостеприимстве местные полицейские, и десятка полтора хулиганов были водворены в участок.

Вопреки ожиданиям мрачное расположение духа царило и в стане бразильской сборной. Получил серьезную травму ее лидер -

Зико, на мастерство и опыт которого надеялись тренеры и болельщики.

Невеселое настроение «трикампеонов» усугубил и матч с командой Алжира, победа в котором досталась им не без благосклонности судьбы: если бы не цепь ошибок алжирских защитников, Кареке вряд ли удалось бы забить спасительный гол.

- Четыре года назад в Испании мы выглядели на старте интереснее. Но ведь после поражения от итальянцев все для нас кончилось печально. Так стоит ли в Мексике раскрывать карты сразу? - отбивался от наседавших на него недовольных земляков-журналистов старший тренер бразильцев Теле Сантана. - Наберитесь терпения, сеньоры, и вы увидите футбол, который ждете от моей команды.

К концу борьбы в подгруппах спор о том, следует ли сразу открывать все козыри или имеет смысл поберечь их на будущее, разгорался все острее. И если верить первым результатам сборной ФРГ, то ее наставник Франц Беккенбауэр, как и Сантана, предпочитал стратегию постепенности. Вот уж кто должен был обладать стальными нервами, попав под шквальный огонь критики.

После вчистую проигранной датчанам встречи пошли разговоры о раздорах между тренером и футболистами, самым недовольным из которых назывался Румменигге, по мнению журналистов, обделенный вниманием наставника сборной.

В отличие от многих коллег Беккенбауэр не оправдывался.

- Да, - признавал он, - проблем у нас сейчас даже больше, чем накануне отъезда в Мексику. Они связаны и с потерями в составе, и с самой игрой. Но я бы не хотел считать их неразрешимыми...

Что это, необходимая дипломатия? Вряд ли... Скорее всего, Беккенбауэр понимал, что в данный момент команде необходимо больше всего его спокойствие.

...До матча с канадцами у нас было четыре дня. Тренировки шли по обычному расписанию. В свободное время собирались в комнате отдыха, но разговоры шли только о футболе. Обсуждалось все: пересек ли мяч линию ворот бразильцев в матче с испанцами после удара Мичела или нет? Что происходит со сборной ФРГ, так удачно выступавшей до мирового чемпионата? Станет ли Марадона лучшим футболистом первенства, как предсказывают газеты?..

Когда споры становились особенно жаркими, оператор Женя Маликов ставил одну из видеокассет, чтобы погасить их. И на экране появлялись популярные артисты - Алла Пугачева, всегда неунывающий Геннадий Хазанов... В гостях у нас побывали Андрей Миронов, Михаил Боярский и Александр Иванов, которые

с группой болельщиков проделали такое же путешествие, как и мы. Пошутили вместе, посмеялись. Нас расспрашивали о футбольных делах. Мы, в свою очередь, интересовались их творческими.

Когда они уехали, и мы, оставшись одни, разбрелись по номерам, неожиданно взгрустнулось: как там

дома?

...В день матча с канадцами нас удивил старший тренер. Лобановский, как и остальные тренеры, продолжал искать новые средства для усиления игры. Выслушав на тренерском совете предложенный мной, Чивадзе, Демьяненко и Заваровым состав (а мы в один голос назвали имена тех, кто выступал против венгров и французов. К чему менять состав, когда позади два неплохо сыгранных матча?), Валерий Васильевич неожиданно заявил:

- Руководство придерживается иного мнения, - и кивнул в сторону помощников. - Мы хотим дать сыграть тем, кто до этого находился в резерве. Оснований не доверять им нет. Кроме того, необходимо проверить их игровое состояние и дать передышку кое-кому из уже игравших.

Ее получили Демьяненко, Бессонов, Рац, Яковенко, Яремчук, Ларионов. Меня тренеры определили в запас. Признаюсь, я не обрадовался. Предстояла десятидневная пауза. Не знаю, насколько она была необходима остальным, но я в ней не нуждался. Не играя, вратарю трудно поддерживать форму.

Но, как уже говорилось, определять состав на игру - исключительно тренерская привилегия.

Как и рассчитывал Валерий Васильевич, канадцев мы одолели. Минут пятьдесят у ребят ничего на поле не клеилось. Правда, с трудом выручили Беланов с Заваровым, которые появились лишь во втором тайме, когда стало ясно, что с такой игрой нам не победить.

Вероятно, по-иному и быть не могло. Блохин, Евтушенко и Родионов до этого лишь на замены выходили, а Чанов, Баль, Бубнов, Морозов, Литовченко, Протасов и вовсе ни одной минуты в первенстве еще не сыграли. Взаимопонимания, без которого ни приличной атаки не организуешь, ни прочной обороны не создашь, между ними не было. Кроме того, каждый горел желанием показать себя, что еще больше мешало взаимодействию. Даже Алейников, удачно сыгравший в двух предыдущих встречах, затерялся в общем игровом хаосе.

Канадцы быстро смекнули, что соперник явно не тот, которого они ожидали встретить. И по левому флангу заметались Митчел и Норман. Одним словом, первая половина матча ничего, кроме раздражения, нам, уверенности противнику и недоумения

зрителям не принесла.

Да и начало второй мало что изменило.

Лишь когда Чанов в последний момент помешал ударить прорвавшемуся чуть ли не во вратарскую площадку Норману, Лобановский произвел первую замену. И, как выяснилось, вовремя.

Через две минуты мы разом вскочили со скамейки запасных: Беланов юркнул мимо уставшего Бриджа и прострелил вдоль ворот, где Блохин выцарапал мяч у защитника Уилсона - 1:0.

Недолго пришлось ждать и следующего гола. На сей раз Игорь ассистировал уже своему привычному напарнику в атаке - Заварову. И голкипер «Кленовых листьев», смельчак Летьери успел лишь от огорчения всплеснуть руками - 2:0.

Трудная победа, что и говорить. На мировом чемпионате легких встреч не бывает. Но на фоне двух предыдущих, проведенных на одном дыхании, эта словно бы вернула нас в недалекое прошлое, когда терзали сомнения и неопределенность.

Игра показала - любые перестановки в составе, если они не вызваны чрезвычайными обстоятельствами, нежелательны. А уж в обороне, где взаимопонимание, привычка друг к другу - основа ее крепости, особенно. Успокаивало лишь то, что в следующей встрече вариант защитной линии вновь будет прежним. К тому же, все мы еще надеялись и на возвращение в строй Чивадзе.

...Через два дня стал известен наш очередной противник. Им оказалась сборная Бельгии, сыгравшая в Толуке вничью с парагвайцами. Игра была жаркой, злой. Мы следили за ней по телевизору, прикидывая силу вероятных соперников. Даже с первого взгляда было ясно - характера, упрямства, веры в себя у них в избытке.

Следя за тем, как неудержимо метался по полю капитан бельгийцев светловолосый гигант Ян Кулеманс, я вспомнил нашу с ним прошлогоднюю встречу в Брюгге в матче Кубка УЕФА. И там он поражал страстностью, жаждой борьбы. В первом тайме Кулеманс метров с восемнадцати пальнул в «девятку». И с досады яростно рванул на себе майку, когда мне удалось отбить мяч.

Знаком мне был и легкий, подвижный как ртуть Шифо. Амплуа его сразу и не определишь. Все девяносто минут мечется он от ворот до ворот, ища любой встречи с мячом. И когда она случится - держи ухо востро.

В Брюсселе, когда мы выясняли отношения во встрече Кубка УЕФА с «Андерлехтом», Шифо больше остальных постарался, чтобы «Спартак» уехал домой огорченным.

Приложил к этому руку тогда и Веркотерен, сообразительный, хорошо обученный полузащитник. В Толуке он

забил в ворота парагвайца Фернандеса красавец гол: настолько хитро подсек мяч, что рослый голкипер увидел его лишь в сетке.

Бельгийцы в Толуке потрудились немало. Середину поля они сознательно оставляли противнику, а сами отходили назад, поближе к штрафной, где быстро выстраивали оборонительные редуты. Когда же подходил их черед наступать, то на подмогу форвардам Десмету и Вейту спешил неутомимый Кулеманс, временами оказывавшийся даже впереди их.

- Для меня и кое-кого из товарищей по сборной этот чемпионат скорее всего последний - ничего не поделаешь, годы идут, - заявил разгоряченный, еще не отошедший от игры Кулеманс корреспонденту «Эксельсиор». - И мы хотим оставить о себе в Мексике добрую память игрой и результатом. Пока они выглядят довольно скромно. Но, поверьте, у нас есть резервы, чтобы заставить удивиться футбольный мир...

На следующий день газета «Ультимас нотисиас» рядом с интервью капитана бельгийцев опубликовала эффектный снимок: распластавшись в воздухе в каком-то невероятном прыжке Кулеманс, прорывая строй опекунов, наносит головой удар по воротам.

Такие кадры красноречивей всяких слов.

... - Ну, как тебе бельгийцы? - спросил я после просмотра матча сидевшего рядом Чивадзе.

- По-моему, чуть сильнее, чем четыре года назад в Испании, - помедлив, ответил Саша, - но обыгрывать их можно.

- Можно, - подтвердил Анатолий Демьяненко, - хотя команда нынешнего образца явно покрепче.

Не скажу, что и та, с которой мы встречались в Барселоне на «Ноу камп», характером не обладала. Но Толя был прав - в Мексике бельгийская сборная показалась более мощной, чем в Испании.

Итак, соперник был известен. Кого-то из его футболистов мы знали прежде, кого-то увидели только здесь. Не был для нас секретом и излюбленный прием бельгийцев в обороне - искусственный офсайд. И теперь на тренировках атакующие упражнения строились с таким расчетом, чтобы избежать в игре возможной ловушки противника.

Немногие команды пользуются подобным вариантом защиты. Слишком уж он рискован. А вот бельгийцы не побоялись оставить его в своем арсенале, хотя и знают - чуть зазевался партнер, не успел вовремя покинуть зону, оставив в ней кого-то из соперников, на судью не надейся - свистка не даст. И ошибка может стать непоправимой.

Знал об этом и каждый из нас. Но теория есть теория. И на

поле, в горячке, о ней порой забываешь. За что и приходится горько расплачиваться...

- Вставай, Ринат, а не то свой день рождения проспишь.

Я открываю глаза и вижу улыбающееся лицо склонившегося надо мной массажиста Олега Соколова.

На часах ровно восемь. Сквозь плотные занавески окна в комнату продирается не по-утреннему жаркое солнце. И до меня, наконец, доходит: ведь сегодня тринадцатое июня - день моего рождения.

В иной обстановке я бы наверняка о нем не забыл. Но здесь жизнь оказалась поделенной на отрезки от одной игры до другой. Вот так и затерялся среди них мой главный день.

- Ну что, вспомнил? - засмеялся Соколов. - Вот и хорошо, а теперь давайте с Морозовым быстренько на зарядку.

Спустя несколько минут меня уже шумно поздравляли ребята и тренеры.

А вечером во «Флориду» прибыли представительницы оргкомитета, которые встречали нас в день приезда. Они устроили по поводу «знаменательного» факта моей биографии в мотеле праздничную мини-фиесту. Гости привезли с собой в подарок огромный торт и расшитое серебром черное сомбреро, которое тут же заставили примерить.

- Мексикано! Мексикано! - улыбаясь, кивали они в мою сторону. И поднимали вверх в знак одобрения большой палец.

Затем поперек дворика на двухметровой высоте натянули веревку. Посередине ее ловко пристроили туго набитый чем-то узел. Мне завязали глаза, вручили палку и, покрутив несколько раз на месте, дали задание сбить загадочный мешок. После двух-трех неудачных попыток под общий смех я вынужден был сдаться.

Выручил Миша Насибов. Смело шагнул вперед и легко, будто заправский рубака шашкой, махнул палкой. На землю дождем брызнули конфеты и еще какие-то переливающиеся разноцветной упаковкой сладости.

Вот таким приятным оказался тот вечер. Предпоследний перед матчем с бельгийцами.

Признаюсь, ожидал я этот матч с какой-то внутренней тревогой. Родилась она после того, как на тренировке получил серьезную травму Ларионов. Стало ясно - без перестановок в обороне не обойтись. Матч с канадцами уже показал, насколько они нежелательны. И когда Мышалов объявил, что Николай на поле выйти уже не сможет, я про себя начал прикидывать все варианты защитной линии.

Наилучшим я считал перевод на правый фланг вместо Ларионова Володи Бессонова. А задним центральным

защитником в таком случае мог бы сыграть Чивадзе.

- Сможешь? - спросил я Сашу накануне встречи, имея в виду его состояние.

- Должен, - уверенно ответил Александр, вот уже три дня занимавшийся в полную силу.

Подобный вопрос Чивадзе вскоре задали и тренеры. И услышали от него точно такой же ответ. После завтрака ко мне подошел Симонян.

- Кого бы ты поставил в оборону, Ринат? - поинтересовался он.

- Задним центральным защитником - Чивадзе, передним - Кузнецова. А крайними - Демьяненко и Бессонова.

- Ты уверен в Чивадзе? - внимательно посмотрел на меня Никита Павлович. - А вот у нас возникло сомнение, очень уж давно он не играл. Потому, думаем, вместо Ларионова ввести Баля. Впрочем, еще посмотрим...

Но, судя по всему, все уже было решено.

Чивадзе на сей раз на тренерском совете не присутствовал. Мое предложение доверить ему место в составе оказалось единственным. И поддержки не нашло. Демьяненко и Заваров, как и тренеры, считали, что должен играть Баль.

Я вовсе не был против Андрея - проверенного временем футболиста. Но в роли крайнего защитника, хотя у себя в клубе он в ней и появлялся время от времени, его не представлял.

Что касается Бубнова и Морозова, то разговора о включении их в состав даже не велось. Видимо, в игре с канадцами надежд тренеров оба не оправдали.

Но ведь и Баль в той встрече звезд с неба не хватал...

Я при разговоре Чивадзе с руководством не присутствовал. Может, не слишком убедительно говорил Александр? Или вел себя недостаточно уверенно? Судить не берусь. Решающее значение, наверное, имело то, что Баль уже играл с киевлянами - Демьяненко, Кузнецовым и Бессоновым. Значит, контакт между ними был. Это и перевесило чашу весов в его пользу.

- Никакой самоуверенности. Соперник серьезный. Испытанный, грамотный. Ни малейшего расслабления, - напутствовал Валерий Васильевич на установке.

Говорил он эти на первый взгляд «дежурные» слова не зря.

Обладая очень ценным тренерским даром - умением чувствовать настроение тех, с кем работает, Валерий Васильевич догадывался, что кое у кого, помимо воли, сложилось мнение, что и в этой встрече все обойдется без неприятностей. Про себя, наверное, каждый прикидывал многочисленные «за» и «против». Вспоминал, что мы в подгруппе первыми уверенно стали, а

бельгийцы в своей еле за третье место зацепились, что мы девять мячей венграм, канадцам и самим французам забили, а они своим противникам - мексиканцам, парагвайцам и иракцам - только пять...

Подобной нехитрой арифметикой хочешь не хочешь, а занимаешься. И никуда от нее не деться. Коль об игре думаешь, то и всякие подсчеты невольно в голову лезут. И если цифры в твою пользу складываются, это незаметно расслабляет, заставляет полагать, что оснований для волнений нет.

Лобановский об этом знал. Потому на установке, кроме объяснения тактического плана и прочих указаний по игре, о собранности и дисциплине особо говорил. Но, как мне кажется, вирус самоуспокоенности кое в ком уже сидел.

Матч с бельгийцами длился сто двадцать минут.

Для нас он пролетел как одно мгновенье.

И походил на боксерский поединок, в котором один из противников, имея явное преимущество, наносит удар за ударом. А другой, вроде бы особой активности не проявляя, отвечает короткими, но очень точными, чувствительными выпадами. И в конце концов победно вскидывает вверх руки.

Это сделал наш соперник.

Когда упустили мы игровую нить, которую, казалось, прочно держали в руках? В какой момент дали бельгийцам возможность поверить в удачу? Почему терялись, когда они, наверное, и сами тому удивляясь, завершали свои нехитрые комбинации?

Любая встреча рождает вопросы. Проигранная - вдвое больше. И чем точнее, обоснованней ответы, тем больнее поражение, острее боль.

...Мы начали так же мощно, как с венграми и французами. На пятой минуте рванул слева мимо зазевавшегося Грюна Рац. И его уже в штрафной срубил подоспевший на помощь Шифо. Пенальти?!

Заранее оговорюсь - рассказываю о матче как участник. Возможно, поэтому события его для некоторых неожиданно предстанут по-новому. Если так, то есть возможность сопоставить свои наблюдения с моими. Взглянуть на игру под иным ракурсом.

...Сто раз потом смотрел в видеозаписи момент, когда Шифо Раца в штрафной «скосил», и столько же убеждался - чистый одиннадцатиметровый! Но шведский судья Фредриксон даже бровью не повел. Взмахнул по-дирижерски рукой: мол, продолжайте, все в порядке, ничего не случилось. Наши спорить не стали. Я тогда подумал: «Почему?» Ведь обычно в таких случаях стараются своего, честно добытого не упускать. А здесь ребята спокойно согласились с судьей. Может, надеялись, что

таких моментов еще много будет?..

Но было не до размышлений.

Мы продолжали нагнетать темп. Заваров с Кузнецовым помогли Беланову найти мгновенье для удара. Но Игорь послал мяч над перекладиной. Тут же Паша Яковенко метров с восемнадцати своим коронным «щелчком» с левой проверил Пфаффа. И бельгийский вратарь, метнувшись за мячом, с трудом отбил его на угловой.

Гол был нужен. Очень нужен. Пока не пропала легкость, пока пружинила, а не вязла под ногами земля, не налились усталостью мышцы.

Бельгийцы заранее просчитали: и что мы вот так, с места в карьер начнем атаковать, и что в скорости с нами состязаться не резон. А потому, завладев мячом, старались его у себя подольше подержать, темп сбить и нас вхолостую заставить побегать. На двадцать седьмой минуте Беланов, однако, вынудил их встрепенуться.

Получив от Раца мяч, Игорь сделал очередной скоростной зигзаг вправо и хлопнул, как из ружья, в дальний от Пфаффа угол.

Трибуны стадиона рванулись восторженным эхом. Бельгийцы засеменили к центру. Теперь-то им требовалось срочно менять игровую программу. За что они и взялись не мешкая. Начали постреливать по воротам Геретс, Вервоорт, Шифо. Били неточно. Но сигнал к перемене обстановки на поле был дан. Мы же к этому были готовы. Без суеты, когда теряли мяч, в обороне перестраивались. А случай представлялся - сами укол наносили. И еще до перерыва могли забить гол, окажись дважды поточней Заваров. Сначала, после его удара головой, мяч оказался в руках Пфаффа. В другом эпизоде голкипер прервал проход Александра уже за пределами штрафной.

...В раздевалке, вея прохладой, чуть слышно гудят кондиционеры. Первые минуты отданы тишине, от которой за тайм мы успели отвыкнуть. Наконец, Лобановский перестает ходить вдоль кресел.

- В целом все пока идет, как и задумывали, - спокойно говорит он. - Но сделана только половина дела. Необходимо еще прибавить в движении. Попытайтесь поймать бельгийцев в момент, когда они применяют в обороне искусственный офсайд. Ловите их на контратаках.

Валерий Васильевич останавливается в центре комнаты. Еще раз оглядывает нас, уже готовых к выходу.

- ...И не забывайте - внимание, предельное внимание в каждом эпизоде. Никакой самодеятельности!

Во втором тайме все до срока могло в нашу пользу решиться. Беланов, казалось, бил головой наверняка. Но Пфаффа выручила штанга. А после повторного удара Яковенко Ренкин выбил мяч с линии пустых ворот. Убежден, забей мы тогда, соперник дрогнул бы, сломался. Провести три мяча в ответ на два пропущенных ему бы вряд ли оказалось под силу.

Но мы не забили. А вот бельгийцы сразу вслед за этим преподнесли нам урок того, какую выгоду в атаке можно извлекать из ситуации, казалось бы, совершенно безобидной...

Из чего рождаются голы?

Ответов множество: «в результате красивой комбинации», «вследствие индивидуальных действий игрока», «после красивого, дальнего удара...» Так обычно пишут в газетных отчетах, но при этом почему-то забывают, что гол еще и следствие чьих-то ошибок. На первый взгляд почти незаметных. Значения им на трибунах, как правило, не придают. Однако не допусти их кто-то, не состоялась бы «красивая комбинация», «незабываемый удар», «идеальная обводка».

Бразильский тренер Феола однажды очень точно подметил:

- В футболе играют настолько хорошо, насколько позволяет соперник.

Даже мизерного шанса, подаренного тобой на поле противнику, может оказаться достаточным, чтобы он добился цели.

...Атака, после которой мяч впервые оказался в сетке за моей спиной, внешне вроде бы ничего неприятного не сулила - развивалась медленно, легко читалась. И вдруг в простейшей ситуации, когда с мячом можно было сделать все, что угодно, Олег Кузнецов не нашел ничего лучшего, как отправить его в аут.

Уверен, на это даже внимания никто не обратил - подумаешь, аут, сколько раз подобное за матч случается. А гол с него-то и начался. Мы отдали сопернику инициативу. Пусть на мгновение, но отдали. Он получил мяч, а вместе с ним тот самый шанс начать атаку, которого до этого не имел.

За него не только в футболе бьются. На баскетбольной, волейбольной, хоккейной площадках право атаковать многого стоит. Овладел мячом, шайбой - ты хозяин положения.

Вейт вбросил аут Веркотерену. Тот быстро сделал длинную передачу в нашу штрафную. В борьбу в воздухе вступили Демьяненко и Кулеманс. Но мяч их миновал и оказался у прокравшегося в глубь штрафной Шифо. Рядом с ним находился Яремчук. Иван вдруг будто оцепенел. И бельгиец без помех точно пробил - 1:1.

Мы пропустили первый чувствительный удар. Но в нокдауне

не оказались.

- Внимательней в обороне! Максимум внимания! - кричали со скамейки тренеры, напоминая сказанное ими на установке и в перерыве.

Теперь уже лавиной вперед пошел противник. Забитый гол всегда рождает надежду на следующий.

Кулеманс из полузащитника моментально превратился в центрфорварда, за которым, как за крейсерским флагманом, понеслись Классен и Шифо. Эту тройку поддерживали Веркотерен, Вейт и Вервоорт. Перемена в игре бельгийцев на некоторое время привела нас в замешательство - начали чаще рваться комбинации, больше стало неточных передач. Так продолжалось минут пятнадцать, пока вновь не блеснули Заваров с Белановым: Саша своевременно отреагировал на рывок Игоря, идеально вывел его на удар. И тот, выдержав паузу, отправил мяч в самый угол.

На семидесятой минуте мы вышли вперед. Как выяснилось, в последний в этой встрече раз.

Все дальнейшее происходило, словно в кошмарном сне. И когда он кончился, понять и оценить происходящее еще долго не было сил. В случившееся не верилось. Все заслонили отчаяние и обида. В памяти до сих пор вспыхивают саднящие душу эпизоды.

...Кулеманс был один. Совершенно один. Мгновением раньше Бессонов, страховавший остальных защитников, почему-то устремился вперед, решив сделать искусственное положение «вне игры», которым мы прежде никогда не пользовались. И таким образом, оставить прибежавшего к нашей штрафной капитана бельгийцев не у дел.

Кулеманс отнесся к маневру Владимира по-своему - не стал прикидывать, все ли происходит по правилам, обращать внимание на поднятый боковым арбитром Санчесом флаг. Принял мяч на грудь и вторым касанием вколотил его в сетку.

Мы буквально остолбенели от неожиданности - ведь был чистейший офсайд! Но, увидев направившегося к центру Фредриксона, бросились выяснять отношения к Санчесу. А тот уже успел опустить флажок и без тени смущения жестами начал доказывать, что все произошло в соответствии с футбольными законами.

Пришлось начинать с центра.

Этот ответный гол за тринадцать минут до конца матча сломал нас. Победа, которая уже почти была в руках, уходила. А может быть, мы чересчур рано уверовали в нее?

Предстоял отсчет нового времени - дополнительного. Непредвиденных, неожиданно свалившихся на нас полчаса игры.

Духота стояла неимоверная. С юга, вспыхивая молниями, надвигалась гроза. Для нас она уже прогремела голом Кулеманса.

- Почему ты не подсказал Яремчуку, что надо атаковать Шифо?! - бушевал во время короткого перерыва, глядя на меня, Лобановский. И, не став выслушивать объяснений, перекинулся на Бессонова. - Что за самодеятельность, Володя?! Кто дал тебе право оставлять Кулеманса одного?!

- Но ведь было же вне игры, вы ж сами видели. И «боковой» флаг поднят, - оправдывался Владимир.

Но старший тренер, казалось, не слышал.

- Какое ты имел право рисковать?! Ведь это же чемпионат мира!

Тренеры пытались встряхнуть нас, вывести из оцепенения. Ругали, подбадривали, советовали. Мы что-то говорили в ответ, спорили, соглашались. Но делали это уже скорее автоматически. И вдруг страшно захотелось вскочить с нагревшегося игрой и солнцем поля, на котором мы остались передохнуть после основного времени, и, забыв обо всем, убежать в прохладный покой раздевалки...

Но раздался пронзительный свисток невозмутимого Фредриксона. Предстояло пройти еще одно испытание игрой.

...Третий гол начинался примерно так же, как и первый, - с неприметного на первый взгляд промаха Кузнецова. Погорячившись, Олег выбил мяч на угловой в ситуации, абсолютно этого не требовавшей. Бельгийцы быстренько его разыграли. Герест, увидев в штрафной Дель Моля, тут же верхом отправил ему мяч. Стоявший с ним Баль вместо того чтобы перехватить передачу вдруг зачем-то рванулся в сторону. И бельгиец беспрепятственно резко пробил головой.

Так же странно повел себя Андрей и чуть позже, когда забивался четвертый гол. На сей раз Баль бросил без присмотра Кулеманса. И тот точненько скинул головой мяч под удар набегавшему Классену.

На два забитых в этом заключительном раунде бельгийцами гола удалось ответить лишь одним. Беланов реализовал пенальти, назначенный за десять минут до финального свистка. Для нас он прозвучал не более чем запоздалым извинением Фредриксона за все допущенные им ошибки.

Вообще в последней тридцатиминутке соперник выглядел уверенней, мощней, наносил удары в самые уязвимые места. Все очень напоминало штормовую качку, когда опора под ногами зыбка, ненадежна. И не знаешь, что может произойти в следующую секунду. Выход Родионова и Евтушенко вместо Заварова и Яковенко ничего не изменил. Попасть в ритм игры им

попросту не удалось. Не показали ожидаемой свежести имевшие десятидневный игровой перерыв Яремчук и Рац. Оба напоминали о себе лишь эпизодами. Неважно выглядел Алейников.

Что касается обороны, то здесь было допущено столько промахов, что, используй соперник хотя бы половину из них, мог бы забить нам больше, чем четыре мяча.

Ну, а что же ты сам? Какую оценку себе поставишь?

Подобные вопросы вратари задают себе после каждой встречи. Даже тренировочной. И ответы на них находишь не сразу: взвешиваешь, анализируешь, стремясь ничего не упустить, быть предельно точным, объективным. Обманывать, успокаивать себя, валя всю вину на другого, резона нет. Только себе навредишь в будущем на поле.

Здесь непросто разобраться было. Но сколько ни прикидывал я, ни сопоставлял моменты, завершившиеся голами в мои ворота, неизменно приходил к выводу - действовать только так, а не иначе меня заставляла обстановка.

Когда забивались первый, третий и четвертый мячи, рядом с Шифо, Дель Молем и Классеном находились Яремчук и Баль. Они, согласно игровой логике, должны были помешать им. Вступать в чужой спор я не имел права - таковы вратарские законы. А посылались мячи в штрафную на такой высоте, что выходить на их перехват было рискованно.

Когда же с одобрения судей забивал Кулеманс, я не рискнул оставить ворота и выйти навстречу ему, потому что справа от капитана бельгийцев бежал Классен, которому в любую секунду мог быть передан мяч.

Предвижу саркастические улыбки: «Здорово оправдался Дасаев. Ничего не скажешь. Понятно, это гораздо проще, чем защищать ворота».

Никогда пропущенным мячам оправдания не искал. Даже если они в сетку влетали с пенальти. Не в моих это правилах. Более того, считаю: вратарь в каждом голе так или иначе повинен, поскольку теоретически от любого может уберечь. Но, увы, только теоретически...

Ответственность за поражение в матче несу не меньшую, чем остальные. Но и главным виновником, коим меня поспешили некоторые объявить, себя не считаю.

Одно твердо знаю - проведи мы матч обычным составом обороняющихся, которым начинали чемпионат, вряд ли бы бельгийцы праздновали победу.

...Конечно, Шифо вне игры. Вот он стоит чуть сзади Яремчука. Вот принимает мяч...

А Кулеманс? Более явного офсайда не бывает. Как же этого

можно не заметить?!

Вот уже вторые сутки телевидение не перестает крутить эти два скандальных, по мнению обозревателей, эпизода матча с бельгийцами, доказывая, что «судьи беззастенчиво лишили русских заслуженной победы». И каждый раз, до боли всматриваясь в мерцающий экран, я наивно жду, что вот сейчас все-таки раздастся свисток и...

Но чудес, как известно, не бывает.

Хочется отвести глаза.

Но надо смотреть. Обязательно. Чем беспощадней уроки футбольной игры, тем лучше они усваиваются.

...Мы летим домой.

Но время не потеряно зря. Мы не отступили перед Игрой, проверившей нас по самому большому счету. Мы закалились, стали крепче, поверили в себя, друг в друга.

В этой проверке родилась команда. И это очень важно.

Чемпионат мира закончился. Футбол продолжается.

ДИАЛОГ ВОСЬМОЙ, в котором авторы приходят к выводу, что и неудачи в футболе могут иногда служить поводом для оптимизма.

А. Львов: Итак, Ринат, позади Мексика. Четыре года назад была Испания. Попытайся сравнить эти два чемпионата.

Р. Дасаев: Но с чего начать?

А. Львов: Наверное, с самого главного - игры.

Р. Дасаев: В Мексике мы еще раз убедились, что признание в футболе можно завоевать не только занятым местом. В Испании оно было выше у нас, но удовлетворения ни нам, ни болельщикам не принесло - не было игры. А вот в Мексике все получилось наоборот.

Этим и отличается для нашей команды чемпионат-86 от предыдущего.

А. Львов: На разных этапах мексиканского первенства положительно отзывались и об игре сборных Дании, Бразилии, Франции, проча им, как и советской, гораздо более высокие места, чем те, которые в итоге они заняли. Не считаешь ли ты, что прогнозы эти не оправдались из-за неправильно выбранной командами турнирной стратегии?

Р. Дасаев: Каждый выбирал ее по своему усмотрению. Тому были свои причины. Отправляясь в Мексику, все (особенно европейцы) знали - влажность, жара, высокогорье заставят внести поправку как в игру, так и в подготовку к ней. Потребуют исключительно точного распределения сил. Вот и пришлось каждому ломать голову над тем, стоит ли прямо со старта отдавать игре все или же поберечь себя, думая о будущем.

И принятое решение не всегда оказывалось правильным. Примеров хватает. Так и не сумели приспособиться к непривычной обстановке чемпионы мира - итальянцы. Рухнули в одной восьмой финала во встрече с испанцами не щадившие себя в групповых состязаниях датчане. Не добрались до финала, где все думали их увидеть, чемпионы Европы - французы, выстрелившие из всех орудий в матче с бразильцами...

Любой турнир выдвигает свои требования. И не каждому, порой даже самому искушенному бойцу оказывается по силам их выполнить.

А. Львов: Быть может, в числе таковых оказалась и наша сборная? Еще в Мексике мне доводилось слышать, что будь она экономней, сдержанней в игре на старте, наверняка вышла бы в четвертьфинал, одолев «бельгийский барьер»...

Р. Дасаев: Убежден, причина нашей осечки не в этом. Бельгийцы победили вовсе не потому, что были лучше нас физически готовы. Они оказались сильнее прежде всего психологически.

Когда за тринадцать минут до конца счет стал равным, мы попросту растерялись, поскольку к такому повороту не были готовы. Вывела из себя, лишила уверенности и явная предвзятость судей.

Более опытный, умеющий управлять эмоциями соперник это мгновенно почувствовал. И, как говорят борцы, «дожал» нас.

А. Львов: Раньше, когда вы еще вели в счете, возможно, следовало поискать средства для сохранения инициативы: изменить игровой рисунок, сместить игровые акценты...

Р. Дасаев: Конечно, но это стало ясно потом. А на поле казалось, что все идет правильно, что действовать нужно в прежнем ключе. Противник взвинчивал, нагнетал темп и паузы, для того чтобы осмотреться, не давал. А сами найти такой момент не смогли.

А. Львов: Здесь, видимо, свое слово должны были сказать полузащитники, ведь регулирование темпа, ритма игры их прямая обязанность.

Р. Дасаев: Так-то оно так. Но все четверо - Рац, Яковенко, Яремчук и Алейников - действовали в этой игре менее энергично, интересно, чем во встречах с венграми и французами, хотя трое первых имели на восстановление десятидневный перерыв. Как выяснилось, это вовсе не гарантировало к матчу с бельгийцами их оптимальной игровой формы. Возможно, будь они поопытней (до этого они за сборную по 4-5 матчей провели), сумели бы по ходу встречи предпринять какие-то необходимые шаги, чтобы не дать противнику перехватить инициативу.

А. Львов: Безусловно, опыт, высокая психологическая готовность имеют в матчах подобного уровня огромное значение. Но ведь и обладая ими, вряд ли можно предвидеть неприятные ситуации, которые возникают из-за необъективного судейства.

Р. Дасаев: Предвидеть, нет. А вот выбираться быстро из положений, возникших в результате ошибок арбитров, помогают. Именно умения мгновенно сориентироваться, способности держать себя в руках нам и не хватило. Вот почему мы клюнули на приманку бельгийцев - ввязались в обмен ударами. И поплатились.

А. Львов: Мне кажется, что встреча сложилась бы иначе, окажись в нашей команде игрок, способный спокойствием, выдержкой, вернуть уверенность остальным. В бельгийской команде он был. И сделал немало. Я имею в виду Кулеманса.

Р. Дасаев: Ты прав. У нас не было лидера в Испании, не было и в Мексике. На последнем чемпионате мы играли интересней, мощней. Но прежде всего за счет отлаженных коллективных действий. Заваров, Рац, Яковенко, Беланов, Яремчук, Алейников, кто-то в большей мере, кто-то в меньшей, доказали, что они игроки больших возможностей. Но роль лидера им тогда была еще не по плечу. Для этого одних игровых данных недостаточно. Необходимы еще и опыт, психологическая устойчивость, авторитет.

А. Львов: Это подтверждает пример Марадоны. В Мексике мы увидели его совсем иным, нежели в Испании. Годы многое изменили в нем. Исчезла взбалмошность, капризность вундеркинда. Появилась строгость. Он перестал распылять себя на мелочи. Именно поэтому ему удавалось сохранять вдохновение до самого последнего в атаке момента, концовка которого столько раз приводила в восторг трибуны. Вспомним его второй гол англичанам, когда по дороге к воротам Шилтона Марадона обыграл четверых (!) соперников...

Не случайно тренер победителей первенства Билардо заявил: «Даже для меня игра Диего в Мексике стала открытием!»

Вообще чемпионат мира всегда щедр на открытия. А что, по-твоему, дал он нашей команде?

Р. Дасаев: Прежде всего веру в будущее. И принесла ее игра, родившаяся не вдруг, не на пустом месте. В сборную пришли талантливые, самолюбивые ребята.

Рац, Яремчук, Беланов, Заваров, Яковенко - всех мы знали и раньше, но в Мексике они по-новому проявили себя. Возьмем того же Беланова в отборочном матче с датчанами в Копенгагене - это растерянный, не находящий себе применения игрок. А как уверенно действовал он год спустя в Леоне во встрече с

бельгийцами, забив три мяча.

Более собранным, организованным выглядел в Мексике и Алейников...

К трудностям нас готовили: тренерами была создана необходимая для игры и работы обстановка, перед каждым были поставлены конкретные задачи. Мелочей не существовало ни в чем. Лобановский точно знал, какую игру мы способны показать. И уверенно подводил нас к ней.

Существовали опасения, что в Мексике у киевлян наступил спад, поскольку пик игровой формы у них приходился на решающие матчи европейского турнира. Но Валерий Васильевич и здесь все рассчитал. И если бы...

А. Львов: Безусловно, трудности, с которыми столкнулась наша сборная в Мексике, закалили ее, помогли окрепнуть, обрести игру, родившую надежды на то, что завтрашний день у главной команды страны есть. Это подтвердила спустя несколько месяцев и ее победа в Париже в отборочном матче европейского первенства у французских футболистов. Их бывший наставник Мишель Идальго сказал: «У советской команды, несомненно, хорошее будущее. В этом меня убедили ее игра в Мексике и победа на «Парк де Пренс».

Р. Дасаев: Тот успех ценен для нас прежде всего тем, что добыт игрой, открытой нами на мировом первенстве. Пусть оно и не принесло победных лавров, но многому научило.

А. Львов: Выходит, что и неудача может служить поводом для оптимизма...

Р. Дасаев: Но только при одном условии - если из нее сделать правильные выводы.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА, в которой один из авторов, перехватывая инициативу, рассказывает о соавторе.

...Он позвонил мне прямо из Внукова. В голосе вместе с усталостью легко угадывалась и какая-то неудовлетворенность. Спросил:

- Ну, что, смотрел нашу вчерашнюю игру?

- Смотрел, - ответил я, предугадывая, о чем дальше пойдет речь.

- Ну, и как?

- Маловато забили, по-моему. Но ты сыграл здорово.

- При чем тут я, - раздраженно сказал Дасаев. - Я свое дело делал. А что забили немного, ты прав. В Кельне может не хватить...

И, поменяв тему, судя по всему, не слишком приятного для него разговора, не начать с которого он просто не мог, предложил:

- Давай сегодня Льва Ивановича Яшина навестим. Мне в Тбилиси сказали, что его выписали из больницы и он уже дома. Я сейчас из аэропорта прямо в Сокольники. Брошу сумку, переоденусь и часа в три жду тебя.

- Идет, - согласился я.

И тут же набрал номер домашнего телефона Яшина.

Узнав о нашем желании повидать его, Лев Иванович обрадовался.

- Хорошо, что собрались. Давно Рината не видел. Приходите во второй половине дня. Посидим, чайку попьем, о делах футбольных расскажете.

Всю дорогу от Сокольников до Песчаной Дасаев молчал, уставившись в какую-то, видимую ему одному точку лобного стекла «Жигулей» и думая о чем-то своем.

По пути заехали на Ленинградский рынок. Дасаева узнали. Круглолицый, в белоснежном фартуке, оттеняющем на обвисших щеках трехдневную щетину, южанин, гранаты которого нам приглянулись, широко разводя руки, улыбаясь, воскликнул:

- Как дела, Ринат?! Как живешь, дорогой?!

И, не дождавшись ответа на первые вопросы, мгновенно выпустил очередь новых:

- Слушай, что там наша «Нефтчи» себе думает? Совсем,

честное слово, развалилась, эээ... А что «Спартак»? Как теперь в Кельне сыграете?..

Я тебе вот что скажу, - неожиданно перешел на серьезный тон посланец плодородного Закавказья, - если будете так же, не по-мужски, атаковать, как и мои бакинские земляки, то, клянусь, проиграете.

Обстоятельное обсуждение ближайшего будущего «Нефтчи» и «Спартака» не входило в наши планы. А посему, вежливо кивнув на прощание словоохотливому хозяину роскошных фруктов, мы попытались уйти от него.

Увидев это, он тут же вспомнил о своих обязанностях и в секунду загрузил весы разбухшими, вот-вот готовыми разорваться от распиравшего их сока гранатами, не переставая при этом приговаривать:

- Ты знаешь, какой у меня товар? Сплошной витамин, честное слово. Один гранат съешь - в момент настоящим мужчиной станешь - сильным, здоровым. Нервы стальными будут, клянусь...

В машине Ринат заметно повеселел.

- Хорош этот бакинец, ничего не скажешь. Все знает - и про витамины, и про то, как атаковать надо, -улыбаясь вспоминал Дасаев забавную встречу. И, чуть помолчав, подбросил на ладони один из красавцев плодов и задумчиво произнес:

- Да, хорошо было бы, если действительно от гранатов сил прибавилось. Ведь и силенки и нервы еще, ох, как нужны...

Яшин встретил нас в прихожей.

- Давайте, давайте, раздевайтесь, - командовал он, показывая, куда можно повесить одежду. - Проходите. Чай уже готов.

И сам проводил в большую с громадными окнами комнату, на стенах которой множество фотографий, вымпелов и призов напоминали о блестящем футбольном прошлом гостеприимного хозяина.

- Только не спрашивайте, как здоровье, - опередил нас Лев Иванович. - Все нормально. Вот пока к ним, - кивнул он на аккуратно пристроенные рядом с диваном костыли, - привыкаю. Но это временно. Скоро по новой учиться ходить буду. За руль опять сяду. Словом, все должно быть в порядке.

И на его заметно осунувшемся, еще не отошедшем от последних переживаний лице как бы в подтверждение сказанного появилась улыбка.

- Ну, а как ваши дела? - не упуская инициативы, продолжал Яшин. - Слышал, над книгой работаете? Молодцы, нужное дело делаете. А то все получается как-то неладно, не всегда, к сожалению, о вратарях пишут те, кто в нашем деле по-настоящему разбирается.

Чашка застыла в поднятой руке Льва Ивановича и вновь возвратилась на стол.

- С чемпионата мира в Чили в шестьдесят втором году, - продолжал он, - репортажи в Москву передавал один журналист, не буду называть его фамилии. Не знаю, хотел он того или нет, но по его отчетам получилось, что в неудаче нашей сборной один я оказался виноватым. Ну, а поскольку в ту пору время дальних телевизионных трансляций еще не наступило, все ему поверили. Правда, как потом выяснилось, корреспондент этот футбол там, в Чили, в первый раз только и увидел. Но это уже потом...

- Рассказывают, что вы чуть ли не заканчивать играть тогда собирались? - спросил Дасаев.

- Было дело, - кивнул Яшин. - Но вовремя одумался, переборол обиду. Понял, что уйти, не доказав, не заставив вновь поверить в себя, просто не смогу. Не в нашем это вратарском характере: сдаваться и уступать. Спасибо ребятам, тренерам - помогли, поддержали. И может быть, свои лучшие матчи я именно потом сыграл. И на мировом первенстве в Англии, и на «Уэмбли» за сборную мира...

Неожиданно, взяв в руки костыли, Яшин резко поднялся. Несколько раз пересек комнату в разных направлениях и вновь опустился на диван. Нахлынувшие воспоминания, видимо, взволновали его. Что было совсем, как мы понимали, некстати.

- Все в порядке, - заметив нашу растерянность, улыбнулся Лев Иванович. - Давайте теперь вы рассказывайте. Что там у тебя, Ринат? Как играется?

- Трудно, - смутился Дасаев. - Вроде бы и ошибался в сезоне считанное количество раз, но критиковали частенько.

- А как же ты думал? - понимающе взглянул на него Яшин. - То, что могут простить какому-то вратарю, никогда не простят «первому номеру» сборной. С тебя, брат, спрос особый - по самому большому счету. Не забывай.

...И завязался типичный разговор двух голкиперов, один из которых то и дело прибегал к обороту «я помню...», а второй больше слушал, довольно скупо отвечая на вопросы и с некоторой стеснительностью рассказывая о себе.

Я же почти в нем не участвовал. Мне было интересно наблюдать со стороны за беседой этих с виду совершенно не похожих людей, но в одном безусловно одинаковых: в беспредельной увлеченности и преданности футболу. Они говорили азартно, забыв о разнице в возрасте, о том, что один уже давно ушел из спорта, а второй еще даже не думает, что может прийти этот час.

Они чувствовали себя сейчас только вратарями. И это было

для них самым главным.

Настало время прощаться.

И уже в дверях Яшин вдруг сказал:

- Удачи тебе, Ринат. Давай не подводи меня. - А затем, чуть помолчав, добавил: - Я ведь там, на поле, вместе с тобой играю...

...Снимок Яшина и Дасаева, сделанный фотокорреспондентом ТАСС Игорем Уткиным в Новогорске накануне вылета сборной в Испанию, обошел газеты и журналы многих стран. Но уже позднее - по окончании мирового чемпионата.

Именно после него фамилия 25-летнего вратаря советской команды стала известна в футбольном мире. И кадр, запечатлевший беседу «голкипера всех времен» с одной из «звезд» испанского первенства, сразу же оказался «в цене».

Дасаева тут же провозгласили преемником Яшина, самым талантливым и способным его учеником.

Как-то у Льва Ивановича спросили, что он сам думает по этому поводу. Со свойственной ему скромностью Яшин ответил:

- Учить, в полном смысле этого слова, Рината не доводилось. Ну, а если он у меня что-то перенял, что-то из моего опыта взял - я рад. В свои годы Дасаев прошел все испытания, которые положено пройти настоящему вратарю, ни разу не дав повода усомниться в себе. Таким учеником можно только гордиться.

Да, вратарь оценивается пропущенными голами, полученными травмами, умением переносить испытания, в любом случае оставаться самим собой.

Сам Дасаев, о чем он и говорит в главе «Главная команда страны», почувствовал себя настоящим вратарем только после испанского чемпионата.

Из многочисленных рассказов об испанском первенстве - участников, журналистов, очевидцев - нетрудно понять, что в нем наша сборная проходила испытание прежде всего атакой противника, увы, так и не сумев ничего интересного организовать в ответ. Поэтому на плечи ее защитников и вратаря легла основная нагрузка. И справились они с ней с честью, что подтвердилось затем наибольшим представительством игроков обороны в коротком, хотя и условном списке тех, кто провел чемпионат в Испании, по общему мнению, на хорошем уровне.

Дасаева же и Чивадзе еще в ходе первенства регулярно включали в различные символические сборные мира.

Для того чтобы понять, как высоко оценили представители пишущей братии и специалисты мастерство наших капитана и вратаря, приведу один из наиболее интересных, на мой взгляд, вариантов такой команды -своеобразного эталона футбольной одаренности:

Дасаев (СССР), Джентиле (Италия), Трезор (Франция), Чивадзе (СССР), Пасарелла (Аргентина), Жуниор (Бразилия) - линия обороны; Шустер (ФРГ), Сократес (Бразилия), Зико (Бразилия) - полузащитники; Росси (Италия) и Марадона (Аргентина) - атака.

Согласитесь, что попасть в столь уважаемую и именитую компанию «звезд» совсем непросто. И место в ней вряд ли можно заполучить по ошибке или с помощью счастливой случайности.

Однажды я поинтересовался у Дасаева, думал ли он в Испании о том, как оценивают его игру, как к ней относятся журналисты и комментаторы. Ведь в конце концов любому человеку любопытно знать, как воспринимается со стороны то, что он делает.

В ответ Ринат недоуменно пожал плечами:

- Ни к чему мне было. Я просто играл. И старался это делать как можно лучше.

«Я просто играл. И старался это делать как можно лучше...» В незатейливости ответа суть самого Дасаева, его поразительного взлета из второй лиги на вершину мирового признания.

Сначала мальчишкой в астраханской футбольной школе. Затем в местной команде второй лиги - «Волгаре». Потом в вернувшемся на большую орбиту, заново рождающемся «Спартаке». И наконец, в воротах сборной -главной команды страны.

Везде он просто играл и старался это делать как можно лучше. Из года в год. Из сезона в сезон. Из матча в матч.

Не меняясь. Не выходя из состояния, отчасти подаренного ему природой, но главным образом найденного благодаря невероятному упорству, колоссальной вере в себя, счастливого состояния радости и счастья оттого, что играет в футбол.

Директор тренировочного манежа в Сокольниках, который спартаковцы считают своим вторым домом, Анатолий Петрович Беленков - человек, связанный с командой долгие годы, Как-то заметил, что, в отличие от многих приходивших в «Спартак» футболистов, в Дасаеве с момента его появления мало что изменилось.

Нетрудно заметить, что на протяжении всей книги, даже в главах, где согласно замыслу он является основным действующим лицом, Ринат мало рассказывает о себе, о собственных вратарских «подвигах», больше уделяет внимания тем, кто помогал их ему совершить. «Мне везет на людей и в жизни, и в футболе», - частенько повторяет он.

Но случайно ли это поразительное везение?

Я думаю, что с первых его шагов в футболе - в «Волгаре»,

«Спартаке», сборной - те люди, на которых, как он утверждает, ему так везло, относились к нему с вниманием и теплом именно потому, что видели в нем доброго, открытого человека, умеющего уважать окружающих и самого себя.

Работая над рукописью, когда она уже подходила к концу, Ринат беспокоился, не забыли ли кого-то упомянуть, о ком-то вспомнить, и только потому, что боялся выглядеть неблагодарным, принимающим помощь как должное.

Встречались ли на пути Дасаева люди, в которых ему приходилось разочаровываться?

Были. Но о таких Ринат не любит даже вспоминать, что уже в какой-то степени является ответом на вопрос. Как-то он мрачно пошутил на сей счет, сказав, что от проходимцев и врагов тоже есть своя польза, поскольку общение с ними помогает не расслабляться и учит бережней относиться к хорошим людям.

Алексей Прудников, ныне защищающий ворота столичного «Динамо», утверждает, что многими премудростями вратарского дела овладел именно с помощью Дасаева, опекавшего его в «Спартаке», как младшего брата.

Ринат по этому поводу говорит следующее:

- Помогал я Лешке чем мог. А как же иначе? Но он и сам парень смекалистый, старательный. Так что тут моей заслуги нет.

Возьму на себя смелость утверждать, что Дасаев в судьбе Прудникова сыграл немалую роль. И иного отношения к менее опытному напарнику с его стороны быть просто не могло. Не удивлюсь, что те же самые слова, которые когда-то услышал о Дасаеве от Прудникова, повторит спустя некоторое время сменивший Алексея в воротах спартаковского дубля Станислав Черчесов, о котором Ринат отзывается как о способном голкипере.

Это проявление внимания к другим, умение делиться с ними опытом - также один из источников, в котором Дасаев черпает столь необходимые силы для непрекращающейся борьбы с неотступно преследующей усталостью, постоянно жаждущими реванша соперниками, наконец, с самим собой.

Чтобы всегда быть первым - и в «Спартаке», и в сборной.

Сколько это стоит сил, нервов?

Думаю, что подсчитать подобные затраты невозможно. Но достаточно увидеть Дасаева после матча - и многое станет ясно. После любого.

Как-то по окончании игры с харьковским «Металлистом» в Лужниках, завершившейся победой «Спартака» с минимальным счетом, в которой Ринат оказался практически «без работы», он дольше всех не выходил из раздевалки. А когда вышел, то первым делом разыскал под трибунами телефон и, набрав номер,

извинился перед друзьями, что очень устал и не может приехать к ним на свадьбу.

По дороге я осторожно поинтересовался, почему он вдруг передумал ехать на торжество. Ведь матч вроде бы был для него несложным.

- Не из сложных, говоришь? - переспросил Дасаев. - Да, по воротам харьковчане почти не били. Но каждую из девяноста минут я все время ждал их ударов. Такие встречи выматывают не меньше, а порой даже больше, чем те, в которых работы хватает.

И, помолчав, добавил:

- Устал я, страшно устал...

Так что пусть не обманывает вас внешний вид вратаря, покидающего поле в идеально чистой из-за игровой незагруженности форме. Матч не был для него легким и спокойным. Таких у вратарей не бывает никогда. И каждый - очередная проверка, самоутверждение.

Вернувшись из Испании «новым» Дасаевым - проверенным по самому большому счету, заслужившим уважение и признание футбольного мира, Ринат вместе со «Спартаком» отправился в Ереван на встречу с местным «Араратом». И команда, и он сыграли на «Раздане» уверенно, хотя вместо двух ожидаемых очков привезли в Москву только одно.

Скорее всего, матч этот так бы и остался занесенным мной, как, впрочем, и другими, в число рядовых, если бы не то, что поведал о нем позднее Дасаев.

- Ты не можешь себе представить, как волновался я перед игрой в Ереване, - рассказывал Ринат. - Всю ночь накануне не спал - думал, как бы не оплошать. Хочешь верь, а хочешь нет, в Испании, перед встречей с бразильцами, уверенней себя чувствовал. А тут едем на стадион - дрожь колотит. На разминке-то же состояние. Все два тайма на табло поглядывал - время считал...

Признаюсь, я не сразу сообразил, почему вдруг у него, прошедшего сквозь медные трубы испанского первенства, где он должен был закалиться и окрепнуть, так неожиданно разгулялись нервы. Да еще перед обычной, возможно, и не самой трудной встречей чемпионата страны, которых за его плечами набралось к тому времени уже более двухсот.

Заметив, что мне не понятны его волнения в Ереване, Дасаев пояснил:

- Понимаешь, очень важно было в тот момент доказать, что в Испании я играл не за счет везения. И если бы с «Араратом» дрогнул, то все мог бы смазать, поставить под сомнение. Одним словом, обязан был доказать, что игра моя не зависит от случая...

«Обязан доказать»... И это после проверки, строже которой в футболе нет, - после чемпионата мира, где фамилию Дасаева с уважением называли такие авторитеты, как Пеле, Теле Сантана, Эйсебио...

Значит, каждый матч, включая тренировочный, проверка вратаря. Значит, в любом независимо от ранга и значимости, он обязан доказывать свое мастерство - партнерам, тренерам, соперникам, зрителям, самому себе.

Это тоже один из вратарских законов, нарушение которого влечет за собой неотвратимую расплату.

Дасаев чтит и уважает эти законы, преодолевая порой искушение преступить их. Но не дает себе послаблений и передышки, за что и вознагражден вниманием, популярностью, славой.

Надо сказать, что Дасаев, отдавая должное минусам и плюсам своей популярности, равнодушен к ней.

Поэтому ответ на вопрос, думал ли он в Испании, как оценивают его игру со стороны, отнюдь не выглядит таким странным, как показалось мне вначале.

- Я просто играю, - сказал тогда Дасаев.

Это не означает, что Ринат безразличен к оценке своего труда. Но ему интересно только мнение людей, глубоко разбирающихся в футболе.

«Ринат Дасаев - прекрасный вратарь, с потрясающей техникой, уравновешенной психикой, умением точно выбрать место».

Такую характеристику дал голкиперу «Спартака» и сборной в своей книге «Право на гол» Олег Блохин.

Прочтя ее, Ринат улыбнулся.

- Силен Олег, ничего не скажешь. Не пожалел красок. Впрочем, ему видней.

Действительно, кому, как не самому меткому и удачливому бомбардиру нашего футбола, проверявшему надежность многих, включая самых именитых, вратарей, дать точную оценку одному из них. Игравшему вместе с ним и против него.

Дуэли между Блохиным и Дасаевым всегда оказывались захватывающим, красочным зрелищем, становились украшением матчей.

Несколько лет назад в Киеве одиннадцатый номер киевлян в матче принципиальном (иных между киевским «Динамо» и «Спартаком» в последние годы и не было) бил по воротам Дасаева в упор, метров с семи, казалось, наверняка. Не добившись своего, не стал, как это частенько бывает с форвардами, хвататься в отчаянии за голову, а подошел и восхищенно, с истинно

рыцарским достоинством, пожал руку отразившему невероятно трудный мяч вратарю...

Что может быть выше уважения и похвалы соперника?!.

Они яркое свидетельство настоящего признания. Правда, существуют еще и другие достаточно убедительные его формы. В конце восемьдесят четвертого года более чем авторитетный в футбольном мире английский журнал «Уорлд соккер», следуя предновогодней традиции, опубликовал свой вариант символической сборной мира: Ринат Дасаев (СССР), Ален Жирес (Франция), Мортен Ольсен (Дания), Максим Босси (Франция), Алан Симонсен (Дания), Сократес (Бразилия), Жак Тигана (Франция), Мишель Платини (Франция), Диего Марадона (Аргентина), Карл Хайнц Румменигге (ФРГ) и Бруно Конти (Италия).

В довольно обширном комментарии к нему о Дасаеве было сказано следующее: «Некоторые читатели могут удивиться тому, что Ринат Дасаев обошел английского голкипера Питера Шилтона. Однако Шилтон допустил в минувшем сезоне массу ошибок, а игра Дасаева, особенно в матче против сборной Англии на «Уэмбли», была безупречной. Он продемонстрировал подлинное вратарское мастерство, реальный класс при защите ворот... »

Если включение в подобные символические сборные в ходе и по горячим следам испанского чемпионата могло показаться мгновенной реакцией на неожиданный игровой всплеск малоизвестного советского голкипера, то появление фамилии Дасаева в составе «всех «звезд» мира» спустя два года напрочь исключает случайность проявленного к нему внимания.

И как еще одно подтверждение этого - символическое приглашение его в свою сборную мира героем сезона-84 элегантным французом Платини. «Великий Мишель», как восторженно называют Платини французские болельщики, «собрал» следующую компанию футбольных знаменитостей: Дасаев (СССР), Жуниор (Бразилия), Пасарелла (Аргентина), Карл Хайнц Форстер (ФРГ), Кабрини (Италия), Бригель (ФРГ), Фалькао (Бразилия), Тигана (Франция), Марадона (Аргентина), Раш (Англия) и Румменигге (ФРГ).

Любопытно, что Дасаев и Платини однажды уже встречались друг с другом - весной восьмидесятого на поле Лужников.

Оба вели тогда борьбу за утверждение своего футбольного авторитета. И никто из них не знал, чем она завершится.

Если судить по титулам и победам, то судьба более счастливо сложилась у французского мастера - два «Золотых мяча», присужденных лучшему футболисту Европы, звание чемпиона

континента...

Коллекция наград Дасаева скромней - в ней пока только одна золотая, несколько серебряных и бронзовых медалей всесоюзного первенства и награда за третье место в олимпийском футбольном турнире.

Но коллекции вратарей особые. И считать в них надо не только кубки, призы и медали, но и матчи, в которых своей игрой они заставляли восторгаться многотысячные трибуны, вселяя уверенность в партнеров и заставляя терять ее соперников. Матчи, которые во многом благодаря им становились истинным праздником футбола, торжеством игры.

Таких у Дасаева было немало. И уверен - будет еще много.

Уверен потому, что он просто играет и старается это делать как можно лучше.